

ЭСКИМОСЫ АЛЮТИИК

Каталог коллекций Кунсткамеры

Санкт-Петербург
«Наука»
2010

УДК 39:069(= 562)

ББК 63.5

Э85

Автор-составитель каталога

С. А. Корсун

Ответственный редактор

Ю. Е. Березкин

Руководитель проекта

Ю. А. Купина

Э85 **Эскимосы аляутиик: Каталог коллекций Кунсткамеры** / Автор-сост. С. А. Корсун, отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб.: Наука, 2010. 464 с.

ISBN 978-5-02-025594-4

В каталоге представлены предметы традиционной культуры эскимосов аляутиик, населяющих тихоокеанское побережье Аляски. До 1867 года Аляска входила в состав Российской империи, а затем была продана США. Российские мореплаватели, путешественники, исследователи, служащие Российско-Американской компании, православные миссионеры в течение более ста лет привозили в Кунсткамеру коллекции по эскимосам аляутиик и другим народам Аляски и северной Калифорнии (Русской Америки). Благодаря их деятельности Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) располагает наиболее старыми по времени сбора коллекциями по народам Русской Америки.

УДК 39:069(= 562)

ББК 63.5

Каталог издан при поддержке и в сотрудничестве с Alutiiq Museum and Archaeological Repository (Alaska, USA), Koniag Corporation (Alaska, USA), Chugach Alaska Corporation (Alaska, USA).

На шмуцтитулах книги изображены:

гипсовая фигурка катмайца (собрание МАЭ),

гипсовая фигурка кадьякца (собрание МАЭ),

рисунок из атласа к третьему путешествию Дж. Кука:

[Cook James]. A Voyage to the Pacific Ocean. London, 1784. Vol. II and Atlas

(Plate 46: "A man of Prince Williams Sound").

© Издательство «Наука»,

редакционно-издательское оформление, 2010

© МАЭ РАН, тексты, дизайн, изображения, 2010

© НИМ РАХ, изображения, 2010

© ЗАО «Издательский дом „Ацтек”», дизайн, 2010

© Ю. К. Чистов, предисловие, 2010

© Ю. Е. Березкин, статья, 2010

© С. А. Корсун, статьи, аннотации, 2010

© С. Д. Хаакансон, статья, 2010

ISBN 978-5-02-025594-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ) является наследником старейшего отечественного музея — Петербургской Кунсткамеры, основанной в 1714 г. За три столетия существования музея в нем сосредоточилось около двухсот пятидесяти тысяч этнографических экспонатов, отражающих традиционную культуру многих народов мира. Среди них достойное место занимает собрание по этнографии коренного населения Северной Америки и прежде всего с территории бывших российских владений — Русской Америки. Обычно под Русской Америкой понимается территория на северо-западе континента, которая включает Аляску с окружающими ее островами, а также небольшой район в Северной Калифорнии, где располагалось селение Росс.

Коллекции МАЭ по народам Русской Америки формировались на протяжении более двухсот пятидесяти лет начиная с середины XVIII в. Благодаря собирательской деятельности ученых, мореплавателей, служащих Российско-Американской компании в настоящее время музей обладает наиболее ценными в научном отношении и ранними по времени сбора коллекциями, по сравнению с другими этнографическими музеями мира. Европейские и американские исследователи стали заниматься сбором коллекций на террито-

рии Аляски и Калифорнии в основном в конце XIX в. К этому времени многие элементы традиционной культуры аборигенов были утрачены или подверглись сильному влиянию европейской культуры. Поэтому собрание МАЭ по народам Русской Америки имеет непреходящую научную ценность для современных исследователей, аборигенов Аляски и Калифорнии и широкой публики, о чем свидетельствуют многочисленные международные выставки, на которых демонстрировались коллекции музея.

В коротком предисловии к публикуемому полному каталогу коллекций музея по культуре эскимосов аляутиник хотелось бы перечислить основные международные выставочные проекты, где часть этих коллекций наряду с экспонатами, представляющими другие коренные народы Аляски, экспонировалась и публиковалась в соответствующих каталогах выставок.

В 1973–1974 гг. состоялась первая крупная международная выставка, посвященная культуре коренного населения Северной Америки, в которой МАЭ принял участие наряду с несколькими музеями Европы и США — «Дальний Север: 2000 лет искусства американских эскимосов и индейцев». Выставка проходила в Вашингтоне, Анкоридже, Портланде и Форт Уэрте.

В 1977 г. в результате сотрудничества советских и американских ученых возникла идея организации выставки «На стыке континентов», однако она состоялась только в 1988—1991 гг. Во время открытия выставки в 1988 г. в Вашингтоне прошел симпозиум, где были представлены доклады сотрудников МАЭ: Г.И. Дзенискевич, Р.Г. Ляпуновой, Е.А. Михайловой, Ч.М. Таксами. После Вашингтона выставка демонстрировалась в Сиэтле, Нью-Йорке, Индианаполисе, Лос-Анджелесе, Анкоридже и Оттаве. Также в 1988 г. в Калгари в Музее Гленбоу, а затем в Канадском музее цивилизации в Оттаве прошла выставка «Песни духов. Художественные традиции коренных народов Канады», на которой экспонировалось несколько предметов ирокезов, атапасков и тлинкитов из собрания МАЭ.

В 1990—1992 гг. в Анкоридже работала выставка «Русская Америка: забытая граница», где были представлены пятнадцать предметов народов Аляски и Калифорнии из собраний МАЭ.

В 1996 г. в Германии прошла выставка изделий из кости народов Сибири и Аляски. В ее каталоге дано краткое описание тридцати пяти предметов народов Аляски из собрания МАЭ. В том же году в Испании прошла специализированная выставка, посвященная искусству тлинкитов, где экспонировалось более семидесяти предметов из собрания МАЭ.

В 1999—2000 гг. в городах Анкоридж и Сан-Франциско работала выставка «Наука под парусами. Великие русские путешествия в Америку, 1728—1867», где было представлено более тридцати предметов из самых ранних коллекций музея по народам Аляски. В этот же период в Барселоне и Мадриде, а затем в Хьюстоне прошла международная выставка по культуре индейцев северо-западного побережья Северной Америки «Духи воды. Искусство аборигенов, собранное экспедициями на Аляске и в Британской Колумбии, 1774—1910». Наш музей предоставил для этой выставки более двадцати предметов по культуре тлинкитов.

В 2001 г. в Цюрихе в течение полугода работала специализированная выставка, посвященная искусству тлинкитов из собрания МАЭ, на которой было представлено более ста двадцати предметов, из них около половины экспонировались впервые.

В 2002—2003 гг. в Финляндии и Швеции прошла выставка по культуре народов Севера «Арктическая цивилизация», организованная совместно отделом народов Сибири и отделом народов Америки МАЭ. Всего на этой выставке экспонировалось около 500 предметов, из них более ста тридцати по культуре американских эскимосов и алеутов. В этот же период

в Дортмунде прошла комплексная выставка, посвященная истории Кунсткамеры и ее роли в развитии науки в России. Наряду с другими экспонатами музея на ней можно было увидеть и памятники культуры народов Русской Америки. В 2002—2003 гг. в Париже состоялась выставка, посвященная культуре эскимосов острова Кадьяк, с участием нескольких предметов из коллекций МАЭ.

В 2003 г. в МАЭ при содействии Генерального консульства США в Санкт-Петербурге прошла выставка «Россия — Америка: 300 лет в книгах, картах, документах», на которой кроме музейных экспонатов были представлены документы и книги из собраний Архива Российской академии наук и Библиотеки Российской академии наук.

В 2004—2005 гг. в Торонто состоялась специализированная выставка МАЭ «Умиротворение духов: Прибрежные культуры Аляски», на которой экспонировалось около восьмидесяти уникальных предметов традиционной культуры алеутов и эскимосов Аляски.

Международные проекты сделали американские коллекции МАЭ хорошо известными за рубежом и ввели их в широкий научный оборот. В настоящее время большинство специалистов по культуре народов Аляски непосредственно или по каталогам выставок знакомы с коллекциями МАЭ и используют их для сравнительного изучения традиционной культуры отдельных народов.

Однако многочисленные уникальные коллекции одного из старейших этнографических музеев мира невозможно полностью представить на выставках. Чтобы познакомить с ними публику и специалистов, МАЭ на протяжении нескольких лет ведет планомерную работу по публикации полных каталогов своих коллекций. В 2007 г. был опубликован каталог коллекций музея по культуре тлинкитов.

Каталог коллекций по культуре эскимосов аляутиик является важным этапом работы коллектива музея. Подготовка данного издания велась совместно с «Аляутиик музеем и археологическим заповедником» города Кадьяк (Аляска, США) и стала важным этапом в изучении и популяризации памятников культуры предков коренного населения современной Аляски. Распространение информации о памятниках культуры, в том числе и путем издания каталогов музейных коллекций, является сегодня одним из самых эффективных способов сохранения культуры коренных народов.

*Ю. К. Чистов, доктор исторических наук,
директор МАЭ РАН*

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЭСКИМОСОВ АЛЮТИИК

Тихоокеанские эскимосы — алютиик — являются самой южной ветвью эскимосских групп Аляски. К ним относятся чугачи побережья залива Принс Уильям и кадьякцы острова Кадьяк и соседних с ним районов. Среди последних выделяют кадьякцев полуострова Аляска — катмайцев, которых так называют по их селению Катмай. В настоящее время все тихоокеанские эскимосы объединяются под общим этнонимом алютиик. Они говорят на диалекте «юпик западной Аляски» или «алютиик» языка юпик, эскимосской ветви эскимосско-алеутской языковой семьи. Эскимосы алютиик понимали носителей других диалектов языка юпик, населявших Аляску.

Древнее самоназвание эскимосов острова Кадьяк — «кыхтакмиут» или «кыктагмиут» — переводится как «люди Большого острова», соответственно остров Кадьяк на их языке назывался «Кыхтак» — «Большой остров». Слова «Кадьяк», «коняги», «чугачи» или «шугачь» русские заимствовали у алеутов острова Уналашка. Впервые географические названия «Кадьяк» и «Шугачь» упомянуты в рапорте казака С. Т. Пономарева и морехода С. Г. Глотова о посещении островов Умнак и Уналашка в 1761—1762 годах.

С конца XVIII века коренное население острова Кадьяк русские называли алеутами, реже — конягами или кадьякцами. Слово «алеуты» на местном ди-

алекте звучит как «алютиик». Этноним «алеуты» в отношении кадьякцев применялся до 60-х годов XX века. Позднее в этнографической литературе появились названия «тихоокеанские эскимосы» и «коняги». Что касается чугачей, то это название использовалось с конца XVIII века. После продажи Аляски в 1867 году для обозначения этого народа применяли в основном слово «алеуты». Этноним «чугачи» закрепился в этнографической литературе благодаря совместным полевым изысканиям, проведенным в 1933 году датским исследователем К. Биркет-Смитом и американским этнологом Ф. де Лагуной. В 80-е годы XX века в отношении как населения Кадьяка, так и чугачей стали использовать этноним «алютиик». Одновременно возродилось использование самоназвания чугачей — «сугпиак», что переводится как «настоящие люди».

Среди эскимосов Аляски алютиик жили в самых благоприятных климатических условиях — в зоне тайги. В этом районе растут хвойные деревья: кедровая сосна, ситхинская ель, пихта, из лиственных пород распространены береза, ольха, рябина, тополь, осина. Климат тихоокеанского побережья сравнительно мягкий. Более 200 дней в году выпадают осадки. От холодных ветров с востока и севера побережье защищают горы, а проходящее недалеко от берега морское течение согревает море и воздух. Среднегодовая температура

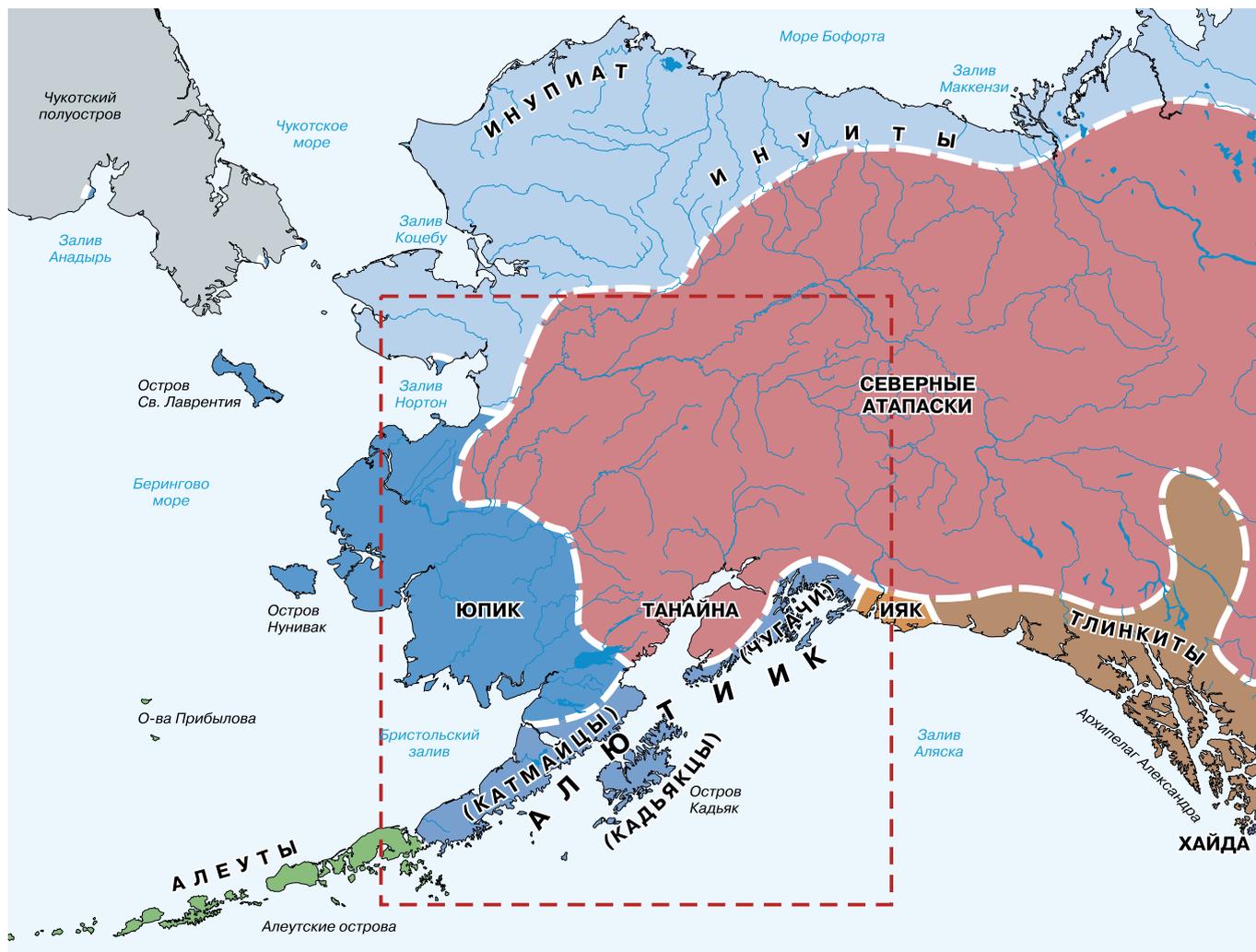
Географическая карта Аляски

зимой -1°C , летом $+12^{\circ}\text{C}$. В этом регионе в изобилии водятся медведи, олени, горные козлы, речные бобры. Из морских животных распространены киты, косатки, сивучи, нерпы, каланы. В прошлом здесь водились морские котики, которые были истреблены в начале XIX века. Из водоплавающих птиц в большом количестве гнездятся утки нескольких видов, гуси, бакланы, топорки и гагары. В лесах встречаются тетерева и куропатки. Как и в других районах Аляски, прибрежные воды изобилуют рыбой лососевых пород, в море водятся треска, сельдь, палтус и другие виды рыб.

У аляутиик был смешанный тип хозяйства, в котором равные доли имели морской зверобойный промысел и рыболовство. Также большую роль играли со-

бирательство, охота на сухопутных животных и птиц. Промысловый сезон начинался в конце февраля с появлением нерпы и морских котиков. В мае появлялись каланы и киты, одновременно начинался ход рыбы, который продолжался до середины сентября. Во время летнего сезона промыслили сивучей, дельфинов, тюленей и охотились на птиц. С октября до конца декабря питались летними запасами рыбы и мяса. Январь и февраль был самым голодным временем года, когда питались в основном моллюсками.

Самое важное место из всех видов охоты занимал китобойный промысел. Один кит обеспечивал жителей целого селения на длительный период. Однако китобойный промысел у аляутиик не достиг такого

Этническая карта Аляски

совершенства, как у эскимосов района мыса Барроу или Гренландии. Аляутник охотились на китов горбачей и кашалотов. Китовая охота была специализацией отдельных семейств, и связанные с ней приемы и обряды передавались из поколения в поколение. Китовый промысел рассматривался как «нечистое» занятие, считалось, что ему способствуют злые духи.

Перед началом китовой охоты промышленники соблюдали строгий пост. В это время они посещали погребальные пещеры, где хранились тела охотников на китов, их выносили из пещер, погружали в ручьи и пили воду из них. Считалось, что таким образом магическая сила и охотничье мастерство передавалось от умершего к живым. У каждого китового промышленника

был магический талисман — часть от тела умершего охотника, которым смазывали наконечники гарпунов. Во время промысла этот талисман всегда находился у охотника. На промысел выезжали утром и только в безветренную погоду. Заметив кита, охотник определял, где тот должен вынырнуть, и быстро плыл к этому месту. Когда кит выныривал, к нему подплывали как можно ближе и под боковой ласт или под хвост метали гарпун с отделяющимся каменным наконечником. Наконечник застревал в теле животного и благодаря боковым зазубринам (выступам) не выскакивал обратно. Метнув гарпун, охотник сразу же отплывал в сторону, чтобы не быть опрокинутым волной от ныряющего кита. Смерть кита зависела от меткости охотника. Жи-

Территория расселения алютик

вотное, которому был нанесен удар точно под боковой ласт, умирало на третий день; в сторону от бокового ластва — на пятый день; под хвост — на восьмой день. Мертвого кита волны выбрасывали на берег. Если его тушу не клевали птицы, считалось, что он протух и не годится в пищу. Самым необходимым продуктом, который получали из кита, был его жир. Без смешивания с жиром нельзя есть сушеную рыбу — юколу, которой питались зимой.

Следующей по значимости была охота на нерпу, во время охоты использовали специальные деревянные головные уборы, вырезанные в виде головы этого животного. Охотник прятался за камнями на мелководье, на которых ранее видели нерп. Имитируя крик самки, он подманивал животное и убивал его гарпуном. Существовал и более продуктивный способ. Обнаружив нерп, спящих на камнях на мелководье, охотники устанавливали в море сеть, а затем громко кричали. Испуганные животные бросались в воду и запутывались в сетях.

До полного истребления морских котиков в начале XIX века алютиик охотились на них отгонным способом. Большая группа людей выходила на лежбище котиков с двух сторон и отгоняла их далеко от берега. Затем животных забивали дубинами ударом по носу.

После начала европейской колонизации, с конца XVIII века, большое значение приобрел промысел калана, которого добывали из-за его меха. Способы охоты на каланов у алеутов и алютиик практически не различались. Охотники выезжали в море небольшими партиями до десяти-пятнадцати каяков, они плыли цепочкой на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было увидеть калана, когда он выныривал на поверхность воды. Первый, кто замечал животное, поднимал весло. Каяки с охотниками становились широким полукругом. Во время первого ныряния калан мог находиться под водой до двадцати минут, затем все меньше и меньше. Когда животное появлялось на поверхности воды, в него с метательной дощечки бросали легкий гарпун с отделяющимся наконечником, который привязывали к древку при помощи длинного маута (шнура). После того как гарпун попадал в калана, древко отскакивало, а наконечник застревал в теле животного. К передней части гарпуна прикрепляли тяжелое костяное навершие (головку древка), поэтому гарпун всегда всплывал в вертикальном положении. Таким образом охотник определял место, где находится раненое животное, и, когда оно выныривало, наносил следующий удар. Обычно, чтобы убить калана, требовалось нанести от четырех до шести ударов. Шкуру получал тот охотник, чей гарпун вонзался ближе к голове зверя.

Наряду с морским зверобойным промыслом большое значение имел сезонный лов лососевых, который продолжался с июня по сентябрь. Как и везде на тихоокеанском побережье Аляски, рыбу ловили при помощи сетей, ловушек и запоров. Улов сушили, вялили, коптили. Обычно запасов рыбы хватало с конца сентября до конца декабря. В последующий период на мелководье собирали моллюсков, водоросли и ракушки.

Из сухопутных животных главным объектом охоты были медведь гризли и длиннохвостый суслик — еврашка. Из медвежьих шкур делали спальные принадлежности, из шкурок еврашек шили одежду — парки. На медведей охотились и зимой, и летом. Зимой, обнаружив берлогу, охотники разводили около нее костер. Почувствовав запах дыма, медведь вылезал из берлоги, в животное стреляли со всех сторон и убивали. Летом группа охотников из пяти-семи человек окружала медведя, и в него стреляли из луков. Медведь бросался то на одного, то на другого охотника, но получал новые удары стрелами в спину и бока. Также на медведей практиковалась индивидуальная охота. Охотник устраивал засаду вблизи медвежьей тропы. На землю он клал старую одежду. Заметив медведя, охотник стрелял из лука и отбегал в сторону. Раненый зверь, почувствовав запах человека, бросался на груды одежды и начинал ее рвать, в это время охотник делал новые выстрелы и убивал животное.

Силе медведей гризли, самцы которых могли достигать двух с половиной метров в высоту и весили более 600 кг, никто не мог противостоять. У алютиик существовал промысловый медвежий культ. Считалось, что медведь и человек тесно связаны друг с другом, что у себя «дома» в берлоге медведь может принимать человеческий облик, а также что он может понимать человеческую речь и сознательно причинять вред человеку. В случае смерти человека в лапах медведя родственники погибшего могли объявить кровную месть «медвежьему народу» и до тех пор убивать медведей, пока в желудке одного из животных не будут обнаружены какие-либо вещи погибшего охотника.

Орудия морского зверобойного промысла алютиик отличались от аналогичных орудий охоты других групп эскимосов Аляски и во многом сближались с алеутскими. Существовали отдельные типы орудий практически для каждого вида животных: моржей, сивучей, морских котиков, китов и т. д. Их можно разделить на несколько типов. Это легкие неповоротные гарпуны, тяжелые неповоротные гарпуны, колющие копья, метательные копья на птиц (шатины), метательные дощечки и дубины для забоя животных. Главное отличие вышеперечисленных орудий охоты состоит в том, что

некоторые из них (легкие) бросали с метательной дощечки, а другие (тяжелые) бросали рукой. Соответственно тяжелые орудия охоты предназначались для добычи крупных животных, а легкие — мелких. Необходимо обратить внимание на тип метательных дощечек аляутиик. Все группы эскимосов от Гренландии до залива Принс Уильям имели метательные дощечки так называемой «мечевидной» формы, а у алеутов метательные дощечки были прямоугольными.

Каяк аляутиик был такого же типа, что и алеутская байдарка, но более широким и коротким и соответственно менее быстроходным и маневренным. Это может свидетельствовать о том, что аляутиик позднее алеутов адаптировались к морскому зверобойному промыслу. У аляутиик существовали каяки трех видов. Однолючные каяки являлись основным видом охотничьей лодки, двухлючные служили для обучения мальчиков морской охоте и перевозки пассажиров. После появления огнестрельного оружия двухлючные каяки стали использовать чаще, так как при стрельбе из ружья из-за отдачи от выстрела легкий однолючный каяк мог опрокинуться. Трехлючные каяки стали изготавливать после появления европейцев, их использовали для перевозки пассажиров.

Зимние жилища аляутиик были такого же типа, как у эскимосов дельты Юкона и Кукоквима и у алеутов. В земле рыли яму четырехугольной формы глубиной около метра, размером 10×6 м. В углы ямы вбивали столбы высотой около двух метров, сверху на них устанавливали раму из жердей, в ее центре оставляли световой люк, служивший окном и дымовым отверстием. Боковые стены (выше ямы) делали из досок. Снаружи все сооружение покрывали циновками и засыпали землей. В центральной части жилища выкапывали углубление для очага, которое обкладывали камнями. Вдоль стен устанавливали лавки, отгороженные друг от друга боковыми перегородками. Здесь семьи хранили домашний скарб. Центральная часть жилища служила общественным помещением для всех обитателей дома. Здесь готовили пищу, сушили рыбу, изготавливали домашнюю утварь и шили одежду. Семьи жили в боковых пристройках, в которые попадали через проход в земляной стене. Здесь находились спальные места — лавки, покрытые шкурами животных. Некоторые спальные помещения имели небольшие световые люки. Они использовались не только как спальни, но и как помещение для парных бань. В XVIII веке вождь каждого селения имел кажим — мужской дом, где проводили религиозные обряды. В начале XIX века в связи с распространением христианства кажимы перестали сооружать.

Одежда аляутиик, как и других групп эскимосов, состояла из парок и камлеек. До контактов с европейцами аляутиик шили парки из меха медведей, каланов, лисиц, сурков (табарганов), сусликов (еврашек) и из шкурок топорков, бакланов и гагар. От населения полуострова Аляска получали олени парки, а от индейцев танайна (денайна) — одежду из замши. С конца XVIII века для изготовления одежды в основном использовали шкуры еврашек и птиц. Еврашечьи парки шили двухслойными — мехом вовнутрь и наружу. Шкуры еврашек разрезали вдоль на две части, на спинку и брюшко. Из спинок шили наружную сторону парки, а из брюшек — внутреннюю. Парка представляет собой длинную рубаху глухого покроя без капюшона, с короткими рукавами. Под рукавами делались прорезы, через которые можно было вынуть руки. Обычно руки держали скрещенными под паркой. Под европейским влиянием с начала XIX века парки стали шить без прорезей, с длинными рукавами. Праздничные женские парки шили из шкурок с шеи бакланов. В этом месте перья у бакланов очень маленькие и гладкие, поэтому казалось, что парка сделана из меха. На изготовление одной парки требовались шкурки ста сорока бакланов. Предпочитали шкурки птиц, добытых весной, когда в общей массе темно-зеленых перьев появлялись вкрапления белых. Воротник таких парок оторачивали кожаной полосой, окрашенной в красный цвет. По всей длине праздничные парки украшали пучками шерстяных нитей красного и зеленого цветов, клювами топорка, орлиными перьями, полосками из кожи горностаев или каланов. Повседневные птичьи парки, которые носили и мужчины, и женщины, шили из шкурок топорка. Эта одежда была хорошо приспособлена к влажному климату. В холодную погоду парки носили перьями к телу, а во время дождя — перьями наружу, чтобы влага стекла по перьям и одежда не промокала.

В сырую погоду и обязательно во время промысла в море надевали камлейку. Камлейки шили из кишок сивуча, нерпы, медведя. Также использовали пленку, снятую с языка кита и его печени. Кишечные полосы всегда сшивались поперек камлейки. В местах швов камлейки украшали пучками красных и зеленых шерстяных ниток, козьим и оленьим волосом. Нижняя часть подола и рукавов украшалась орнаментированными кожаными полосками. Камлейки обязательно имели капюшон. Садясь в каяк, охотник затягивал при помощи шнура рукава и капюшон, а подол обтягивал вокруг входного люка каяка. Перед тем как надеть камлейку, ее обрызгивали водой, чтобы она не трескалась. Самыми легкими, прочными и тонкими были камлейки

из медвежьих кишок, самыми грубыми — из пленки с языка кита.

Из других видов одежды летом мужчины носили набедренную повязку, женщины в холодную погоду надевали короткие натазники. Зимой женщины носили короткие штаны из оленьих шкур, которые получали от эскимосов полуострова Аляска. Мужские сапоги шили из шкур сивучей или нерпы, а женские — из шкурок еврашек. Головные уборы были более многообразны, чем одежда. Для религиозных церемоний и празднеств мужчины использовали богато орнаментированные кожаные «колпаки», сходные с аналогичными головными уборами алеутов. Во время морского промысла вожди и старейшины носили деревянные головные уборы конической формы с сильно вытянутой вперед тульей. Их раскрашивали в виде птичьей головы и украшали резными пластинами из моржовой кости и усами сивуча. Этот тип головных уборов был характерен для всех юпикоязычных групп эскимосов: от Чукотки до залива Принс Уильям — и для алеутов. Другим группам эскимосов и индейцев такой тип головного убора был неизвестен. Аляутинок использовали также шляпы-козырьки с открытым верхом. Этот тип головного убора также был широко распространен среди алеутов. При охоте на нерпу надевали деревянные головные уборы, вырезанные и раскрашенные в виде головы этого животного. Повседневными головными уборами были шляпы, плетенные из еловых корней, их украшали стилизованными рисунками животных. Этот тип шляп был заимствован чугачами у тлинкитов. Чем больше украшений из перьев, раковин, сивучьих усов, бисера и стеклянных бус было на такой шляпе, тем выше был социальный статус ее владельца. Также имелись женские церемониальные головные уборы, полностью покрытые разноцветными бусами и бисером. Из украшений самыми ценными считались кусочки янтаря, раковины дендалиум и крупные голубые бусины китайского производства.

Во второй половине XVIII века общество аляутинок разделялось на родовых вождей и шаманов, простых общинников и рабов. Рабами становились военнопленные и сироты. Рабство было наследственным, и рабов можно было убивать. Такая структура общества кадьякцев сохранялась до 1784 года, когда они были разгромлены в нескольких сражениях людьми купца Г.И. Шелихова, а большинство их рабов перешло на сторону русских. Из бывших рабов Г.И. Шелихов сформировал отряды для уничтожения непокорных вождей.

Что касается духовной культуры, то этногенетические предания аляутинок указывают на происхождение их предков из района Берингоморья. Согласно легенде,

предки аляутинок жили на берегах большой реки Квигнак. Здесь, вероятно, идет речь о реке Юкон, ее эскимосское название переводится как «Большая река». С берегов Квигнака предки аляутинок предприняли длительное путешествие, пересекли полуостров Аляску и заселили остров Кадьяк и ближайшие к нему районы.

Как и многие другие народы, аляутинок разделяли мир на несколько сфер, в которых жили люди и духи. Вероятно, в древности шаманами у аляутинок были только женщины. В конце XVIII века женщины-шаманки встречались редко, а основную часть шаманов составляли «ахнучики» — мужчины, которые с детства воспитывались как женщины, но могли вступать в интимную связь как с женщинами, так и с мужчинами. Считалось, что шаманы обладали одновременно и мужским, и женским началом. Двойственность являлась характерной чертой шамана, считалось, что благодаря этому его душа могла путешествовать в мир духов. Главная задача шамана состояла в предсказывании результатов охоты, войны и будущего людей. Лечением шаманы занимались редко и только в случаях очень тяжелых болезней.

Шаманские ритуалы происходили во время зимних празднеств, которые начинались после окончания промыслового сезона в октябре и продолжались до начала января, пока хватало запасов пищи. Празднества аляутинок можно разделить на три категории. Во-первых, это поминальные потлачи по конкретным умершим. Во-вторых — представления, устраиваемые членами тайных мужских союзов, связанные с культом легендарных предков. В-третьих — шаманские магические обряды, направленные на обеспечение удачной охоты в следующем промысловом сезоне. Поминальные потлачи по умершему проводили в течение нескольких лет. Затем справляли окончательные поминки, после которых умершего не вспоминали. Такие поминки справляли после того, как его имя получал один из новорожденных. Считалось, что душа умершего становилась духом-хранителем ребенка и руководила его действиями, пока он не прошел инициацию и не стал полноправным членом общества.

Наиболее выдающихся охотников и воинов относили к легендарным предкам, и их память чествовали не только близкие родственники, но и члены тайных мужских союзов. Во время церемонии мужчины использовали маски, изображающие духов предков, и исполняли ритуальные танцы. Считалось, что в танцующих вселялись души предков. После танца мужчины с диким криком выбегали из кажима и преследовали женщин, если их догоняли, то женщин кололи маленькими ножами. По окончании празднества женщины даже боялись смотреть на танцоров, которые олице-

творяли духов. Считалось, что общение с предками должно обеспечить успех во всех делах.

Еще один вид празднеств был посвящен обеспечению успешного промысла в следующем сезоне. Здесь главным действующим лицом был шаман. Во время ритуального танца шаман перевоплощался. Считалось, что его душа совершала путешествие в мир духов, где он встречался с духами-хранителями птиц, рыб и животных. Шаман просил у них обеспечить будущую удачную охоту, а духи-хранители животных за выполнение людьми определенных ритуалов обещали богатую добычу в следующем промысловом сезоне.

Загробный мир представлялся подобным земному миру. Считалось, что души умерших попадают в селения своих предков, там бедные оставались бедными, а богатые богатыми. Все же жизнь в загробном мире считалась лучшей, так как там не было европейцев. Ранние исследователи отмечали поразительное равнодушие аляутиик к смерти. Крик, упрек, обида могли стать причиной самоубийства. Умершего одевали в лучшую одежду и украшения, раскрашивали ему лицо и опускали в яму, которую засыпали камнями. Сверху могилы оставляли сломанными его каяк и орудия охоты. Если умирал вождь, то убивали одного из его рабов и хоронили вместе с господином для того, чтобы он служил хозяину в загробном мире. В древности не допускалось, чтобы человек умирал в доме, так как в этом случае дом становился временным пристанищем его души. Такой дом оставлялся живыми и разрушался.

В XIX веке людей, умерших зимой, оставляли в их спальных помещениях и разрушали только эти пристройки, а не весь дом. Китовые промышленники тайно выкапывали из могил тела наиболее выдающихся охотников и переносили их в пещеры. Здесь трупы коптели на огне, чтобы из них вытек жир, которым смазывали наконечники гарпунов.

По многим чертам культура аляутиик является связующим звеном между жителями Алеутских островов и эскимосов юпик Аляски. Типологически едины многие элементы их материальной культуры: жилища, каяки, гарпуны, метательные дощечки, типы одежды, украшений и орнамента. Общим для этих народов является мифологический цикл о происхождении людей от женщины (хозяйки моря) и собаки. При этом необходимо обратить внимание на адаптацию отдельных групп населения Аляски к разным экологическим нишам. Так, главным занятием населения залива Нортон была охота на оленей и китов-белух, эскимосов дельты Юкона и Кускоквима — лов лососевых, алеутов и аляутиик — китобойный промысел и рыболовство. Одновременно каждый народ испытал различное культурное влияние соседних индейских или эскимосских групп.

*С. А. Корсун, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела
этнографии Америки МАЭ РАН*

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОБРАНИЯ КУНСТКАМЕРЫ ПО ЭСКИМОСАМ АЛЮТИИК

Кунсткамера — первый государственный музей России — был основан по повелению императора Петра Великого в 1714 году. Первые коллекции по народам Русской Америки поступили в Кунсткамеру после открытия Алеутских островов и Аляски участниками экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова в 1741 году. Во второй половине XVIII века было организовано более семидесяти торгово-промышленных экспедиций по исследованию и освоению Алеутских островов и Аляски. Некоторые участники этих экспедиций по распоряжению сибирского генерал-губернатора занимались сбором различных «редкостей». Прежде всего такие собрания «редкостей» доставлялись правителю Камчатки, затем их отправляли сибирскому генерал-губернатору в Иркутск и оттуда, по его распоряжению, в Санкт-Петербург как подарки императрице Екатерине II. Впоследствии большую часть этих коллекций передали из Эрмитажа в Кунсткамеру.

В 1762—1766 годах состоялась экспедиция под руководством С. Г. Глотова на судне «Св. Андреян и Наталья», когда был открыт остров Кадьяк. У местных жителей С. Г. Гловин приобрел *«два ковра, один но-*

вый, другой старый, одним манером сделанные, точно не против российского дела, с одной стороны во весь ковер положен бобровый мех... На головах [у кадьякцев. — С. К.] шапки разные, по их обычаю сделанные разными манерами, из разных вещей. И из тех, получа от них на корольки, для усмотрения здесь до пяти разных шапок, вывезены, кои и объявляю» [Гловин 1989: 107—108]. Известно, что один из этих «ковров» и другие вещи были отправлены в подарок Екатерине II. В настоящее время в музее находятся на хранении несколько ритуальных головных уборов алеутов и кадьякцев, поступивших в XVIII веке, но о том, кто был их собирателем, сведений не сохранилось.

В 1785—1794 годах состоялась правительственная Северо-восточная географическая экспедиция под руководством И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева для исследования Сибири и Аляски. Для И. И. Биллингса это была вторая экспедиция в северный район Тихого океана. Свое первое плавание он совершил в составе третьей экспедиции Дж. Кука, поэтому И. И. Биллингс использовал английские карты и географические названия, данные Дж. Куком. Так,

*Подпись под акварелью: «Житель с полуострова Аляксы».
Художник М. Т. Тиханов. 1818 г.
НИМ РАХ, № Р—2125.*

посетив в 1778 году залив Принс Уильям, Дж. Кук дал ему название Сандвич Зунд. Под таким названием залив был известен в рукописных дневниках участников экспедиции шесть лет. Когда в 1784 году дневники Дж. Кука издали, то редактор изменил название Сандвич Зунд на Принс Уильям. Однако И. И. Биллингс использовал название Сандвич Зунд и во время Северо-восточной географической экспедиции 1785–1794 годов. Поэтому в списке привезенной им коллекции предметы, полученные от чугачей, были обозначены как вещи жителей Сандвич Зунда или Сандвич Соунда. Это же географическое название попало в музейную документацию XVIII века. На музейных этикетках к некоторым

предметам указаны только их названия и сделана приписка: «Жителей Сандвич Зунда».

Предметы культуры чугачей и кадьякцев участники экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева собрали летом 1790 года. Г. А. Сарычев, сообщая о встрече с чугачами 20 июля 1790 года, писал: «*Путру рано приехали к нам американцы, взошли на судно и с нами познакомились. Следующие дни приезжали они в большом числе и предлагали нам в промен из старого распоротого платья бобровые лоскутья, стрелы и домашнюю свою деревянную посуду. От нас охотнее всего брали стеклянные мелкие голубого цвета пронизки [бисер. — С. К.]. При промене часто употребляли они*

слова: „амико” [друг. — С. К.] и „пленти” [много. — С. К.], и сказывали толмачу нашему, что выучились оным от приходящих к ним судов. Почему мы и заключили, что виделись они с гишпанцами и англичанами» [Сарычев 1952: 155].

Всего в списке коллекции И. И. Биллингса, которая поступила в Кунсткамеру осенью 1794 года, указано 78 номеров по народам Сибири и Аляски [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. до 1918. № 9. Л. 381–383]. До настоящего времени на некоторых предметах этой коллекции или на этикетках к ним проставлены номера, соответствующие вышеуказанному списку. В 1800 году сотрудник Кунсткамеры О. П. Беляев опубликовал книгу с описанием коллекций музея. Приведем несколько цитат из его работы: «Шляпки... из коих одна деревянная, наподобие шишака сделанная, с изображенною на ее передней части рожницею» [Беляев 1800: 230], отнесем к головному убору № 562–2. Соответственно описание: «Шляпа голубо-зеленая, у которой находится наверху цилиндр» [Там же: 228], отнесем к плетеной шляпе № 562–4, а фразу: «Два небольших деревянных идола кадьякских жителей, из коих один представлен с черными волосами, а другой называемый у них идол охоты, изображает морскую выдру» [Там же: 241] — к деревянным фигуркам человека № 2938–4 и сивуча № 562–3. О плетеной корзине № 2552–2 у О. П. Беляева сказано: «Корзина... мех кадьякских жителей, выплетенная из корней и употребляемая к ношению воды» [Там же: 238].

Некоторые из этих вещей упомянуты в трудах участников экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева. Так, о корзине № 2552–2 говорится: «У них [кадьякцев. — С. К.] есть также из трав и морских растений сплетенные корзинки так плотно, что они в них держат воду. И варят себе кушанья посредством каленых камней, которые они кладут в ту воду с рыбою или мясом» [Биллингс 1979: 387]. К деревянному головному убору № 562–2 в виде головы тюленя отнесем слова: «есть у них шляпки деревянные, с резными на них головками разных морских животных» [Там же: 388]. О плетеных шляпах чугачей натуралист экспедиции К. Г. Мерк писал: «Их шляпы маленькие, имеют форму короткого конуса со сплюснутым дном и окрашены. Называются *Nukwachtik*. Жены делают их из корней ели — *Augipak*, а некоторые носят шляпы, которые заканчиваются цилиндрами с несколькими уступами...» [Мерк 1978: 71]. Здесь идет речь о плетеных шляпах № 562–4 и № 562–5.

Из других предметов обратим особое внимание на деревянные доспехи № 2454–6, которые в списке И. И. Биллингса значатся под № 27 как «деревянные латы». В музее это единственные доспехи, которые являются частью воинского снаряжения чугачей. Что касается традиционного военного снаряжения чугачей, то боевой лук со стрелами в первой четверти XIX века был заменен огнестрельным оружием, а деревянные доспехи, пробиваемые пулями, также вышли из употребления. Эти доспехи однотипны аналогичным доспехам тлинкитов, но имеют ряд отличий, самое главное из которых — отсутствие рисунка тотема.

В 1803–1806 годах состоялась первая русская кругосветная экспедиция под руководством И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского на судах «Надежда» и «Нева». В июле 1804 года «Нева» стала на якорь у селения Павловская Гавань на острове Кадьяк. После месячной стоянки судно отправилось к острову Ситка. Зимой 1804–1805 годов экипаж судна провёл на Кадьяке, в июне 1805 года «Нева» покинула берега Русской Америки. В течение почти годичного пребывания на Аляске Ю. Ф. Лисянский хорошо познакомился с культурой местного населения и сделал ее описание. Этнографические коллекции во время пребывания на Аляске собирали Ю. Ф. Лисянский, П. В. Повалишин и Г. Г. Лангсдорф.

После возвращения в Санкт-Петербург в 1806 году Ю. Ф. Лисянский разделил свое собрание на три части. Одну часть он передал в Музей Государственного Адмиралтейского департамента (МГАД), другую — в Кунсткамеру и еще одну часть — министру коммерции графу Н. П. Румянцеву. Впоследствии последняя часть его собрания оказалась в московском Дашковском этнографическом музее при Румянцевском музее. П. В. Повалишин передал свою коллекцию в МГАД. Что касается дальнейшего передвижения этих коллекций, то в 1828 году МГАД был реорганизован и его этнографическое собрание, в состав которого входили коллекции Ю. Ф. Лисянского и П. В. Повалишина, поступило в Кунсткамеру. В Модель-камере, как стал называться МГАД, остались лодки и их модели: алеутов, эскимосов, индейцев. Дашковский этнографический музей, который в советское время неоднократно переименовывался, закрыли в 1948 году. Его этнографические коллекции передали в Государственный исторический музей г. Москвы, в Музей антропологии имени Д. Н. Анучина при МГУ и Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ, сейчас — Российский этнографический музей), где в настоящее время они и находятся.

К коллекции Ю. Ф. Лисянского, переданной в Кунсткамеру, был составлен «Реестр вещам, привезенным Лисянским, доставленным 1806 г. 20 декабря» [Архив МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 96–97]. Всего в этом списке указано 83 номера по народам Северной Америки и Океании, из них 48 — по народам Аляски и Калифорнии. В настоящее время в коллекции Ю. Ф. Лисянского (№ 536) зарегистрировано только 28 номеров, оставшиеся 20 находятся в сборных коллекциях. Благодаря «Реестру» можно определить этническую принадлежность всех предметов этой коллекции по данным собирателя. Это вещи кадьякцев, чугачей, тлинкитов, атна и индейцев Калифорнии.

Морепоплаватель В. М. Головнин дважды побывал на Аляске — в 1809–1811 годах во время плавания на шлюпе «Диана» и в 1818 году во время кругосветной экспедиции на судне «Камчатка». Во время последнего путешествия он собрал этнографическую коллекцию по народам Аляски. Как и многие другие моряки, В. М. Головнин после возвращения в 1819 году в Санкт-Петербург разделил свое собрание на несколько частей. Одну часть из тридцати одного номера он передал в Кунсткамеру, другую из тридцати восьми номеров — в МГАД. Какую-то часть своего этнографического собрания В. М. Головнин передал в Императорскую Академию художеств вместе с рисунками художника экспедиции М. Т. Тиханова. В настоящее время все три части собрания В. М. Головина находятся в МАЭ и зарегистрированы в нескольких коллекциях.

В 1819–1822 годах состоялась экспедиция под командованием М. Н. Васильева, ее целью был поиск северного морского пути из Тихого в Атлантический океан. Экспедиция совершалась на двух судах, шлюпом «Открытие» командовал М. Н. Васильев, шлюпом «Благонамеренный» — Г. С. Шишмарев. В состав экспедиции входил художник от Императорской Академии художеств Е. М. Корнеев и двое ученых от Императорской Академии наук — астроном Павел Тарханов и штаб-лекарь Федор Штейн, последний исполнял обязанности натуралиста и должен был заниматься сбором различных коллекций. Также заниматься сбором «оружия диких, их платья и украшений» для музеев Императорской Академии наук и Государственного Адмиралтейского де-

партаменты обязаны были все офицеры экспедиции [Лазарев 1950: 74]. На о. Кадьяк участники этой экспедиции не были, они могли приобрести вещи кадьякцев во время стоянки судна в Ново-Архангельске. Этнографическая коллекция от М. Н. Васильева поступила в Кунсткамеру в 1823 году.

Как упоминалось, в 1828 году в Кунсткамеру передали этнографическое собрание Музея Государственного Адмиралтейского департамента. Этот музей был создан в 1805 году на базе Модель-камеры. Ему дарили коллекции участники русских кругосветных и полукругосветных экспедиций: Ю. Ф. Лисянский, П. В. Повалишин, В. М. Головнин, Л. А. Гагемейстер, С. П. Хрущев (Хрущов), А. П. Лазарев, М. П. Лазарев и многие другие. Морепоплаватели привозили из дальних стран зоологические, ботанические, этнографические, минералогические и другие материалы. Из-за большого количества коллекций МГАД в 1826 году разделили на четыре кабинета (отдела). Зоологические, ботанические и этнографические коллекции вошли в состав Натур-кабинета. На этом реорганизация МГАД не завершилась, и в 1828 году собрание Натур-кабинета в количестве 1855 номеров передали в Кунсткамеру. Вместе с вещами передали список «Ведомость редкостям, отданным из музеума бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук». Все предметы коллекции МГАД (№ 633) относятся к наиболее ценным экспонатам музея. Они представляют большую научную и художественную ценность, а некоторые из них уникальны, поскольку подобные вещи не встречаются в собраниях других музеев.

На некоторых предметах МАЭ есть надпись карандашом — «Ruprecht 1838». В большинстве случаев цифра «3» написана неразборчиво и похожа на «5». Ф. И. Рупрехт с 1838 года работал в Ботаническом музее, в 1853 году он получил звание академика и в 1855 году стал его директором. Из сопоставления этих дат понятно, что привлекаться к регистрации этнографических коллекций Ф. И. Рупрехт мог в 1838 году, а не в 1858 году, когда он уже был директором Ботанического музея. К настоящему времени удалось выявить четырнадцать экспонатов, на которых карандашом написана фамилия «Рупрехт». Возможно, эти вещи поступили от одного собирателя, так как они относятся к одному народу — алеутам. Только один предмет — лук № 2915–25, имеющий надпись с фамилией Ф. И. Рупрехта, — не алеутский, он был приобретен у чугачей.

В 1838 году в музей поступила небольшая коллекция от летописца Русской Америки К. Т. Хлебникова (№ 563). В настоящее время в ее составе числится

◀ Подпись под акварелью: «Тайон с острова Кадьяка по имени Нанкок, а в крещении названный Никита». Художник М. Т. Тиханов. 1818 г. НИМ РАХ, № Р–2115.

Подпись под акварелью: «Девушка острова Кодьяка по имени Чевынчук».
 Художник М. Т. Тиханов. 1818 г.
 НИМ РАХ, № Р–2121.

только два предмета — алеутская деревянная шляпа и лук кадьякцев. Остальные вещи находятся среди «старинных поступлений музея».

В начале сороковых годов XIX века в музей поступила этнографическая коллекция от В. И. Кашеварова, который в 1830–1838 годах являлся управляющим Кадьякского отдела Российско-Американской компании. В настоящее время часть коллекции В. И. Кашеварова зарегистрирована под № 518. В ее состав входят четыре ложки чугачей из рога горной козы; а также две рубахи и штаны, составляющие единое целое с обувью, индейцев танайна.

В 1836 году произошло разделение Кунсткамеры на семь самостоятельных музеев, в том числе Этногра-

фический музей. После разделения Кунсткамеры выяснилось, что американские собрания отдельных музеев крайне малочисленны. Чтобы восполнить коллекции, руководство Императорской Академии наук приняло решение отправить в Русскую Америку одного из сотрудников. Выбор пал на помощника Е. И. Шрадера по Зоологическому музею И. Г. Вознесенского. Он был молод, энергичен, происходил из мещанского сословия и, соответственно, мог довольствоваться небольшим окладом и перспективой будущего повышения по службе. Е. И. Шрадер, ответственный хранитель Этнографического музея, составил для И. Г. Вознесенского инструкцию по сбору этнографических коллекций. Согласно ей И. Г. Вознесенский должен был за-

*Подпись под акварелью: «Женщина острова Кодьяка по имени Панниояк, а в крещении Пелагея».
Художник М. Т. Тиханов. 1818 г.
НИМ РАХ, № Р—2122.*

писывать русское и местное название каждого предмета, материал, из которого он изготовлен, назначение предмета, а также отмечать, «*в какой ценности*» предмет находится у местных жителей. То есть он должен был обращать внимание на уникальность отдельных вещей. Также к каждому предмету необходимо было сделать этикетку и составлять списки предметов к отдельным посылкам. Во время всего десятилетнего пребывания в экспедиции И. Г. Вознесенский строго следовал инструкции Е. И. Шрадера.

И. Г. Вознесенский отправился из Санкт-Петербурга в Русскую Америку 20 августа 1839 года на транспорте «Император Николай I» под командованием Н. К. Кадникова. На этом же судне находился

новый главный правитель русских владений в Америке А. К. Этолин. В Ново-Архангельск судно прибыло 1 мая 1840 года, с этого времени в течение пяти лет здесь находилась постоянная резиденция И. Г. Вознесенского, куда он возвращался после длительных путешествий. Сразу по прибытии И. Г. Вознесенского главный правитель Русской Америки И. А. Купреянов поручил ему разобрать свои этнографические и зоологические коллекции, собранные за пятилетнее пребывание с 1835 по 1840 годы. И. Г. Вознесенский писал: «*Наглядное занятие это было для меня весьма полезно, ибо я на будущее время знакомился с предметами*» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 27. Л. 4].

Подпись под акварелью: «Женщина с острова Кодьяка по имени Тамаима».
Художник М. Т. Тиханов. 1818 г.
НИМ РАХ, № Р—2117.

В Русской Америке И. Г. Вознесенский познакомился со многими служащими Российско-Американской компании, некоторые из них стали его добровольными помощниками. Известный исследователь Аляски Л. А. Загоскин отмечал: «Зоолог-препаратор г-н Вознесенский независимо от своих трудов на пользу императорской Академии наук умел во многих из нас вдохнуть страсть к собиранию естественных предметов в стране, до того времени столь мало известной ученому свету» [Загоскин 1956: 151–152]. Также под влиянием И. Г. Вознесенского собирательской деятельностью увлекся А. К. Этолин. Свое этнографическое собрание из нескольких сот предметов по народам Аляски, значи-

тельную часть которого собрал И. Г. Вознесенский, А. К. Этолин отвез в Хельсинки. В настоящее время оно находится в Национальном музее Финляндии [Varjola, Averkieva, Liapunova 1990].

Что касается самого И. Г. Вознесенского, то за пятилетнее пребывание в Русской Америке он посетил почти все ее районы: Калифорнию, острова архипелага Александра, Кенайский полуостров, остров Кадьяк, Алеутские и Прибыловы острова, побережье залива Нортон и район Берингова пролива. Являясь зоологом, он собирал этнографические коллекции комплектами, а не отдельными предметами. Предметы культуры отдельных народов он собирал в течение всего своего пребывания в Русской Америке,

Подпись под акварелью: «Женщина с острова Укамока по имени Памейсинак, в крещении названная Анна». Художник М. Т. Тиханов. 1818 г. НИМ РАХ, № Р—2087.

но основную часть коллекций И. Г. Вознесенский приобрел во время специальных поездок. 27 сентября 1842 года И. Г. Вознесенский прибыл в селении Павловская Гавань на острове Кадьяк. Здесь он провел осень и зиму 1842–1843 годов и исследовал остров Кадьяк и соседние с ним районы. В частности, И. Г. Вознесенский посетил гавань Трех Святителей на противоположенной стороне Кадьяка и острова Угак, Еловый и Лесной. Вероятно, он также побывал в селении Катмай на полуострове Аляска. В пользу этого свидетельствует комплексное, хорошо подбранное собрание по катмайцам.

Зимняя женская одежда катмайцев представлена паркой из меха новорожденного оленя (пыжика)

№ 2913–9, штанами из меха с ноги оленя (камуса) № 2913–12 и сапогами № 2913–10/1–2. Это церемониальный костюм. На груди парки сделана аппликация в виде круга из нерпичьей кожи с узором в форме креста из оленьего меха и шерстяных ниток красного цвета. По всей поверхности парки нашиты ремешки с клювами топорков и полосы из шкуры оленя. Подобным образом украшены и сапоги. Подвески из клювов топорков на одежде указывают на ее ритуальное назначение. Другой женский зимний церемониальный костюм состоит из парки, сшитой из меха длиннохвостого суслика, шапки из меха выхухоли, штанов из оленьих шкур и сапог — № 2913–1, –2, –3, –4. Как и предыдущий, этот костюм богато украшен

*Подпись под акварелью: «Старшина острова Афогнака».
Художник М. Т. Тиханов. 1818 г.
НИМ РАХ, № Р—2101.*

вышивкой и аппликацией. И. Г. Вознесенский отметил, что эти вещи представляют «полный женский нарядный костюм» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9. Л. 26]. К летней одежде катмайцев относится рубаша из замши и штаны, составляющие единое целое с обувью № 2667—39, —40. Костюм украшен нашивками с узором из игл дикобраза. Его материал, покрой и орнамент указывают, что эта одежда была приобретена катмайцами у индейцев танайна.

Мужская зимняя одежда представлена праздничным костюмом, состоящим из парки, головного убора, штанов и сапог № 2913—5, —8, —6, —7. Парка сшита из пыжика; головной убор — из меха горностая; штаны и сапоги — из оленьих шкур. Все части костюма бо-

гато украшены бисером, клювами топорков, бахромой и узорами из белого оленьего волоса и цветных нитей. Также к мужской одежде катмайцев относится камлейка из кишок № 2913—13, праздничный меховой головной убор № 2913—11 и церемониальная деревянная шляпа-козырек № 593—16, которая использовалась в ритуалах, связанных с началом нового промыслового сезона. Шляпа раскрашена чередующимися светлыми и темными полосами, а с боковых сторон украшена костяными пластинками со стилизованным изображением птичьих голов. Дополнением к катмайским костюмам являются сумки № 2913—14, —15, —16. Две последние сшиты из кожи баклана. Кроме них в коллекции И. Г. Вознесенского пред-

ставлен изящный образец дорожной сумки (ашухтак) № 2868—31 из кожи альбатроса.

К промысловым орудиям катмайцев относятся два лука № 593—64 и № 2913—20, колчан из кожи нерпы № 593—86, четыре стрелы № 2913—21—24 и наконечник к стреле с футляром № 2913—25/а—б. Луки и древки стрел раскрашены символическими изображениями животных, что указывает на их ритуальное назначение. Также в ритуалах, связанных с промысловым культом, использовался манщик из шкуры тюленя, украшенный многоцветной росписью из символических знаков и фигур животных № 571—37. К катмайской коллекции И. Г. Вознесенского принадлежали и несколько костяных фигурок оленей, из которых удалось обнаружить только одну — № 2938—35. И. Г. Вознесенский отмечал: *«Катмайцы вырезают оные из моржовой кости (клыков) с целью, чтобы продавать их русским как редкость; работают мужчины»* [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9. Л. 27].

Коллекции по кадьякцам И. Г. Вознесенский собирал в течение полугода, также некоторые вещи он получил как подарки от своих корреспондентов. Всего он приобрел 173 предмета, из которых значительную часть составляют бытовые предметы и одежда. Одежда кадьякцев представлена плащом-накидкой из кишок медведя № 593—19, сделанным в русском стиле; паркой из шкурок гагары (шакитак) № 593—14; церемониальной паркой из шкурок баклана на миткалевой подкладке № 593—23, к которой прилагается головной убор № 593—25; еще одна парка из шкурок баклана № 2888—83 украшена топорковыми клювами, полосками красной материи и мехом горностая, к этой парке относятся два головных убора № 2888—87, —88. В комплект к паркам входили женские сапоги № 2868—51, подошва которых сделана из китовой кожи (маненныт), ее образец представлен отдельно (№ 593—35).

В одном из писем к Е. И. Шрадеру И. Г. Вознесенский писал о камлейке № 2868—231 и парке № 593—23: *«Два кадьякских костюма, отмеченных на обшивке литерами, приносятся в дар этнографическому кабинету. Под литерою А — камлейка (из кишок черного медведя) от священника Павловской Гавани о. Кадьяк Петра Степановича Литвинцева. Под литерою Б — парка (из урильных шеек) от правителя кадьякской конторы Иннокентия Степановича Костромитинова. Вещи эти здесь в колониях почитаются редкостью, как лучший образец в отношении искуснейшего рукоделия алеутских женщин»* [Ляпунова 1967: 20].

Инструменты и орудия охоты разнообразно представлены в собрании по кадьякцам. Так, имеется несколько типов каменных наконечников для китовых гарпунов (калугиат) № 2888—1—9, 16—19, —21, —22, и № 571—49, —50; два тяжелых гарпуна для охоты на китов (улюкают) № 2868—193, —196; двенадцать легких гарпунов с костяными наконечниками (пииту-дак) № 2888—37—48. Легкие гарпуны бросали при помощи метательной дощечки (нухак) № 2867—31. Гарпуны для охоты на морских животных были составными. Некоторые типы гарпунов имеют отделяющийся наконечник, который соединялся с древком при помощи длинного шнура — маута. К тяжелым гарпунам для охоты на китов прикрепляли надутые воздухом мочевые пузыри животных. Мауты (пуных-пак) использовались и в ритуальных целях, девушки дарили их женихам как свидетельство своего мастерства в рукоделии. В собрании И. Г. Вознесенского есть несколько таких маутов: маут № 2888—70 прикреплялся к гарпуну для охоты на нерп, еще один маут № 571—92 сделан из китовых сухожилий. Принадлежностью маутов являлись вырезанные из кости фигурки животных. Они использовались для закрепления маута на специальной подставке на каяке, такая деталь крепления в виде фигурки птички есть на мауте № 2888—68. Также в кадьякском собрании имеется манщик № 593—99 из целой шкуры тюленя с принадлежащим ему маутом № 593—100. Манщики использовались как приманка во время охоты на тюленей и всегда находились в каяке. Если обшивка каяка прорывалась, внутри него надували манщик, либо надутые воздухом манщики прикрепляли у бортов с двух сторон каяка, чтобы он оставался на плаву.

Каяки представлены моделями: № 593—57 — модель однолючного каяка (каямуйок). В комплект к ней входят модели гарпунов, весла и фигурка охотника. № 620—28 — модель трехлючного каяка (байдалък). Первоначально в комплект к ней входили три фигурки охотников с орудиями промысла. К настоящему времени сохранилась только одна фигурка охотника. Еще одна модель трехлючного каяка с фигурками людей и орудиями промысла № 620—27 сделана из материалов, которые использовались при изготовлении настоящего каяка. Под № 571—40 был зарегистрирован набор амулетов, обеспечивавших успешную охоту. Он состоял из пояса, ожерелья, двух браслетов и мешочка с красным графитом. Этот набор амулетов не был обнаружен во время проверки в 1913 году. Возможно, его отдельные части были зарегистрированы как образцы материала для изготовления одежды.

И. Г. Вознесенский писал: «Амулеты кадьякцев для счастливого и многочисленного приобретения зверей, особенно при промысле морских бобров, которые состоят из 1) пояса, надеваемого как бандероль; 2) еще пояса на шею; 3) таинственного мешочка с графитом (красным), коим во время охоты кадьякцы раскрашивают некоторые части лица, как-то: лоб, подбородок и усы, и 4) двух горловых, в виде зарукавьев вещей, употребление оных мне неизвестно, но только принадлежат также к вышеупомянутым счастливым вещам» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9. Л. 66].

К мужским изделиям относятся набор из пяти инструментов для резьбы по дереву и кости № 593—49/а—д; сосуды в виде водоплавающих птиц (алюдака) № 571—33/а, —33/б и № 571—34; деревянная коробка с крышкой № 2888—90; каменный жирник (куоок), предназначенный для освещения жилища № 868—1. К женским изделиям относятся выделанные пленки с печени кита № 571—36/а, —36/б—38; —39, которые использовали для обтяжки светового люка в жилище. И. Г. Вознесенский писал: «Пузырь китовый или „Пахичэк“, употребляется кадьякцами вместо стекол в их бараборах, эти пузыри снимаются с печени кита, называемого по кадьякски „Ааит“» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9. Л. 61]. Женскими принадлежностями являются два ножа типа улу для очистки шкур — «нож древнего типа» № 2888—25 (улюгкхак) и нож № 593—44 (улючик). Шесть фигурок птиц (№ 620—42/а, —42/б, —42/в и № 620—43/а, —43/б, —43/в) — образцы женского рукоделия. Они вырезаны из дерева и оплетены тонкими сухожильными нитями, оленьим волосом и шелком. В основе медицинской практики кадьякцев лежало кровопускание. Для надрезов использовали специальные инструменты с лезвием из раковин. Образец такого инструмента № 2888—32 есть в коллекции И. Г. Вознесенского.

Ценной частью собрания И. Г. Вознесенского по кадьякцам является набор ритуальных принадлежностей. 12 февраля 1843 года И. Г. Вознесенский купил у вождя острова Лесной «11 штук разнохарактерных личин, употребляемых кадьякскими алеутами

на игрушках, и со следующими к ним причитающимися принадлежностями» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 13 об]. Это маски № 571—11 (талюляххя), № 571—12 и набор из девяти масок, используемых во время специального ритуала. Кроме масок в этот комплект входили различные «принадлежности», которые перечисляются ниже.

Так, к первому действию ритуала относятся четыре маски охотников (атмальчик) № 571—1/а, —1/б; № 571—2/а, —2/б; и «клювы птиц глупышей, которые надеваются на рты 6-ю нагими мальчиками, открывающих игру 1-го действия. Туземное название этих клювов „Чухэт“» (№ 571—3/а, —б, —с, —д, —е, —f); «шесть штук бантов из перьев, навязываемых на левую руку каждого действующего лица в 1-ом действии, называется „Камуатэт“» (№ 571—5/а, —б, —с, —д, —е, —f), [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9. Л. 67].

Ко второму действию относится маска большого (каниглиш) № 571—4; к третьему — маска весельчака (кинггум-шва) № 571—6; к четвертому — маска безносого калеки (шануялык) № 571—7; к пятому действию относится маска птицы кулика (наконали) № 571—8 и к последнему шестому действию относится маска влюбленного (бахагилахвивак) № 571—9 и обруч из орлиных перьев № 571—10. Во время ритуала в качестве музыкальных инструментов использовались погремушки-трещотки с топоровыми клювами (кальхнаамыт) № 571—21/а, —21/б. Кроме вышеуказанного ритуального комплекса предметов в собрании И. Г. Вознесенского представлены пять бубнов (чавыяк) № 571—23, —25/а, —25/б, —26/а, —26/б, две колотушки к бубнам № 571—25/с—д и три погремушки-трещотки с клювами топорка № 571—22, —24/а, —24/б. Вождь острова Лесного по просьбе И. Г. Вознесенского отремонтировал некоторые вещи. В дневнике от 12 марта 1843 года И. Г. Вознесенский писал: «Лесновскому тоэну за починку моделей байдарок, и за сделанные к ним снаряды с фигурами, и за новые носки к нерпячьим стрелам заплачено (кроме прибавки вещами) 4 р.» [ПФА РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 38. Л. 15].

Собрание И. Г. Вознесенского по чугачам небольшое по численности, но очень интересное по содержанию. Сильное влияние культуры индейцев северо-западного побережья проявляется в большинстве предметов этой коллекции. Так, в тлинкитском стиле сделаны плетенные из корней ели шляпы № 2520—19 и № 593—34. Тулья первой из них украшена символическим изображением животного, ее эскимосское название — «ауленак».

◀ Подпись под акварелью: «Алеуты в нарядных платьях показывают примерно, как они бывают на промысле». Художник М. Т. Тиханов. 1818 г. НИМ РАХ, № Р—2127.

Подпись под акварелью: «Природный житель острова Кодьяка по имени Асавахток, в крещении названный Мартын».

Художник М. Т. Тиханов. 1818 г.

НИМ РАХ, № Р-2118.

Вторая шляпа кроме символического узора имеет три цилиндрические надставки над тульей, что свидетельствует о высоком социальном ранге ее владельца. Такую шляпу мог носить только вождь. Также вождю или богатому человеку принадлежали другие предметы этого собрания. Это резные ложки из рога горной козы № 620–22 и № 2539–33, на их рукоятках вырезаны головы мифического животного с высунутым языком, и деревянный четырехугольный ящик с крышкой № 2915–1/а–b для хранения ритуальных принадлежностей. В чугачской коллекции И. Г. Вознесенского представлены и орудия охоты и вооружения. Это стрелы № 593–636/1–7, лук № 593–72 и колчан № 593–63а.

Еще один комплект орудий охоты состоит из шести стрел № 2915–2–7.

Проведя успешные исследования на Кенайском полуострове и Кадьяке, И. Г. Вознесенский 27 марта 1843 года покинул селение Павловская Гавань на судне Российско-Американской компании и после короткого перехода прибыл в Ново-Архангельск. До весны 1845 года он находился на Аляске, а затем в течение четырех лет проводил исследования в Сибири. После возвращения И. Г. Вознесенского в Санкт-Петербург в 1849 году в музей продолжали поступать коллекции от его друзей и корреспондентов.

Одновременно с И. Г. Вознесенским сбором ботанических, зоологических и этнографических коллекций

занимался врач Ново-Архангельской больницы А. Д. Романовский, который находился на службе в Русской Америке в 1840—1845 годах. Свою коллекцию (№ 568) он передал в Этнографический музей во второй половине сороковых годов XIX века. В настоящее время в этой коллекции зарегистрировано 29 предметов, среди них три модели каяков аляутиик.

М. Д. Тебеньков являлся главным правителем Русской Америки в 1845—1850 годах. Как и его предшественники И. А. Купреянов и А. К. Этолин, он занимался сбором коллекций. После возвращения в Санкт-Петербург М. Д. Тебеньков передал свою коллекцию в музей оружия — Царскоевский арсенал, где она находилась до 1907 года. В этом году собрание вооружения первобытных народов Царскоевского арсенала передали в Этнографический отдел Русского музея. Эта коллекция была опубликована в 1910 году [Волков, Руденко 1910]. В Этнографическом отделе Русского музея предметы из Царскоевского арсенала регистрировали в трех коллекциях. Из них две (№ 1266 и № 1267) представляют тематические наборы оружия народов Аляски. Они состоят из большого количества однотипных копий, гарпунов, острог, наконечников и метательных дощечек. Большое количество однотипных предметов свидетельствует, что эти коллекции состоят из сборов нескольких собирателей. Третья коллекция № 1298 выделяется комплексно подобранным составом экспонатов. В нее входили не только предметы вооружения, но и шаманские атрибуты и одежда. Вероятно, эта коллекция была собрана одним человеком. Ф. К. Волков и С. И. Руденко писали: «Относительно более поздних поступлений нам удалось узнать, что некоторая часть поступивших к нам из Царскоевского арсенала коллекций была собрана и доставлена г<осподином> Тебеньковым, бывшим главным правителем русских колоний в Америке» [Волков, Руденко 1910: 156]. Прямых свидетельств о принадлежности М. Д. Тебенькову коллекции № 1298 нет, можно только предположить, что он был ее собирателем. После передачи в МАЭ в 1938 году эти вещи перерегистрировали в коллекции № 5795 и № 5803.

Поступление в музей очередного интересного собрания связано с именем горного инженера П. П. Дорошина, который в 1845 году окончил Институт корпуса горных инженеров в Санкт-Петербурге и получил звание поручика. После прохождения практики он поступил на службу в Российско-Американскую компанию. В Русской Америке П. П. Дорошин находился с 1848 по 1853 годы. В 1854 году он подарил

свою этнографическую коллекцию музею Императорского Русского географического общества (ИРГО). В 1891 году после расформирования этого музея собрание П. П. Дорошина наряду с другими этнографическими коллекциями поступило в МАЭ. Его основная часть входит в коллекцию № 337, но некоторые экспонаты оказались зарегистрированы в других коллекциях.

Перечислим предметы из собрания П. П. Дорошина по аляутиик. Коллекция состоит из нескольких ритуальных головных уборов эскимосов селения Катмай № 337—1/1, № 337—1/2 и трех сумочек жителей этого же селения — сумки из кишок № 337—1/3, сумки из кожи № 337—1/4, плетеной сумки из растительного волокна № 337—1/5. Еще один ритуальный головной убор кадьякцев зарегистрирован под № 616—1. К мужским изделиям относится фигурка охотника, стреляющего в медведя № 337—16/4, и костяные модели оружия № 337—13/1, —13/3, —13/4, о которых в каталоге музея ИРГО сказано: «Байдарка и ружья, вырезанные из моржовых клыков. Изделия Катмайцев, живущих на северо-восточном берегу Аляски». Из кости и фигурки птиц № 337—35/1—6 — «птички из моржового клыка, работа туземцев острова Кадьяк». Орудия морского зверобойного промысла представлены моделью трехлучного каяка № 337—11 — «байдарка трехлучная Коняг, с острова Кадьяка» и метательной дощечкой № 2868—116 — «дощечка для бросания бобровых стрел, которые иногда пускаются с лука» [Каталог предметов... 1879: 22—24].

В 1859 году известный исследователь Приамурья Р. К. Маак приобрел плетеную шляпу чугачей (№ 344—73), на Аляске он не был. Вероятно, эту шляпу Р. К. Маак получил в дар от кого-то из служащих Российско-Американской компании во время пребывания в Сибири. В сентябре 1859 года И. Г. Вознесенский получил коллекцию из нескольких десятков предметов аляутиик и северных атапасков от управляющего Николаевским редутом на Кенайском полуострове Е. А. Борисова. Последнюю коллекцию через И. Г. Вознесенского музей получил в 1868 году, ее прислал с Аляски А. Ф. Кашеваров. В состав коллекции входило около двадцати предметов кадьякцев и таина. В 1854—1860 годах на службе в Российско-Американской компании находился мореплаватель Ф. К. Верман. После возвращения в Санкт-Петербург он передал в Морской музей какую-то коллекцию. Из ее состава в настоящее время удалось выявить только один предмет (№ 4270—96) — шляпу-козырек. Вероятно, она относится к изделиям кадьякцев. В 1867 году

из Минералогического музея в Этнографический музей поступило какое-то изделие из кости эскимосов о. Кадьяк. В Минералогический музей его передал священник с Аляски Илья Иванович Петелин — зять И. Е. Вениаминова. Выявить этот предмет еще не удалось.

В 1879 году Этнографический музей получил свое современное название — Музей антропологии и этнографии (МАЭ), которому в 1903 году в честь 200-летнего юбилея празднования Санкт-Петербурга присвоили имя Петра Великого. Выставочные площади МАЭ, как ранее и Этнографического музея, были крайне ограничены. Они состояли из двух залов, витрины которых были переполнены экспонатами. Новый приток коллекций начался в конце XIX века. В 1891 году в МАЭ поступило более тысячи предметов из расформированного музея ИРГО. Л. Я. Штернберг писал: *«В подвалах, сваленными в кучу, громоздились целые груды свезенных в 1891 г. из бывшего Музея Географического общества коллекций со всех концов России, не имевшие ни описей, ни нумерации, если не считать кучи отрывочных заметок и случайных этикеток, по которым приходилось решать уравнения со многими неизвестными»* [Штернберг 1917: 248]. Хотя американская часть этого собрания поступила в 1891 году, его передачу оформили только в 1897 году. Большая часть этого собрания состоит из сборов П. П. Дорошина и А. Ф. Постельса.

В мае 1891 года МАЭ получил коллекцию по культуре тлинкитов от православного миссионера с Аляски Георгия Чудновского (№ 211). В ее состав входит и одна модель каяка кадьяхцев. В 1912 году от геолога Г. Креднера в музей поступил лук и колчан со стрелами эскимосов чугачей. Происхождение этих вещей неизвестно, Г. Креднер купил их на рынке в Санкт-Петербурге. Скорее всего, они были приобретены на Аляске еще во времена Русской Америки до 1867 года.

В 1931 году в МАЭ провели перерегистрацию всех американских коллекций и более двухсот предметов, утративших к тому времени этикетки, объединили в коллекциях № 4157 и № 4193. В тридцатые годы XX века в ряде ленинградских музеев проводили инвентаризацию и непрофильные коллекции передавали в другие музеи. Так, в 1930 году из

Строгановского дворца-музея в МАЭ поступила коллекция из 43 предметов по алеутам и эскимосам (№ 4087). В том же году поступили четыре коллекции из Военно-морского музея (№ 4104, 4105, 4155, 4196). В 1931 году поступила еще одна коллекция по народам Аляски из Военно-морского музея из 95 предметов (№ 4270). Тогда же из Музея Академии художеств поступила коллекция из 108 предметов по народам Аляски (№ 4291). Как и коллекции Военно-морского музея, ее собрали участники кругосветных морских путешествий. В состав экспедиции В. М. Головнина 1817–1819 годов на шлюпе «Камчатка» входил выпускник Императорской Академии художеств М. Т. Тиханов. Он сделал несколько десятков рисунков народов Аляски и Калифорнии. Возможно, что он занимался и сбором коллекций. Кроме М. Т. Тиханова еще два художника посетили Русскую Америку в составе кругосветных экспедиций. Это Е. М. Корнеев, который в 1819–1822 годах совершил плавание на судне «Открытие» под командованием М. Н. Васильева, и П. Н. Михайлов, совершивший плавание в 1826–1829 годах на транспорте «Моллер» под командованием М. Н. Станюковича. Вероятно, в состав коллекции № 4291 входят сборы кого-то из вышеназванных художников.

В 1938 году состоялась передача пяти коллекций (№ 5795, 5800, 5802, 5803, 5805) из Государственного Музея этнографии народов СССР (ГМЭ). Отдельные части этого собрания поступили на хранение в ГМЭ в 1907 году из Царскосельского арсенала и в 1909 году из музея Киевского университета, в 1928 году — из дворца-музея графа А. А. Бобринского [Волков, Руденко 1910: 155–200]. Вместе с предметами передали описи коллекций. Благодаря этим документам можно разделить собрание ГМЭ на коллекции графа А. А. Бобринского, Киевского университета и Царскосельского арсенала. Как уже отмечалось, значительную часть собрания Царскосельского арсенала, переданного в МАЭ, составляют сборы Д. М. Тебенькова — главного правителя русских владений в Америке в 1845–1850 годах. В отношении коллекции Киевского университета можно сказать, что это собирательская, а не тематическая коллекция. В музей Киевского университета она поступила из университетского музея города Вильно. Возможно, что ее собирателем был один из православных миссионеров на Аляске, занимавший высокий пост. Простому миссионеру приобретение таких дорогих вещей было не по средствам.

Последний по времени поступления предмет кадьяхцев передали в МАЭ из Государственного Эрмитажа в 1984 году. Это декоративный столбик,

◀ Подпись под акварелью: «Тайон острова Кадьяка Игацкой бухты». Художник М. Т. Тиханов. 1818 г. НИМ РАХ, № Р–2119.

оплетенный сухожилиями (№ 6708—6). Как и большинство других предметов музея по культуре аляутиик, он был приобретен еще во времена Русской Америки.

Итак, коллекции по культуре аляутиик поступали в музей в течение двух веков, но их основная часть относится к сборам первой половины XIX века. Собрание Кунсткамеры — Этнографического музея — Музея антропологии и этнографии представляет материальную культуру катмайцев, кадьякцев и чугачей того периода, когда она оставалась мало затронутой европейским влиянием. В первой половине XIX века сохранялся весь комплекс материальной культуры

аляутиик, хотя и с некоторыми инновациями. Так, вместо раковин и клювов топорка для украшений головных уборов стали использовать бисер и бусы. В то же время собиратели старались приобретать предметы традиционной культуры, а не вещи, сделанные по образцу европейских изделий.

В аннотациях к отдельным предметам каталога приведены цитаты из работ собирателей и других лиц, непосредственно наблюдавших жизнь эскимосов аляутиик в XVIII—XIX веках.

С. А. Корсун

◀ *Подпись под акварелью: «Тайон с острова Аляксы по имени Аячунк, в крещении названный Андрей».*
Художник М. Т. Тиханов. 1818 г.
НИМ РАХ, № Р—2120.

Вероятно, на этом рисунке изображен вождь чугачей. Подписи к акварелям М. Т. Тиханова из собрания Научно-исследовательского музея Российской академии художеств (НИМ РАХ) были сделаны не самим художником и в ряде случаев содержат фактические ошибки. В пользу того, что на этом рисунке изображен вождь чугачей, а не тлинкитов, свидетельствуют следующие детали. Во-первых, необычный головной убор в виде обруча с высоким «султаном», украшенный перьями, усом морского льва, металлическими пластинами с перламутровыми вставками. Основной цвет его раскраски — красный, что более характерно для изделий чугачей, чем тлинкитов. Во-вторых, в руках у вождя гарпун, а не металлический кинжал или погремушка в виде фигуры ворона, как на других рисунках М. Т. Тиханова с изображением тлинкитов. Наоборот, гарпуны, их наконечники и метательные дощечки нарисованы в руках вождей кадьякцев. В-третьих, в первой четверти XIX века мужчины-тлинкиты не использовали серег в виде колец: такие украшения они носили только в носу. В-четвертых, под нижней губой у вождя, изображенного на этом рисунке, видны две прорези для крепления украшений — втулок. Подобные украшения у тлинкитов носили только женщины.

Что касается его тлинкитской накидки с так называемым «геометрическим узором», то об использовании чугачами таких накидок упоминается в рапорте морехода П. К. Зайкова о посещении района залива Принс Уильям в 1783 году.

Библиография

- Беляев О.* Кабинет Петра Великого. (Отделение второе). СПб., 1800.
- [*Биллингс И. И.*] Из журнала И. И. Биллингса. Описание Алеутских островов. 1790—1791 // Русская тихоокеанская эпопея / Ред. В. А. Дивин. Хабаровск, 1979. С. 379—392.
- Волков Ф. К., Руденко С. И.* Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений // Материалы по этнографии России. СПб., 1910. Т. 1. С. 155—200.
- [*Гловатов С. Г.*] 1766 г. августа 22. Из рапорта С. Г. Гловатова Т. И. Шмалеву о плавании на судне «Св. Андреян и Наталья» в 1762—1766 гг. на Алеутские острова и открытия о-ва Кадьяк // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М., 1989. С. 101—110.
- [*Загоскин Л. А.*] Путешествия и исследования лейтенанта Л. Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956.
- Каталог предметов, собранных от разных учреждений и лиц Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1879.
- Лазарев А. П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг. М., 1950.
- Ляпунова Р. Г.* Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // Культура и быт народов Америки (Сборник МАЭ. Т. XXIV). Л., 1967. С. 5—33.
- [*Мерк К.*] Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в Охотске // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785—1795 гг. / Сост. З. Д. Титова. Магадан, 1978. С. 59—97.
- Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
- [*Штернберг Л. Я. и др.*] Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого // Материалы для истории академических учреждений за 1899—1914 гг. Пг., 1917. Т. 2. Ч. 1. С. 241—307.
- Varjola P., Averkieva J. P., Liapunova R. G.* The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki, 1990.

ҚАТМАЙЦЫ

Первая встреча русских с катмайцами произошла в 1782 году, когда русские промышленники во главе с Д. Полутым, Д. Паньковым, А. Очерединым и с большим отрядом алеутов с о. Уналашка прибыли к острову Саниклюк.

А.С. Полонский писал: «Полутов, посетивший в 1781 г. места вдоль южного берега Аляски, предложил поселить артели за Унгу, около Аляски, и острова Семиды и Сутхумы, где бобров было много: «Аляскинские коняги питают древнюю вражду к алеутам, и без войны не обойдется, но залп из ружей — и они не осмелятся подходить к ним. Русским быть стражей при алеутах на промыслах, а также посещать селения конягов для уговора их в подданство, если иначе не придется с ними встретиться».

Получив на свое предложение согласие, Очередин, Полутов вместе с Паньковым 29 мая отправились на четырех байдарках с партией алеутов в 200 байдарок для знакомства с конягами, известными только по слуху, для заведения с ними торга и для производства на занимаемых ими местах промысла бобров. За о. Унга они нашли на Аляске, в бухте Колюгида (Кенаяска), удобное по промыслу рыбы и к поселению артели место, где при том, по уверению алеутов, водились и бобры. <...>

Отсюда партия ушла 18 июня далее. Алеуты, опередившие в своих легких байдарках русских, подходя к острову Саниклюк, заметили пристававших туда конягов с жила Катмай на Аляске и дали знать в партию, а сами скрылись за мыс. Полутов и Паньков, подойдя к пристани, остановились на приличном расстоянии от берега и вступили с конягами в переговоры. <...> Полутов и Паньков повели разговор о мене, о том, чтобы они дали им возможность вытащить байдары на берег и устроиться там без помехи и чтобы на время торга они дали аманата [заложника]. — С.К.]. Коняги согласились, и как только от них был получен аманат, алеуты бросились к берегу [в атаку. — С.К.], не было возможности удержать их и принять какие-либо меры на защиту их от конягов, которые требовали заложников и от промышленных. Когда первые [алеуты. — С.К.] начали приставать к берегу, коняги, вооруженные луками, схватили из них тоена о. Акуна, прочие алеуты бросились назад и отбегали от берега. Толмач едва успел вскочить в ожидавшую его байдару, как по ней начали стрелять из луков два коняга, выскочившие из травы. Конягов уговаривали возвратиться тоена, потом предлагали за него выкуп, но без успеха. Коняги вымазали лица разными красками, забили в бубны и побрякушки и начали пляску, сопровождая ее сильным, необыкновенным криком; а между тем у тоена с связанными назад руками резали руки и лицо; кровь текла из ран ручьями. Все это время коняги стреляли по партии из луков и приписывали удаление промышленных [алеутов. — С.К.] от берега их трусости, говорили, что давно их знают и считают неповоротливыми. Пока судили, как поступить в настоящем разе, с байдары Панькова последовал случайный выстрел, с досады начали стрелять и с прочих. От первого ружейного гулу коняги остервенились еще более, но все-таки растерялись. Когда из их толпы появились раненые и убитые, промышленные пошли к бе-

регу на выручку тоена, но коняги пустили в них кучу стрел и не допустили высадиться. Наступивший вечер разделил сражавшихся. Промышленные всю ночь пробыли в байдарках на воде, а коняги унесли свои байдары на бугор, сажень за 40 от берега, и там укрепились; маленькие свои байдары они отнесли на вершину горы, не менее версты от подножья, где находились их семейства. Больших байдар, вмещавших человек 25 и более, было девять, в числе прибывших на них было наполовину женщин и детей, а до 30 человек прибыли в однолучных и двухлучных байдарках.

Не видя неприятеля, акунский тоен, другой с братом, решились на рассвете 19 июня выйти на берег, за ними последовали и другие, и вся партия толпою пошла на бугор. Коняги выстроились и смело ждали нападения. Встретив сопротивление, промышленные начали палить в них из ружей, и коняги побежали в гору, заколовши пленного тоена. Чтобы преградить дорогу бегущим, партия разделилась, но погоня не удалась; на преследовавших валились с горы огромные камни, которые спускали засевшие там женщины и дети. <...>

Коняги удачно защищались, спуская с горы камни, но, оставаясь на тесном пространстве горы в осаде целый месяц, потеряли много убитыми и умершими от ран и голода. <...>

Видя упорство конягов и невозможность взять их силою, Полутов и Паньков ушли 19 июля обратно и 20 июля соединились со своей артелью в бухте Колюгиде» [АРГО. Р. 60. Оп. 1. № 2. Л. 79 об. — 82].

«Хорошее местоположение, постоянные погоды, тучные травы, изобилие рыбы, земляных и морских зверей заставили г. Баранова основать поселение в двух местах по Аляске.

В Катмайской артели разведано было хорошее скотоводство, но оно уменьшено единственно по недостатку людей. По Аляске водится много лисиц красных очень хорошей доброты; из морских зверей повсюду водятся сивучи, моржи и нерпы; киты выкидываются в разных местах каждогодно. Полуостров изобилует лесами и растет много ягод, сараны и разных питательных кореньев. Для пищи промышленные оленей, кои в известное время года переходят с одного места на другое. Природные жители едят только около Катмайской артели» [Хлебников 1979: 46—47].

«Катмайская артель на Аляске. В ней находятся два русских и довольно хорошее строение: дом, казарма, магазин, лавка и амбары и проч. Рогатого скота содержат более 20 штук. Несколько готовят рыбу. Промышляют морских и покупают речных бобров, лисиц, оленей, медведей.

В ведении компанейской артели по Аляске считается алеут по переписи 1818 г.: мужеска полу — 386, женска (полу) — 451, всего — 837» [Хлебников 1985: 216].

Здесь идет речь о количестве всего коренного населения полуострова Аляска, к которому в первой четвер-

ти XIX века относили катмайцев, киятагмютов или киятенцев, живших в районе озера Накнек, аглегмютов побережья Бристольского залива и алеутов западной части полуострова Аляска. Собственно катмайцев, по данным К. Т. Хлебникова, в 1825 году было 43 мужчины, 46 женщин, 26 мальчиков и 16 девочек, всего 131 человек [Хлебников 1979: 32].

«На Аляску, в Катмайскую артель и в Сутхум через пролив посылают байдары весной и летом, а осенью и зимою по причине крепких ветров невозможно. Если же встретится крепкая нужда, то знающие ездоки зимою избирают лунные, тихие ночи и проезжают безопасно байдарками.

Обыкновенно в мае месяце выезжают из сих отделов большими байдарками, доставляя в Гавань [в селение Павловская Гавань на о. Кадьяк. — С. К.] свои промыслы, и оттоль запасаются товарами и припасами на круглый год» [Там же: 61].

«У аляскинцев, так как и у коняг [кадьякцев. — С. К.], хороший промышленник всегда ходит один на медведя, берет с собой лук и только две стрелы с каменными наконечниками, ибо камень производит весьма тяжелые раны. Охотник ложится близ медвежьей тропы и стреляет в зверя в самом близком расстоянии, после чего откатывается в сторону, оставив на месте парку свою. Если медведь не убит с первого разу

и бросится, то, нашед платье, разрывает оное, а промышленник между тем имеет время снова приготовиться» [Давыдов 1812: 162].

«Аляскинцы стреляют волков из луков или ловят их ямами, кои вырывают в падах гор, где звери сии чаще бегают. Ямы прикрывают легко травой или мохом и кладут иногда на оные что-либо для приманки» [Там же: 164].

«Аляскинцы ловят лисиц следующим образом: загораживают круглый плетень, оставя узкие только дверцы, в коих расставляют петлю; внутри же загородки кладут кости или иную притраву. Сверх сего все дикие стреляют лисиц из луков» [Там же: 167].

Л. А. Загоскин упоминает о способе добычи речных бобров, который жители полуострова Аляски заимствовали у русских промышленников: *«Способ этот состоит в разорении бобровых жилищ. Производство следующее: в зимнее время, ранней весной или в глубокую осень, отыскав бобровую барабору [жилище бобра. — С. К.], спускают плотину или затыкают все норки и выходы из подземных коридоров, в которые прячутся бобры, почуя опасность; ломают верх бараборы и в отверстие опускают толстый железный крюк, насаженный на палку; оцупав бобра, зацепляют за него крюком и таким образом вытаскивают одного за другим и до последнего» [Загоскин 1956: 221].*

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА И ВООРУЖЕНИЕ

1–5.

Стрела № 2913–21, стрела с наконечником без лезвия № 2913–22/а с футляром № 2913–22/б, стрела № 2913–23/а с футляром № 2913–23/б, стрела с футляром № 2913–24, наконечник с лезвием № 2913–25/а и футляром № 2913–25/б (слева направо).

Народ: катмайцы.

Материал: дерево, краска, олений рог, перья, сухожилия, аргиллит, медь.

Размеры:

№ 2913–21: длина 89 см, длина наконечника 19 см, ширина наконечника 2,7 см, ширина древка 2 см, длина лезвия 7,1 см, ширина лезвия 2,7 см.

№ 2913–22/а: длина 84,3 см, диаметр древка 2 см, длина наконечника 19,5 см, ширина наконечника 1,7 см.

№ 2913–22/б: длина 11 см, ширина 4,5 см.

№ 2913–23/а: длина древка 92,2 см, диаметр 2,2 см, ширина 1,7 см, длина лезвия 5 см, ширина лезвия 1,9 см, длин наконечника с лезвием 20,8 см, ширина наконечника с лезвием 1,6 см.

№ 2913–23/б: длина 11 см, ширина 3,6 см, толщина 2,6 см.

№ 2913–24: длина 93,2 см, ширина древка 1,6 см, длина наконечника 19,3 см, ширина наконечника 1,7 см, длина лезвия 4,1 см, ширина лезвия 2 см. Футляр для наконечника: длина 9,8 см, ширина 3,8 см, толщина 2,4 см.

№ 2913–25/а: длина 22 см, ширина наконечника 1,6 см, длина лезвия 4,5 см, ширина лезвия 2,4 см.

№ 2913–25/б: длина 11,7 см, ширина 3,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Фрагмент
стрелы № 2913—21

Фрагмент
стрелы № 2913—21

Фрагмент
стрелы № 2913—21

Фрагмент стрелы № 2913—24

У стрелы № 2913—24 лезвие наконечника сделано из меди, у других стрел — из черного аргиллита. В комплект к этим стрелам входит колчан № 593—86 и, вероятно, лук № 593—64. Такие стрелы использовались для охоты на крупных животных: медведей, лосей, оленей — и во время военных действий.

Стрелы катмайцев и эскимосов юпик западной Аляски, занимавших территорию от Бристольского залива до реки Кускоквим, типологически едины. Они состоят из древка с оперением, костяного наконечника с лезвием из аргиллита и футляра для лезвия. Таких стрел в музее несколько десятков, но изображения животных встречаются только на стрелах катмайцев.

6.

Колчан № 593–86.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа нерпы, дерево, краска, бусины, бисер, сухожилия.

Размеры: длина 120 см, ширина 18,5 см, ширина с рейкой 24 см. Рейка: длина 67 см, ширина 2,4 см, толщина 1,6 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

В комплект к колчану входят стрелы № 2913–21, –22/а–b, –23/а–b, –24, –25/а–b и, вероятно, лук № 593–64. Рейка для ляжки колчана украшена вырезанной головой медведя и нарисованными фигурками оленей.

7.
Усиленный лук с тетивой № 593–64.

Народ: катмайцы.

Материал: дерево, краска, кость, сухожилия, шерстяные нити, олений волос.

Размеры: длина 128,5 см, ширина 5 см, толщина 4,3 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Вероятно, этот лук входит в комплект к колчану № 593–86 и стрелам № 2913–21, –22/а–b, –23/а–b, –24, –25/а–b.

Луки катмайцев в собрании МАЭ относятся к усиленному типу, так как их древки с обратной стороны усилены сухожильной обмоткой и костяными или деревянными накладками. Этот лук усилен костяной пластинкой в центральной части древка и сухожильным жгутом, лук № 2913–20 — сухожильным жгутом по всей длине древка, лук № 2930–70 — деревянными вставками в местах сгиба древка и сухожильным жгутом. По своей форме луки № 593–64 и № 2913–20 сходны с луками чугачей.

◀ 8.

Наконечник стрелы с футляром для лезвия № 7401-7/1-2.

Народ: вероятно, катмайцы.

Материал: дерево, корни ели, олений рог, аргиллит.

Размеры: длина наконечника с лезвием 11,5 см, ширина наконечника 8,4 см, длина лезвия 6,4 см, ширина лезвия 2,8 см. Футляр: длина 12 см, ширина 4,7 см, толщина 3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

▶ 9.

Стрела с футляром для лезвия № 4193-3/a-b.

Народ: катмайцы.

Материал: дерево, краска, олений рог, сухожилия.

Размеры: длина 82,3 см, диаметр древка 1,4 см, длина наконечника 16,5 см, ширина наконечника 1,5 см. Футляр: длина 10 см, ширина 3,4 см, толщина 2,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., селение Катмай, полуостров Аляска.

◀ 10.

Стрела с футляром для лезвия № 2925–93.

Народ: вероятно, катмайцы.

Материал: аргиллит, олений рог, дерево, краска, сухожилия, перья.

Размеры: длина 84,5 см, диаметр древка 1 см, длина наконечника с лезвием до обмотки 22,5 см, длина наконечника без лезвия 17,5 см, ширина наконечника 1,5 см, длина лезвия 7 см, ширина лезвия 2,3 см. Футляр: длина 11,4 см, ширина 3,6 см, толщина 2,4 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Стрелы такого типа использовали и кадьякцы. Иеромонах Гедеон писал о стрелах кадьякцев: «У стрелок древко бывает длиною в три четверти [аршина. — С. К.] и более, с наконечником оленьей кости, при трех в одну четверть насечках [с тремя зазубринами. — С. К.] и с каменным или медным на нем копьем [лезвием. — С. К.] в полтора вершка» [Гедеон 1994: 61].

▶ 11.

Стрела № 2925–94.

Народ: вероятно, катмайцы.

Материал: аргиллит, олений рог, дерево, краска, сухожилия, перья.

Размеры: длина 83,5 см, диаметр древка 1 см, длина наконечника с лезвием до обмотки 22,6 см, ширина наконечника 1,5 см, длина лезвия 5,7 см, ширина лезвия 2,4 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., Аляска.

12.

Усиленный лук с тетивой № 2913–20.

Народ: катмайцы.

Материал: дерево, краска, сухожилия.

Размеры: длина 136,5 см, ширина 4,9 см, толщина с обмоткой 3,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Все луки катмайцев из собрания МАЭ украшены зооморфными узорами из фигур оленей и морских животных. Наличие рисунков на луках и стрелах указывает на их ритуальное использование во время зимних церемоний, направленных на обеспечение удачной охоты в следующем промысловом сезоне.

13–14.

Нож с ножнами № 4104–48/а, –48/б.

Народ: вероятно, катмайцы.

Материал: дерево, аргиллит, корни, кожа, сухожилия.

№ 4104–48/а: длина 23,5 см, длина лезвия 12,5 см, ширина лезвия 3,8 см, длина рукоятки 11 см.

№ 4104–48/б: длина 19 см, ширина 4,6 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

Этническая принадлежность этого ножа точно не установлена.

15.

Усиленный лук без тетивы № 2930–70.

Народ: вероятно, катмайцы.

Материал: дерево, краска, олений рог, сухожилия.

Размеры: длина 128 см, ширина 5,9 см, толщина с обмоткой 4 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

По своей форме этот лук и лук кадьякцев № 7401–15 объединяются в отдельный тип, отличный от луков № 593–64 и № 2913–20.

16.

Церемониальный манщик № 571–37.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, краска, кость, дерево, сухожилия.

Размеры: длина 83 см, ширина 32 см, толщина 30 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Манщик использовался во время зимних ритуальных празднеств, направленных на реинкарнацию душ убитых животных.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

17.

Сумка № 337–1/3.

Народ: катмайцы.

Материал: кишки и кожа сивуча, краска, сухожилия.

Размеры: длина 27 см, высота 29 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

18.

Сумка № 337–1/4.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, кишки, сухожилия.

Размеры: длина 27 см, высота 21,5 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

19.

Сумка № 337–1/5.

Народ: катмайцы.

Материал: стебли дикой ржи, кожа тюленя, краска, сухожилия, шерстяные нити, бусины.

Размеры: длина 30,5 см, ширина 17 см, высота с раскрытым клапаном 27,5 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

20.

Сумка дорожная (ашухтак) № 2868—31*.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа альбатроса и тюленя, кожа с горла сивуча, краска, сухожилия.

Размеры: высота 30,5 см, ширина 35,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

* Здесь и далее в скобках приводятся названия предметов на языке алютиик из документов собирателей

21.

Сумка № 2913–14.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, кра-
ска, сухожилия, олений волос, иглы дикобраза, сухо-
жилия, хлопчатобумажные нити.

Размеры: длина 28 см, высота 27 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., се-
ление Катмай, полуостров Аляска.

22.

Сумка (агашюк) № 2913–15.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа баклана, кожа с горла сивуча, кра-
ска, иглы дикобраза, волос, ткань, шерстяные нити,
сухожилия.

Размеры: длина 24,5 см, высота 21 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., се-
ление Катмай, полуостров Аляска.

Сумки «агашюк» (№ 2913–15, –16) сшиты из
кожи баклана. Об их использовании И. Г. Вознесе-
нский писал: «Катмайские женщины делают их для
дарения своим мужьям, которые держат в этих
сумках иглы, нитки и пр., все, что нужно для по-
чинки байдарки, если последняя прорвется; все
промышленники носят при себе подобные сумоч-
ки» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9. Л. 26].

23.

Сумка (агашюк) № 2913–16.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа баклана, кожа с горла сивуча, краска, сухожилия, олений волос, шерстяные нити.

Размеры: длина 33 см, высота 26 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

24.

Сумка № 2913–17.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, сухожилия, перья, шерстяные нити, ткань, иглы дикобраза.

Размеры: длина 40 см, высота 34 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Сумка в расправленном виде

25.

Сумка № 2913–18.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, сухожилия, олений волос, иглы дикобраза.

Размеры: длина в расправленном виде 52 см, ширина 34 см, длина в сложенном виде 34 см, ширина 25 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Форма этой сумки типична для изделий эскимосов юпик западной Аляски. Такие сумки использовались для хранения швейных принадлежностей и женских рабочих инструментов. Подобные сумки у эскимосов западной Аляски известны под названием «сумка-домохозяйка».

26.

Сумка № 2913–19.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, сухожилия, иглы дикобраза.

Размеры: длина 32 см, высота 23 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

27.

Сумочка с двумя клапанами № 2868–30.

Народ: вероятно, катмайцы.

Материал: соломка, кожа сивуча, ткань, сухожилия.

Размеры: длина 15,5 см, ширина 8,8 см, длина в расправленном виде 17,5 см, ширина в расправленном виде 15,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

28.

Головной убор № 337–1/1.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, ткань, сухожилия.

Размеры: длина 19 см, ширина 12 см, высота 9 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

29.

Головной убор № 337–1/2.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, ткань, сухожилия.

Размеры: длина 21,5 см, ширина 12 см, высота 10 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

30.

Головной убор № 616–1.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа с горла сивуча, краска, ткань, иглы дикобраза, шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: высота 26 см, ширина 29 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

31.

Рубаха № 2667–40.

Народ: катмайцы.

Материал: оленья замша, кожа, краска, иглы дикобраза, сухожилия, семена.

Размеры: длина с бахромой 122 см, ширина подола 67 см, ширина с рукавами 136 см. Рукава: ширина манжет 11 см, ширина проймы 22 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Эта рубаха и штаны № 2667—39 составляют комплект. По сведениям собирателя, они приобретены у катмайцев. Такую одежду катмайцы получали путем обмена от индейцев танайна.

32.

Штаны № 2667–39.

Народ: катмайцы.

Материал: оленья замша, кожа, краска, иглы дикобраза, сухожилия.

Размеры: длина 126 см, ширина в поясе 43 см, длина «подошвы» 26,5 см, ширина «подошвы» 10, 5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Штаны входят в комплект к рубашке № 2667–40.

33.

Женский головной убор № 2913–2.

Народ: катмайцы.

Материал: мех выхухоли, кожа с горла сивуча, мех тюленя, краска, ткань, хлопчатобумажные и шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: диаметр 18 см, диаметр аппликации 11 см, высота 18 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Головной убор № 2913–2, парка № 2913–1, штаны № 2913–4 и сапоги № 2913–3/1–2 составляют комплект женской церемониальной одежды.

34.

Женская парка № 2913–1.

Народ: катмайцы.

Материал: мех длиннохвостого суслика, кожа нерпы, краска, олений мех и волос, ткань, шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: длина 100 см, ширина подола 77 см, ширина с рукавами 141 см. Рукава: ширина манжет 12 см, ширина проймы 34 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Головной убор № 2913–2, парка № 2913–1, штаны № 2913–4 и сапоги № 2913–3/1–2 составляют комплект женской церемониальной одежды.

Комплект зимней одежды катмайцев свидетельствует о сильном влиянии культуры эскимосов юпик западной Аляски. Комплект одежды из парки без капюшона, коротких штанов и сапог был характерен для населения, проживающего от полуострова Аляска до реки Кускоквим.

35.

Женские штаны № 2913–4.

Народ: катмайцы.

Материал: олений и заячий мех, ткань, сухожилия.

Размеры: длина 62 см, ширина в поясе 42 см, ширина нижней части штанин 20 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Головной убор № 2913–2, парка № 2913–1, штаны № 2913–4 и сапоги № 2913–3/1–2 составляют комплект женской церемониальной одежды.

36.

Женские сапоги № 2913–3/1–2.

Народ: катмайцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, мех новорожденного оленя (пыжик), клювы топорка, ткань, шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: высота 36 см, длина подошвы 25 см, ширина подошвы 11 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Головной убор № 2913–2, парка № 2913–1, штаны № 2913–4 и сапоги № 2913–3/1–2 составляют комплект женской церемониальной одежды.

37.

Женская зимняя парка № 2913–9.

Народ: катмайцы.

Материал: мех новорожденного оленя, мех взрослого оленя, кожа нерпы, кожа с горла сивуча, кожа с горла баклана с перьями, краска, сухожилия, олений волос, шерстяные нити, клыки топорка.

Размеры: длина 127 см, ширина подола 83 см, ширина с рукавами 129 см. Рукава: ширина манжет 14 см, ширина проймы 17 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Парка № 2913–9, штаны № 2913–12 и сапоги № 2913–10/1–2 оставляют комплект женской зимней одежды.

38.

Женские зимние штаны № 2913–12.

Народ: катмайцы.

Материал: мех с ноги оленя (камус), кожа нерпы, олений волос, клыки топорка, сухожилия.

Размеры: длина 80 см, ширина в поясе 46 см, ширина 54 см, ширина нижней части штанин 20 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Парка № 2913–9, штаны № 2913–12 и сапоги № 2913–10/1–2 составляют комплект женской зимней одежды.

39.

Женские зимние сапоги № 2913–10/1–2.

Народ: катмайцы.

Материал: мех оленя, кожа тюленя, кожа с горла сивуча, кожа баклана с перьями, мех горностая и нерпы, клювы топорка, хлопчатобумажные нити, сухожилия.

Размеры: высота 37 см, длина подошвы 26 см, ширина подошвы 10 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Парка № 2913–9, штаны № 2913–12 и сапоги № 2913–10/1–2 оставляют комплект женской зимней одежды.

40.
Церемониальная шляпа-козырек № 593—16.

Народ: катмайцы.

Материал: дерево, краска, моржовая кость, олений волос, сухожилия, хлопчатобумажные нити.

Размеры: общая высота 21 см, общая ширина 26,5 см. Шляпа: высота 16,5 см, длина 28,5 см, ширина 20,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Шляпа использовалась во время ритуалов, связанных с началом нового промыслового сезона. Также такие шляпы являлись отличительным символом вождей и старейшин — руководителей охотничьих партий. Эта шляпа символизирует голову морского хищника, возможно кита-косатки. В нижней части ее козырька изображена полукруглая пасть животного с двумя рядами зубов.

Каждая из костяных пластин украшена стилизованными изображениями пяти голов морских птиц — чаек или бакланов. Считалось, что духи морских птиц показывают охотникам путь к добыче.

На фото детали шляпы то же мифическое существо, что и на церемониальном маншике № 571—37.

41.

Мужской зимний головной убор № 2913–11.

Народ: катмайцы.

Материал: мех норки, нерпы и тюленя, кожа с горла сивуча, олений волос, ткань, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.

Размеры: высота 13 см, диаметр с бахромой 28,5 см, диаметр без бахромы 26 см, диаметр околыша 20 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

42.

Мужской зимний головной убор № 2913–8.

Народ: катмайцы.

Материал: мех оленя, горностая и норки, кожа, ткань, бисер, олений волос, сухожилия, шерстяные нити.

Размеры: длина 36 см, ширина 19 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Головной убор № 2913–8, парка № 2913–5, штаны № 2913–6 и сапоги № 2913–7/1–2 составляют комплект мужской зимней одежды.

К этому головному убору пришиты три шкурки горностая, в центре — коричневая шкурка (летняя окраска) и с боковых сторон — белые шкурки (зимняя окраска). В русских источниках XIX в. такой тип головных уборов называется «капор». По своей форме «капор» похож на капюшон, отрезанный от парки. В отличие от капюшона капор не ограничивал движение головы, что было важно во время охоты. Головные уборы этого типа были распространены среди эскимосов юпик западной Аляски от Бристольского залива до реки Юкон, но не встречаются у кадьякцев и чугачей.

43.

Мужская зимняя парка № 2913–5.

Народ: катмайцы.

Материал: мех норки, мех новорожденного оленя, кожа нерпы, краска, олений волос, сухожилия, шерстяные нити, клыки топорка.

Размеры: длина 112 см, ширина подола 75 см, ширина с рукавами 148 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Головной убор № 2913–8, парка № 2913–5, штаны № 2913–6 и сапоги № 2913–7/1–2 составляют комплект мужской зимней одежды.

44.

Мужские зимние штаны № 2913–6.

Народ: катмайцы.

Материал: мех с ноги оленя, кожа с горла сивуча, олений волос, сухожилия, шерстяные нити, клювы топорка.

Размеры: длина 82 см, ширина в поясе 50 см, ширина нижней части штанин 17 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Головной убор № 2913–8, парка № 2913–5, штаны № 2913–6 и сапоги № 2913–7/1–2 составляют комплект мужской зимней одежды.

45.

Мужские зимние сапоги № 2913–7/1–2.

Народ: катмайцы.

Материал: мех с ноги оленя, кожа тюленя, сухожилия, шерстяные нити.

Размеры: высота 41 см, наибольшая ширина голенища 18 см, длина подошвы 23 см, ширина подошвы 9,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Головной убор № 2913–8, парка № 2913–5, штаны № 2913–6 и сапоги № 2913–7/1–2 составляют комплект мужской зимней одежды.

46.

Летняя мужская камлейка № 2913–13.

Народ: катмайцы.

Материал: кишки, кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, сухожилия.

Размеры: длина 153 см, ширина с рукавами 178 см, ширина подола 96 см, ширина манжет 15,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

«Камлейки делаются из кишок сивучьих, тюленьих, медвежьих и из горл сих зверей. <...> Шьются также камлейки из китовых кишок и из кожи, содранной с языка и печени сего животного, но только когда выкинутый морем кит еще свеж. <...> Во всех сих платьях кишки шиваются длиною поперек камлеек, которые потому и называются кишочными, сделанные же из горлов — горловыми. <...>

Камлейка есть непременно нужная вещь островитянину, ибо сверх того, что защищает его от дождя, коняга не может ехать без нее в байдарке. Когда платье сие готово, тогда, завязав рукава, наливают в оное воды, которая если нигде не проходит, то и камлейка хороша. Если в ясное время буря принуждает конягу надеть оную, то наперед опрыскивает ее, да и после брызгает воду, дабы от солнца не трескалась. Камлейку, как уже сказано, убирают раздерганными в нитки красным и зеленым стамедом и волосами козлиными или оленьими. Иные обкладывают подол и рукава вышитую наподобие лент крашеною кожею» [Давыдов 1812: 14–16].

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

47.

Церемониальный жезл № 4105–22.

Народ: катмайцы.

Материал: клык нарвала, моржовая кость, железо.

Размеры: длина 94 см, диаметр жезла 2,5 см, диаметр подставки для фигурки 5,7 см. Фигурка сивуча: длина 6,1 см, ширина 3,5 см, высота 4,3 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., полуостров Аляска.

Навершие жезла вырезано в виде фигурки морского льва — сивуча. Сивуч в мифологии алятиик ассоциировался с хозяйкой подводного мира Имам Шуа, которая посылала людям морских животных.

48.

Церемониальный жезл № 4105–23.

Народ: катмайцы.

Материал: клык нарвала, моржовая кость, железо, медь, китовый ус.

Размеры: длина 100,5 см, диаметр жезла 2,5 см, диаметр подставки для фигурки 4,7 см. Фигурка сивуча: длина 6,2 см, высота 4,5 см, ширина фигурки без лап 2,7 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., полуостров Аляска.

Жезл являлся символом власти вождя, его навершие вырезано в виде фигурки сивуча.

49.

Фигурка сивуча № 4104–60.

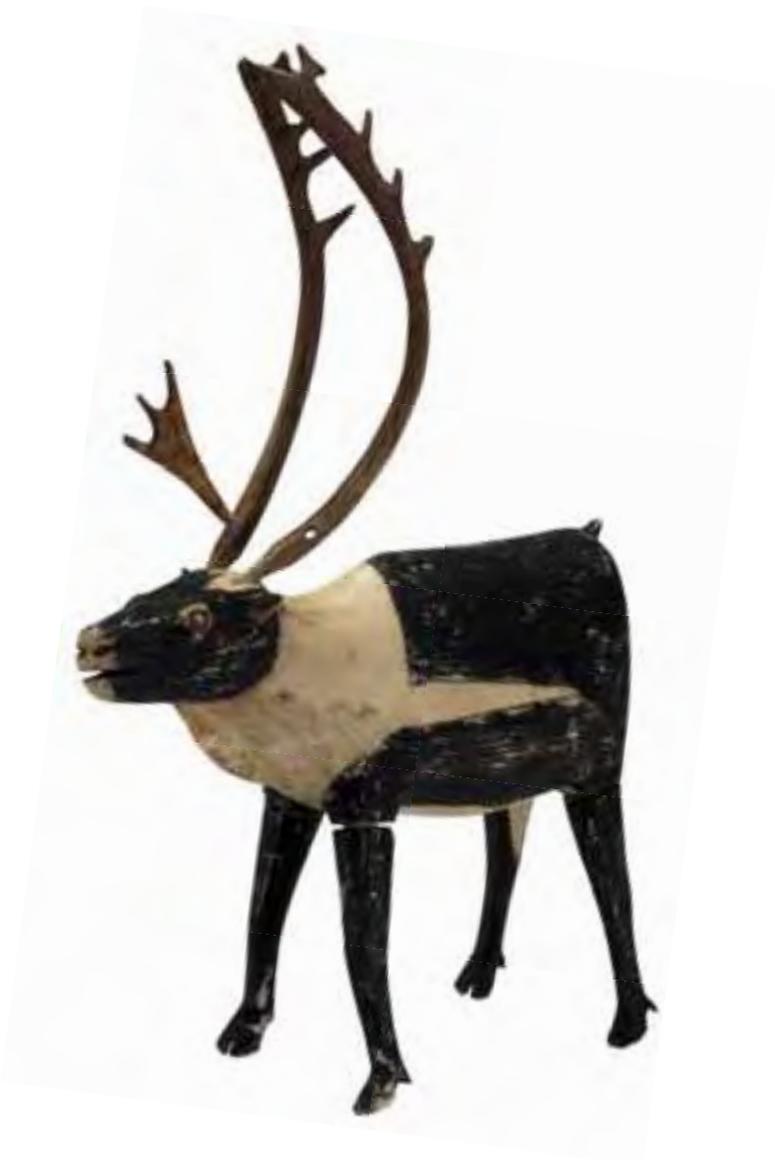
Народ: катмайцы.

Материал: моржовая кость, краска.

Размеры: длина 6,8 см, высота 4,6 см, ширина 3,4 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., полуостров Аляска.

Фигурка сивуча — навершие церемониального жезла.

50.

Фигурка оленя № 2938–25.

Народ: катмайцы.

Материал: моржовая кость, олений рог, краска.

Размеры: высота с рогами 22 см, высота без рогов 12 см, длина 15 см, ширина 6 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

Фигурки оленей и модели ружей, вырезанные из моржовой кости, являлись изделиями сувенирного промысла и предназначались для продажи европейцам.

51.

Фигурка оленя № 4155–2.

Народ: катмайцы.

Материал: моржовая кость, олений рог, краска.

Размеры: высота 21,5 см, длина 18,5 см, ширина 3,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. Первая половина XIX в., Аляска.

52.

Модель ружья № 337–13/1.

Народ: катмайцы.

Материал: моржовая кость, краска.

Размеры: длина 16,5 см, ширина 1,4 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

53.

Модель ружья № 337–13/3.

Народ: катмайцы.

Материал: моржовая кость, краска.

Размеры: длина 12,8 см, ширина 1,1 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

54.

Модель ружья № 337–13/4.

Народ: катмайцы.

Материал: моржовая кость, краска.

Размеры: длина 10 см, ширина 0,9 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

55.

**Фигурка охотника, стреляющего в медведя
№ 337–16/4.**

Народ: вероятно, катмайцы.

Материал: кость, краска.

Размеры: длина 14,5 см, ширина 2,7 см, высота 5,5 см.

Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., селение Катмай, полуостров Аляска.

КАДЬЯКЦЫ

«У них отсутствует предание об их происхождении. Сами они называют себя *Kuchtagmytt*, жители Уналашки называют их *Kaniagi*» [Мерк 1978: 78].

«Народ кадьякский, по преданию старых людей, перешел на Кадьяк с Аляски. Предки их жили прежде на северной стороне Аляски близ большой реки Квигнак. У них анаюгнак (хозяин) был именем Атлювату. Он имел одну только любимую дочь, которая без вести пропала. Для поиска ее, взяв свою команду и согласив с собой другого анаюгнака, по имени Якунака, ходили довольно время по разным местам; приблизившись же к южной стороне Аляски, увидели землю и назвали ее Кигихтак, что, собственно, на их языке значит „остров“. Сии именем назывался Кадьяк до самого прибытия русских. Потом Атлювату и Якунак захотели полюбозыствовать и, увидев там свои выгоды, согласили прочих со всеми семействами переселиться на Кигихтак. Сходство языка аляскинского с кадьякским довольно подтверждает справедливость такового события» [Гедеон 1994: 77].

«До сего времени, не имея верного сведения о народонаселении в Кадьяке, Баранов в декабре месяце [1795 г. — С.К.] отправился кругом острова на байдаре и в сем путешествии составил первую перепись. <...> В Павловскую Гавань возвратился 9 марта 1796 года. Число кадьякских обитателей найдено: мужеска пола 3221, женска 2985, а обоего 6206 душ. Байдарок при бобровых промыслах до семисот» [Хлебников 1835: 33].

Из рапорта морехода С. Г. Глотова о посещении острова Кадьяк на судне «Святые Андрей и Наталья» в 1763–1764 годах

«На оном острове живут люди незнаемые, по их названию, канагыт, коих находится многолюдно, коих числом положить невозможно. Оной народ обычаем самоуправен, не ведущий никакого начальника, между собою почтения никакого не имеют. Платье на себя употребляют: парки из лисиц бурых, сиводушных и красных, бобровые, из птиц, урильких, и из оленьих кож, выпороточки [из шкур новорожденных оленей. — С.К.], еврашечьи. А как оные, где и в каких местах промышленяют и какими заводами [способами. — С.К.], того рассмотреть было невозможно. На ногах в зимнее время употребляют из оленьих кож и камысов [кожи с ноги оленя. — С.К.] шитые долгие торбасы [длинные сапоги. — С.К.], штанов никаких не носят. На головах шапки разные, по их обычаю сделанные разными манерами, из разных вещей. И из тех, получа от них на корольки, для усмотрения здесь до пяти разных шапок, вывезены, коих и объявляю. Оружия их луки и стрелы, копья, топоры, и ножи имеют из оленьих костей, а топоры — из черного камня.

В нижней губы у лица прорезывают, так же и в носу на конце прокалывают и вкладывают звериные и птичьи кости, а лицо иногда красят красками; и протчия [некоторые. — С.К.] щиты у себя имеют, по их званию куяки, деревянные. Оные по морю ездят по

одному и по два человека в байдарках. Питаются рыбой, которую, выезжая в байдарках в море, ловят косяжными удами, речную рыбу — черючами [сетками. — С.К.], то есть из жильных ниток связанные мешки. В пищу употребляют сырое» [Готов 1989: 108].

Рассказ кадьяка Арсения Аминака о посещении острова Кадьяк экипажем судна «Святой Климент» в 1780–1781 годах

«Я был мальчиком девяти или десяти лет и уже греб в байдарке, когда первый русский корабль, двухмачтовое судно, прибыл к Алиуклик. Мы никогда до того не видели кораблей. Действительно, мы торговали с аглегмютами (с о. Насигак), танайна (с полуострова Аляска) и с колошами [тлинкитами. — С.К.]. Старые мудрые люди знали даже о калифорнийских индейцах, но мы не знали белых людей.

Когда мы увидели вдалеке корабль, то подумали, что это гигантский кит, и любопытство толкало нас рассмотреть его поближе. Мы вышли на байдарках, но вскоре увидели, что это не кит, но неизвестное чудовище, невиданное доселе, которое напугало нас и чье зловонье (от дегтя) сделало нас больными. Люди на борту имели пуговицы на платье, а когда мы увидели, что они держат во рту огонь и пускают дым, мы ничего не знали о табаке, то могли подумать только то, что они — духи. Корабль шел к острову Аякталик (один из Гусиных островов), где в те дни имелось большое поселение, там жил и мой отец. Он стал на якорь у восточной стороны Алитоцкой бухты или Аналюкак.

Мы следовали за ними в страхе, не зная, что принесет нам это странное явление, и не осмеливались приблизиться к судну. Среди нас был воин, герой по имени Исчиник (ангуцак), отличавшийся храбростью, который не боялся ничего на свете. Он первым отважился взойти на корабль и вернулся с подарками — красной рубахой, шляпой лисьевских алеутов и различными бусами. „Нет ничего страшного, — сказал он, — они всего лишь хотят купить наши шкурки морских выдр [каланов. — С.К.], а мы взамен получим бусы и другие богатства“. Но мы не поверили ему.

Старейшие и мудрейшие из нашего селения держали совет в кажиме и решили так: „Кто знает, какого рода болезнь они принесут нам? Лучшие мы подождем их у берега. Если они потом пожелают купить наши меха с выгодой для нас, то мы будем торговать с ними“.

Наш народ прежде жил в войне с лисьевскими алеутами, которых называли тацуат. Мой отец однажды участвовал в набеге на Уналашку. Среди захваченной добычи была девочка, брошенная родителями во время бегства. Взятая в плен, она стала нашей рабыней, но отец обращался с ней как с собственной дочерью и вырастил ее подобно прочим своим детям. Мы звали ее Плиу (Золушка), так как ее вытащили из золь в хижине, где она пряталась от врагов.

На русском корабле, который пришел с Уналашки, было много лисьевских алеутов и среди них — отец нашей рабыни. Он посетил моего отца и, увидев, что

с его дочерью не обращаются как с рабыней, но что она воспитывается должным образом, в благодарность по секрету сказал моему отцу, что русские будут брать меха морских выдр задаром. Это предупреждение спасло моего отца, хотя он и не доверял лисьевскому алеуту, но был осторожен.

Русские высадились вместе с лисьевскими алеутами. Последние убеждали наших людей начать торговлю и говорили: „Почему вы боитесь русских? Посмотрите, мы живем с ними, и они не причиняют нам вреда“. Наши люди, очарованные множеством вещей, оставили свое оружие в байдарках и принесли меха к русским. Когда они были полностью поглощены оживленной торговлей, лисьевские алеуты по сигналу русских обрушились на них с оружием, которое до того скрывали, убили 30 человек и захватили меха морских выдр. Некоторые из наших людей, среди них и мой отец, которые хотели подождать результатов первых торгов на расстоянии, бежали в своих байдарках, но были схвачены и убиты лисьевскими алеутами. Мой отец спасся единственный, это произошло благодаря отцу нашей рабыни. Он, после того как байдарка моего отца была изрешечена стрелами и начала тонуть, отдал ему свою собственную и, таким образом, позволил ему бежать к Акиоку. Моего отца звали Пинасчигак. Этот первый корабль прибыл в августе, когда киты шли в залив, а ягоды поспевали.

Русские зазимовали, но не нашли здесь достаточно продовольствия. Они были вынуждены оставить корабль под охраной нескольких человек, а сами двинулись от острова Аякталик вглубь бухты, которая небольшой речкой была связана с озером. Озеро изобиловало сельдью и пикшей. <...> В озере также были и ядовитые морские ежи. Мы знали об этом, но держа-

ли то при себе. Мы никогда не ели их, даже глупцы не касались их. Многие русские умерли, съев морских ежей. Еще мы вредили им другим образом. Они поставили капканы на лисиц. Мы позволяли себе ловиться в них, хотя часто причиняли себе глубокие и болезненные раны. Мы знали уже ценность этих железных зубов. На Укамоке море часто выносило на берег сталь. После того как русские исследовали берег, они следующей весной покинули наш остров» [Holmberg 1985: 57–59].

Отрывки из книги Г. А. Сарычева о посещении острова Кадык в 1790 году

«Жители острова Кадыкя, хотя живут в соседстве с алеутами (Алеутских островов. — С. К.), но совсем отменны от сего народа: гораздо их великорослее, лицо имеют шире и плоче, говорят совсем другим языком. Одежда их состоит в одной птичьей парке, сшитой просто без всякого украшения, и маленькой круглой плоской шляпе, сплетаемой из кореньев. Волосы подрезывают в кружок и намазывают их жиром, а некоторые насыпают еще красным порошком и сверху налепливают белым птичьим пухом. У одного видели мы в носовой под хрящом мякоти продетую костяную спицу, длиною в 5 дюймов; у другого на место одной вложены некоторые коренья. Во время веселостей и игрищ каждый у себя на лице намазывает красками, выводя по своему произволению разные черные, красные и белые узоры и полосы. Байдарки или кожаные лодки здесь вдвое шире алеутских, гораздо короче и по большей части двуместные, однако есть и одноместные. Весла к ним употребляют однолопастные, короткие, наподобие лопаток» [Сарычев 1952: 151].

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА И ВООРУЖЕНИЕ

«О промыслах. В конце февраля выходят на ловлю котиков и тюленей на юг от о. Кадьяк. В апреле месяце перебираются из зимних в летние жилища, которые стоят в местах, богатых рыбой и китами. Месяц май они занимаются ловлей бобров вокруг всего о. Кадьяк, а иногда удаляются от берега на большое расстояние. В июне уже бобров становится мало, и начинают ловить рыбу и тюленей. Первая рыба, которая попадает, — олибут (*Olibut*) [палтус. — С.К.]. Ее бьют у берегов дротиком, который служит им вместо остроги, а чаще волна прибывает эту рыбу к берегу в большом количестве. Другая рыба — красная горбуша, кижуч и сиг. Ловят эти рыбы до самого сентября. Рано или поздно, смотря по погоде, собирают корень сараны и заготавливают его впрок — варят и складывают в кадку, заливая рыбьим жиром. Также собирают траву кислицу и сохраняют ее с китовым мясом следующим образом: копают яму, дно ее застилают травой, затем кладут слой кислицы, а на нее слой китового мяса, и так слой за слоем до самого верха. Наверху снова кладут толстый слой травы и сверху засыпают землей. В октябре, когда вся ловля кончается, перебираются в зимние жилища, и каждый везет с собой свои припасы, которыми он может прожить, не завися от других» [Биллингс 1978: 50].

«Ревностный промышленник, ночью часто выходит, смотрит на облака, примечает погоду и, судя по своим наблюдениям, выезжает для промысла очень рано. Жена, любя и почитая своего мужа, не употребляет пищи до тех пор, пока он не возвратится. <...>

Ловить бобров [каланов. — С.К.] выезжают в море за 6 и 8 верст разными отдами; в каждом отделе находится от 8 до 15 двухлучных байдарок. Первый, увидев бобра, делает знак другим, подняв вверх весло; прочие стараются окружить то место расстоянием, как можно стрелкою попасть в зверя. Одни только сидящие в передних люках бросают стрелки наперерыв друг перед другом, а сидящие в задних люках управляют байдарками. Бобр тому достается, кто первее поранит его; иногда вдруг ранят двумя стрелками, в таком случае тот получает бобра, чья стрелка поранила зверя подле головы или повыше другого стрелка. Если же ровно попадут стрелки, то бобр принадлежит тому, кто, прежде начиная стрелять, кричал: ку-ку-ко! Это делают для того, чтобы другие видели, что он первый начинает бросать стрелку. Непроворный бобр ослабевает от пяти ран, а проворный получает до десяти» [Геден 1994: 74].

«Что касается морских бобров, то разве сотый из них может спастись от своих гонителей. Они промышляются следующим образом. В море выезжает множество байдарок, и как только которая-нибудь из них подъедет к бобру, то охотник, бросив в него стрелку

или не делая этого, гребет на место, где он нырнул, и поднимает весло. Все прочие байдарки, увидев этот знак, бросаются в разные стороны, и около первой байдарки составляют круг сажень до 100 [180 метров. — С.К.] в поперечнике. Лишь только животное вынырнет из воды, как ближайшии байдарки бросают в него также свои стрелки, а самая ближайшая, став на месте, где нырнул бобр, опять поднимает весло. Другие располагаются так же, как и в первом случае. Охота продолжается таким образом до тех пор, пока бобр не утомится или потеряет силы от истечения крови из ран. Я слышал от искусных промышленников, что иногда двадцать байдарок бьются с одним бобром половину дня. Бывают также и такие животные, что своими лапками вырывают из себя стрелки, однако же большей частью по прошествии нескольких часов делаются добычей охотника» [Лисянский 1947: 185].

«Ловля тюленей самая мудреная, и хороший нерпичий промышленник между дикими уважается; в некоторых местах их отгоняют от берега и бьют палками, что называется промышлять отгоном; но сие редко случается, да и требует много людей.

На полной воде перед камнем, на котором ложатся тюлени, растягивают сетку в таком месте, чтобы течением оной не сносило. Сетка длиною около восьми сажень, а шириною в одну; на нижней стороне привязываются камушки, а на верхнем поплавки, что и держит сетку в отвесном положении. Растянув оную, промышленник садится на скалу, кричит, поддельваясь под голос тюленей, и пошевеливает манщиком, то есть надутую шкурою нерпы. Животные сии, увидя на камне манщик, думают, что то тюлень, и приближаются к оному. Человек, заманив тюленя в потребное в рассуждении сетки положение, бросает в него камнем; зверь, испугавшись, ныряет назад и запутывается в расставленную сеть. <...>

Нерпы, особенно летом, крепко спят на растениях морских или около оных. Байдарка, увидя то, подгребает весьма тихо и сажает носок, и промышленники всегда при том кричат, дабы они проснулись; ибо американцы опытами дознали, что животное сие, будучи ранено во время сна, нередко пропадает, нырнув на дно и запутавшись в морских растениях. Иногда ждут полчаса и час, пока оно умрет и будет поднято на поверхность воды воткнутом в него носком с пузырьем» [Давыдов 1812: 192–193].

«Их [нерп. — С.К.] промышляют еще сеткою из жильных ниток тридцати сажень длины, трех ширины с привязанными к ней сверху поплавками, а снизу малыми камнями. Ловец, проезжая в байдарке, старается весьма тихо растянуть такую сетку чрез всю бухточку в то время, когда спят сии звери или на самом берегу, или на высоких прибрежных камнях; потом

кричат из всего горла. Зверь, испугавшись, бросается в воду и попадает в сеть» [Гедеон 1994: 75].

«Увидев сивуча, спящего на воде, подгребают к нему весьма тихо и сажают носок с привязанным к оному сивучьим пузырьем или надутым тюленьим манциком. Носком стараются попасть в шею, ибо зверь, изгибая оную при всякой понырке, скорее утомится от сильной боли. Во время первых понырок, даже и с носком, сивуч идет столь скоро под водой, что байдарка не может настичь его; но помалу устает, и тогда сажают в него еще другие носки. <...>

Мясо сивучей употребляется в пищу, жир предпочитается всякому, получаемому из других морских животных; из кишок шьют камлейки, а кожи употребляют на большие байдары. Лахтаки [кожа без ворса. — С. К.] самок сего зверя считаются самыми удобными для байдарок» [Давыдов 1812: 190–191].

«Китовые промышленники прежде тайно выкапывали недавно зарытые умершие тела, уносили в хребты гор и вытапливали жир для намазывания тех стрелок, коими кололи китов. Для того же предмета собирали и червей от мертвых тел и, тайно высушив, привязывали к тем же стрелам» [Гедеон 1994: 78].

«Ловля китов сопровождается многими суеверными обрядами, коих промышленники не открывают никому, и состояние их бывает обыкновенно наследственное; почему число людей, занимающихся сим промыслом, чрезвычайно умалилось. Они уносят тела умерших отличных людей, ставят их в отдаленные пещеры, где иногда находят оных до десяти и более. <...> Перед началом китовой ловли собираются в пещеру, вынимают мертвые тела, кладут оные в ручей, пьют из онаго воду и отправляют многие иные ворожбы. Также делают по убитии большого кита. Когда умрет китовый промышленник, то другие отрезают по куску от его тела и мажут оным стрелы; куски же высушивают и всячески берегут от согнития, опасаясь, что в таком случае сами умрут. Когда промышленник дома, то кусок висит на нитке; в дорогах же и на промысле всегда его с собою оный возит» [Давыдов 1812: 197–198].

«Лишь только наступает весна, то китовые промышленники расходятся по горам собирать орлиные перья, медвежью шерсть, разные необыкновенные камешки, коренья, птичьи носки и прочее. Всего хуже обычай красть из могил мертвые тела, которые они содержат в потаенных пещерах и котормым даже носят иногда пищу. Здесь введено в обычай, что отец перед своей смертью оставляет пещеру с мертвыми телами как самое драгоценное наследие тому, кто делается его преемником в китовом промысле. Наследник, со своей стороны, старается всю жизнь умножать это сокровище, так что у некоторых набирается до двух десятков трупов. Впрочем, надо заметить, что здесь крадут тела только таких людей, которые показывали особенное искусство и расторопность. Китовые промышленники во время ловли, как уже сказано выше, считаются нечистыми, и никто не только не согласится с ними есть вместе, но и не позволит им при-

касаться ни к какой вещи. Однако же при всем этом они пользуются особенным уважением, и другие островитяне называют их своими кормильцами» [Лисянский 1947: 187].

«Когда погода тиха, то промышленник выезжает в двухлучной или чаще в однолучной байдарке; подгребают к тому месту, где ожидает, что кит вынырнет, и старается попасть под перо хвоста или под боковые перья, называемые иначе ластами; ибо от полученной раны в сие место животное скорее умирает. Таким образом, избрав удобный случай, бросает стрелу и отгребают прочь, ибо кит, почувствовав рану, кидается с великим стремлением и может или разбить байдарку хвостом, или опрокинуть оную произведенным от сильного движения волнением. Каменное острие остается в ките, а шест на воде. Промышленник отъезжает, будучи уверен, что пораженный им зверь издохнет в третий или четвертый день и всплывет наверх. Тогда притаскивают труп его к берегу, если его увидят; а иначе он остается на волю ветра. <...>

Из застреленного кита вырезают довольно большой кусок мяса около того места, в которое ранен, и кидают прочь; ибо мясо сие уже испортится и посинеет.

Когда выкинет на берег не застреленного, но умершего самим собою кита, то американцы в таком только случае употребляют в пищу мясо онаго, когда птица клюет его и звери едят; иначе опасаются дотрагиваться до него, почитая то животное издохшим от заразительной болезни.

Для перевозки китов в селения режут их на куски и уверяют, что несравненно легче резать их простым железным ножом, нежели острым с укладом» [Давыдов 1812: 198–200].

«Уток ловят разными средствами. Когда несколько байдарок увидят стадо сих птиц, то подгребают к ним, бросают вдруг несколько стрел и кричат изо всей силы; от чего некоторые утки, испугавшись, не успевают подняться с воды, начинают нырять и верно достанутся в руки американцам, кои не дают им перевести духу и подняться, бросая беспрерывно в них стрелы. Утка наконец до того устает, что задыхается и бывает убиваема веслами или выходит на берег, где изловляется руками.

Ловят уток также сетками или перевесами. Для сего выбирают узкий пролив или узкое устье губы, где растягивают сетку таким образом: один конец веревки, прикрепленный к верхнему концу сетки, привязывают на берегу; на противном же сидящий человек держит другой конец, и сетка находится в таком возвышении, что нижний конец оной почти касается воды. Сей образ ловли производится только поутру при восхождении солнца и вечером по захождении онаго; ибо в первое время утки прилетают с моря в губы и заливы, а в последнее отлетают ночевать на взморье. Утки летают обыкновенно весьма скоро, и некоторые роды столь низко над водою, что в сумрачное время всегда несколько попадают в сетку, которую тот же час опускают на воду и тем запутывают увязших птиц; вынув же их оттуда, поднимают сетку и ожидают, как другое стадо полетит» [Там же: 210–211].

56–61.

Легкие гарпуны для охоты на калана (пииту-дак) № 2888–37, –38, –39, –40, –41, –42 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, олений рог, кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–37: длина 121,4 см, длина головки древка до обмотки 17,2 см, диаметр головки древка 1,8 см, диаметр древка 1,7 см.

№ 2888–38: длина 118,5 см, длина головки древка до обмотки 16 см, длина наконечника 7,3 см, ширина наконечника 1,7 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,5 см.

№ 2888–39: длина 122,5 см, длина головки древка до обмотки 18 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,7 см.

№ 2888–40: длина 120,5 см, длина головки древка до обмотки 18 см, диаметр головки древка 1,9 см, диаметр древка 1,6 см.

№ 2888–41: длина 121,6 см, длина головки древка до обмотки 21,5 см, длина наконечника 4,5 см, диаметр головки древка 1,6 см, диаметр древка 1,5 см.

№ 2888–42: длина 118,5 см, длина головки древка до обмотки 17,3 см, диаметр головки древка 1,8 см, диаметр древка 1,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

«Главное оружие составляют у них стрелы, которыми бьют они чрезвычайно верно и никогда почти не дают промаха. Увидев на море бобра [калана. — С. К.], они быстро бросаются к нему, окружают его байдарками и начинают пускать в него стрелы; они ни за что не позволяют ему выплыть из круга, образуемого байдарками. Бобр ныряет, но, не будучи в состоянии долго пробыть под водой без воздуха, беспрестанно выставляет свою голову и кричит как ребенок. Алеуты гоняют его до тех пор, пока он совершенно выбьется из сил от истекшей крови, тогда он оборачивается на спину и показывается почти весь на воде. В это время подплывают к нему алеуты, берут его на байдарку и рассматривают самым внимательным образом, кому он принадлежит» [Марков 1856: 97].

62–67.

Легкие гарпуны для охоты на калана (пииту-дак) № 2888–43, –44, –45, –46, –47, –48 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, олений рог, кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–43: длина 123,5 см, длина головки древка до обмотки 19,3 см, длина наконечника 4,4 см, диаметр головки древка 1,8 см, диаметр древка 1,6 см.

№ 2888–44: длина 122,5 см, длина головки древка до обмотки 17,3 см, диаметр головки древка 1,9 см, диаметр древка 1,7 см.

№ 2888–45: длина 119,8 см, длина головки древка до обмотки 18,5 см, длина наконечника 5,3 см, диаметр головки древка 1,6 см, диаметр древка 1,6 см.

№ 2888–46: длина 125,6 см, длина головки древка до обмотки 16 см, диаметр головки древка 1,8 см, диаметр древка 1,5 см.

№ 2888–47: длина 122,5 см, длина головки древка до обмотки 18,5 см, длина наконечника 4,2 см, диаметр головки древка 1,9 см, диаметр древка 1,7 см.

№ 2888–48: длина 121,5 см, длина головки древка до обмотки 18 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,6 см, длина наконечника 5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

68–69.

Легкие гарпуны для охоты на калана № 2888–49, –50 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, олений рог, кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–49: длина 123 см, длина головки древка до обмотки 15,5 см, диаметр головки древка 1,8 см, диаметр древка 1,5 см.

№ 2888–50: длина 122,5 см, длина головки древка до обмотки 22 см, длина наконечника 5,5 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,6 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

«Стрелы, употребляемые алеутами при ловле бобров, сделаны из кости и имеют на одной стороне зубчики, для того чтобы стрела не выходила из бобра, когда он ныряет в воду. Стрелка, имеющая в длину обыкновенно полтора вершка, насаживается на ровную палочку, которая, будучи кинута в бобра, всплывает на поверхность, между тем как наконечник ее остается в животном. Алеуты непременно берут каждый свою палочку, по заметкам, которые делают они, кому какие вздумается, как на ней, так и на оконечнике [наконечнике]. — С. К.]. Случается, что бобру наносят иногда ран до десяти и более» [Марков 1856: 97–98].

70–71.

Легкие гарпуны для охоты на нерпу № 2888–51, –52.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, олений рог, кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–51: длина 128,5 см, длина головки древка до обмотки 12,7 см, длина колка с наконечником 16 см, длина наконечника 7,2 см, диаметр головки древка 2,1 см, диаметр древка 1,7 см.

№ 2888–52: длина 129,5 см, длина головки древка до обмотки 17 см, диаметр головки древка 1,8 см, длина колка 8,6 см, диаметр древка 1,6 см.

Собиратель: М. Н. Васильев. 1820–1821 гг., Аляска.

Гарпун № 2888–51 — единственный в собрании МАЭ полный комплект легкого поворотного гарпуна алятиик, который состоит из древка, головки древка, колка и поворотного отделяющегося наконечника.

Наконечник поворотного гарпуна не закреплялся на колке, а только насаживался на него. Он имеет косо срезанное основание нижней части. После попадания в морское животное наконечник прокалывал его кожу и входил в толстый жировой слой, из которого он мог легко выскочить обратно. Чтобы этого не произошло, применяли поворотный наконечник, соединявшийся длинным маутом с древком гарпуна или поплавком из мочевого пузыря животного. После ранения животное делало резкий рывок, в это время наконечник гарпуна благодаря своим конструктивным особенностям поворачивался в его теле, принимал горизонтальное положение и уже не мог выскочить обратно. По плавающему на поверхности воды древку гарпуна или поплавку охотник определял, где животное вынырнет, и добивал его.

72–74.

Легкие гарпуны для охоты на калана № 2888–53, –54, –55 (слева направо).

Народ: кадыкцы.

Материал: дерево, краска, кожа, олений рог, кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–53: длина 130,5 см, длина головки древка до обмотки 15 см, диаметр головки древка 1,9 см, диаметр древка 1,4 см.

№ 2888–54: длина 132 см, длина головки древка до обмотки 14,5 см, диаметр головки древка 1,8 см, диаметр древка 1,4 см.

№ 2888–55: длина 132 см, длина головки древка до обмотки 15 см, диаметр головки древка 1,9 см, диаметр древка 1,5 см.

Собиратель: М. Н. Васильев. 1820–1821 гг., Аляска.

75–80.

Легкие гарпуны для охоты на калана № 2888–56, –57, –58, –59, –60, древко № 2888–61 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, олений рог, кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–56: длина 120,5 см, длина головки древка до обмотки 19,5 см, длина наконечника 3,9 см, диаметр головки древка 1,6 см, диаметр древка 1,4 см.

№ 2888–57: длина 126,5 см, длина головки древка до обмотки 23,5 см, длина наконечника 5,6 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,4 см.

№ 2888–58: длина 120,3 см, длина головки древка до обмотки 24 см, длина наконечника 4,8 см, диаметр головки древка 1,6 см, диаметр древка 1,2 см.

№ 2888–59: длина 122 см, длина головки древка до обмотки 16 см, длина наконечника 6,2 см, диаметр головки древка 1,9 см, диаметр древка 1,5 см.

№ 2888–60: длина 125,8 см, длина головки древка 29,3 см, диаметр головки древка 1,6 см, длина древка 99 см, диаметр древка 1,6 см, длина наконечника 5,4 см.

№ 2888–61: длина 97,5 см, диаметр 1,4 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., остров Кадьяк.

«Когда один попал в выдру [в калана. — С. К.], то веревочка, или маут, держащая стрелку, лопнет, то бросает стрелку другой, и, убив зверя, меряют отрывок веревочки и по тому судят, кому шкура зверина принадлежит должна. Если несколько человек попадут вдруг, то шкура принадлежит тому, чья стрела ближе к хвосту, когда зверь ранен вверху; а когда в брюхо, то чья ближе к горлу. Противу сих постановлений никто не ропщет, и оные служат законами для промышленников» [Давыдов 1812: 185].

81–83.

Легкие гарпуны для охоты на калана № 2888–63, –64, –65 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, олений рог, кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–63: длина 122 см, длина головки древка до обмотки 16,5 см, длина наконечника 6,7 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,7 см.

№ 2888–64: длина 127,8 см, длина головки древка до обмотки 17,5 см, длина наконечника 4,6 см, диаметр головки древка 1,9 см, диаметр древка 1,5 см.

№ 2888–65: длина 121,7 см, длина головки древка до обмотки 16 см, длина наконечника 6,2 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,4 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

◀ 84.

Наконечник легкого гарпуна № 4291—56.

Народ: кадьякцы.

Материал: моржовая кость.

Размеры: длина 6,1 см, ширина 1,2 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., остров Кадьяк.

85—86.

Легкие гарпуны для охоты на калана № 2888—76, —77.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, олений рог, кость, перья, сухожилия.

№ 2888—76: длина 125,5 см, длина головки древка до обмотки 18 см, длина наконечника 4,9 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,6 см.

№ 2888—77: длина 121,8 см, длина головки древка до обмотки 18,5 см, длина наконечника 4,2 см, диаметр головки древка 1,7 см, диаметр древка 1,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

К нижней части гарпунов прикрепляли орлиные перья для обеспечения траектории полета. Ю. Ф. Лисянский отмечал: «Между прочим, меня удивил орел, который после захода солнца влетел в барабору и сел у огня. Он, говорят, так умен, что где бы ни находился, всегда узнает свои байдарки, возвращающиеся с рыбачьего промысла, и тотчас летит домой. Кадьякские жители держат этих птиц единственно для перьев, которые употребляют для стрел всякого рода» [Лисянский 1947: 172—173].

► 87.

Метательное копье для охоты на птиц № 5198–42.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кость, сухожилия.

Размеры: длина 148,5 см, диаметр древка 1,5 см, длина спиц 30 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

88–89.

Метательные копья для охоты на птиц № 2925–121, – 122 (слева направо).

Народ: кадьякцы или чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2915–121: длина 140 см, диаметр древка 2,6 см, длина боковых спиц 16,5 см, длина центральной спицы 20 см.

№ 2915–122: длина 128,5 см, диаметр древка 2,7 см, длина боковых спиц 16,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

90.

Метательная дощечка № 536—20.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, моржовая кость.

Размеры: длина 46,5 см, ширина 6,2 см, толщина 2,3 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., остров Кадьяк.

К этой метательной дощечке есть описание собирателя: «Стрелки бросают правою или левою рукою с узких дощечек, которые следует держать указательным пальцем с одной стороны, а тремя меньшими — с другой, для чего вырезаются ямки. Стрелки кладутся оперенным концом в небольшой желобок, вырезанный посреди дощечки, и бросаются прямо с плеча» [Лисянский 1947: 186].

91.

Метательная дощечка (нухак) № 2867—31.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, моржовая кость.

Размеры: длина 49,3 см, ширина 6,2 см, толщина 2,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

Метательные дощечки использовались для бросания легких гарпунов при охоте на морских животных и копий при охоте на птиц. В метательной дощечке вытачивали желоб для древка гарпуна с костяным упором на конце. Древко гарпуна вставляли в желоб, его нижняя часть упиралась в костяной упор. Охотник одной рукой держал и метательную дощечку, и гарпун. Использование только одной руки было очень важно во время морской охоты. Свободной рукой охотник придерживал весло, чтобы каяк не раскачивался на волнах. Гарпун, брошенный рукой, летел на 15—20 м, а брошенный с метательной дощечки — на 50—60 м.

92.

Метательная дощечка № 2868—9.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, моржовая кость.

Размеры: длина 49,5 см, ширина 6,1 см, толщина 2,4 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

На большинстве метательных дощечек кадьякцев из собрания МАЭ, кроме № 2867—32 и 2888—30, —75, вырезаны стилизованные фигурки каланов, лежащих спиной на поверхности воды. Барельефные изображения фигурок каланов обозначены головой и поджатými передними лапами. Наиболее реалистичные фигурки каланов вырезаны на метательных дощечках № 2868—10, —115, —116.

◀ 93.

Метательная дощечка № 2888–31.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, моржовая кость.

Размеры: длина 49,7 см, ширина 5,5 см, толщина 2,2 см.

Собиратель: И. И. Биллингс.

1790–1792 гг., остров Кадьяк.

▶ 94.

Метательная дощечка № 4104–23.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, моржовая кость.

Размеры: длина 49 см, ширина 6 см, толщина 2,4 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

95.

Метательная дощечка № 2868–10.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: дерево, краска, моржовая кость, раковина абалона.

Размеры: длина 49,2 см, ширина 6,3 см, толщина 2,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Эта метательная дощечка украшена треугольной пластиной из раковины абалона. Барельеф калана намечен головой и передними лапами. Если метательную дощечку перевернуть, то просматривается профиль головы еще одного животного. Возможно, это изображение горного козла, а пластина из раковины символизирует его рога.

Метательные дощечки кадьякцев и чугачей типологически едины, их нельзя отличить друг от друга по внешним признакам. Поэтому те метательные дощечки, в отношении которых нет точных сведений собирателей об этнической принадлежности, отнесены в каталоге к изделиям кадьякцам.

96.

Метательная дощечка № 2868–115.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, зубы, моржовая кость.

Размеры: длина 51 см, длина без рукояти 42 см, ширина 5,4 см, толщина 2,4 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Эта метательная дощечка прикреплена к манекену, изображающему охотника, который бросает гарпун.

97.
Метательная дощечка № 2868–116.
Народ: кадьякцы.
Материал: дерево, краска, зубы, бусы, бисер.
Размеры: длина 43 см, ширина 5,4 см, толщина 2 см.
Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., остров Кадьяк.

◀ 98.

Метательная дощечка № 4087–10.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, моржовая кость, зубы.

Размеры: длина 48 см, ширина 5,5 см, толщина 2,3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

На лицевой стороне этой метательной дощечки изображена зооморфная личина. Под вырезом для указательного пальца находятся ее глаза, ниже — длинный нос с широкими ноздрями и рот в виде нескольких горизонтальных полос. Возможно, эти полосы одновременно являются символами плавников морского животного.

▶ 99.

Метательная дощечка № 2888–29.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, бисер.

Размеры: длина 48,2 см, ширина 7 см, толщина 3,2 см.

Собиратель: С. П. Хрущев. 1823 г., остров Кадьяк.

▶ 100.

Метательная дощечка № 2867–32.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, моржовая кость, бисер.

Размеры: длина 48,8 см, ширина 6,9 см, толщина 3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

◀ 101.

Метательная дощечка № 2888—30.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, моржовая кость, бисер.

Размеры: длина 51 см, ширина 4 см, толщина 2,5 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790—1792 гг., остров Кадьяк.

▶ 102.

Метательная дощечка № 2888—75.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, моржовая кость.

Размеры: длина 61 см, ширина 5,7 см, толщина 2,6 см.

Собиратель: М. Н. Васильев. 1820—1821 гг., Аляска.

103.

Фигурка морского льва — сивуча № 562—3.

Народ: кадыякцы.

Материал: дерево, краска, ус сивуча.

Размеры: длина 20,8 см, ширина 2,9 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790—1792 гг., остров Кадьяк.

По данным собирателя, эта фигурка сивуча символизирует духа-хранителя морских животных. Фигурка представляет женского духа Имам Шуа — хозяйку морских животных. Считалось, что она живет на дне моря и появляется перед людьми в образе либо женщины, либо тюленя-сивуча.

104.

Церемониальный головной убор № 562–2.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, китовый ус, сухожилия, олений волос, шерстяные нити.

Размеры: длина 28 см, ширина 20,5 см, высота 14 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., остров Кадьяк.

Охотничьи шляпы, вырезанные в виде головы нерпы, характерны только для кадьякцев и чугачей. У других групп эскимосов они не встречаются. Ближайшие параллели можно провести с боевыми шлемами тлинкитов, которые вырезались в виде голов различных животных, в том числе и морского льва — сивуча. Однако они имели разное функциональное назначение. Легкие шляпы аляутиик использовались в маскировочной охоте, а тяжелые и массивные шлемы тлинкитов — для защиты головы воина во время сражений и как часть костюма для исполнения ритуальных танцев.

«Нерп ловят сделанною из сего зверя чучелою (илищук), которую, надув, поставляют на лайде, т.е. на отмелом прибрежном месте, кое во время морского прилива бывает покрыто водою, а во время отлива сухо, там, где выходят сии звери. Ловец, сидя за сею чучелою в деревянной, подобной нерпичьей голове шапке, кричит, подражая хрипловатому голосу сего зверя: „Ува“. По мере приближения зверя к чучеле бросает в него стрелку на мауте 10 сажени, вытянув на берег, добивает поленом-дрегалкой „пикхудак“» [Гедеон 1994: 74–75].

105.

Охотничий головной убор № 2888–89.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, ус сивуча.

Размеры: высота 16 см, длина 29,3 см, ширина 21,5 см, ширина с усом 30 см.

Собиратель: вероятно, Ю. Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

«Нерпу бьют сонную, но всего забавнее, когда заманивают ее к берегу. Охотник скрывается между камнями и, надев на голову шапку, сделанную из дерева наподобие нерпичьей морды, кричит голосом нерпы. Животное, надеясь найти себе товарища, подплывает к берегу и там лишается жизни» [Лисянский 1947: 185].

В других музеях хранятся семь головных уборов в виде головы нерпы. По два — в Британском музее (Лондон, Великобритания) и в Музее Америки (Мадрид, Испания), по одному — в Национальном музее Финляндии (Хельсинки, Финляндия), в Университетском музее Геттингена (Геттинген, Германия) и в Музее Пибоди Гарвардского университета (Кембридж, США). Фигурки охотников в шляпах в форме головы тюлена также представлены в моделях каяков № 536—11, № 620—27 и в модели умиака № 4291—21.

106.

Гарпун без наконечника для охоты на нерпу № 2888–62.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, олений рог, сухожилия.

Размеры: длина 151,5 см, длина головки древка до обмотки 27 см, диаметр головки древка 2,5 см, диаметр древка 1,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Для промысла нерпы кадьякцы использовали два вида гарпунов — малый и большой. Малый гарпун был такой же формы, как и легкие гарпуны для охоты на каланов. Они имели и разные наконечники: у гарпуна для охоты на калана наконечник был с зазубринами с двух сторон, а наконечник малого гарпуна для промысла нерпы имел зазубрины только с одной стороны.

Малый гарпун для охоты на нерпу бросали с метательной дощечки, а большой гарпун — рукой. В отличие от малого гарпуна к большому гарпуну для охоты на нерпу обязательно привязывали поплавков из мочевого пузыря морского животного.

107.

Гарпун без наконечника для охоты на нерпу № 2888—66.

Народ: вероятно, кадыкцы.

Материал: дерево, краска, олений рог, перья, сухожилия, мочевой пузырь.

Размеры: длина 136,2 см, длина головки древка 11 см, ширина головки древка 1,4 см, длина пузыря 19,5 см, диаметр древка 1,1 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790—1792 гг., Аляска.

«Нерпячий [гарпун. — С. К.] <...> с костяным носком или копьем, на котором нарезано несколько зубцов; к нему прикрепляют пузырь. Поэтому хотя животное и потащит его, но погрузить в воду не может. Есть и еще особый вид нерпичьих стрелок, которые довольно походят на бобровые и отличаются от касаточных только одними носками, ибо у последних они длиннее и вставляются в кость, которая при ударе выпадает. Наконечники указанных стрелок, не исключая нерпичьего гарпуна, привязываются к моутам, или жилным шнуркам, которые прикрепляются к древку. Они вставляются в концы, оправленные в кость, так что, когда зверь ранен, то наконечник выходит из своего места и, оставшись в теле, сматывает шнурок с дерева, которое, упираясь непрерывно о поверхность воды, утомляет добычу, стремящуюся поминутно нырять» [Лисянский 1947: 185—186].

108.

Обломок древка гарпуна для охоты на нерпу № 2888–67.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, сухожилия, мочевого пузыря.

Размеры: длина 114,5 см, длина наконечника 6,4 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

На нерпу и других тюленей кадьякцы охотились при любой возможности. Гарпун для промысла нерпы всегда находился на каяке, когда мужчина выходил в море. Заметив ныряющее животное, охотник бросал гарпун и почти никогда не промахивался. Часто на нерпу охотились, когда животные спали на поверхности воды в зарослях водорослей. Заметив добычу, охотник бросал гарпун с привязанным к нему поплавком и громко кричал. Раненая нерпа в испуге глубоко ныряла, запутывалась в стеблях водорослей и задыхалась. После того как поплавок, плавающий на поверхности воды, переставал дергаться, убитое животное вытаскивали из воды.

109.

Маут от гарпуна для охоты на нерпу № 2888–70.

Народ: кадыакцы.

Материал: китовые сухожилия, ткань, березовая кора, хлопчатобумажные и шерстяные нити.

Размеры: длина 10 м, диаметр мотка 20 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

110.

Маут от гарпуна для охоты на нерпу № 536–15.

Народ: кадыакцы.

Материал: сухожилия, олений волос, ткань, хлопчатобумажные нити.

Размеры: длина 7 м.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

111.

Маут от гарпуна для охоты на нерпу № 536–16.

Народ: кадыакцы.

Материал: сухожилия, шерстяные нити, краска.

Размеры: высота мотка 11 см, ширина 11 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

112.

Маут от гарпуна для охоты на калана № 536—17.

Народ: кадьякцы.

Материал: сухожилия.

Размеры: высота мотка 9,5 см, ширина 3 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., остров Кадьяк.

113.

Маут № 571—92.

Народ: кадьякцы.

Материал: китовые сухожилия, олений волос, шерстяные нити, ткань, перья.

Размеры: длина мотка 28 см, ширина мотка 7,3 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

114.

Маут № 2868—221.

Народ: кадьякцы.

Материал: сухожилия.

Размеры: длина мотка 19 см, ширина мотка 5,5 см.

Собиратель: Л. А. Гагемейстер. 1817—1818 гг., остров Кадьяк.

115.

Маут № 7401—9.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: сухожилия, олений волос, шерстяные нити.

Размеры: длина 11 см, ширина 4,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

116.

Маут (пуных-пак) № 593–100.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа, кость, водоросли.

Размеры: диаметр 32 см. Крепежное кольцо: длина 4,5 см, ширина 1,2 см, толщина 0,9 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

В комплект к этому мауту входит манщик № 593–99.

117.

Манщик № 593–99.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкура тюленя, кость, дерево, сухожилия.

Размеры: длина без шнура 98 см, ширина 38 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

В комплект к этому манщику входит маут № 593–100.

Манщики использовались для транспортировки туш убитых морских животных. Охотник не затаскивал тушу животного на каяк, а оставлял ее в воде, привязывал к манщику и плыл к берегу.

118.

Манщик (пахачек) № 620—6.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа, дерево, сухожилия.

Размеры: длина 62 см, ширина 43 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

Во время шторма охотники соединяли несколько каяков вместе для придания им большей устойчивости и между их бортов крепили манщики. Это делалось для того, чтобы не повредить обшивку каяков, которые, раскачиваясь на волнах, в противном случае касались бы друг друга. Если разрывалась обшивка, надутые воздухом манщики устанавливали внутри каяка или привязывали к нему с боковых сторон.

119–127.

Лезвия наконечников гарпунов для охоты на китов (калугиат)

№ 2888–1, –2, –3, –4, –5, –6, –8, –9, –12 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит.

Размеры:

№ 2888–1: длина 32 см, ширина 2,5 см.

№ 2888–2: длина 30 см, ширина 2 см.

№ 2888–3: длина 30 см, ширина 2,1 см.

№ 2888–4: длина 32,5 см, ширина 2,9 см.

№ 2888–5: длина 25 см, ширина 2,6 см.

№ 2888–6: длина 39,6 см, ширина 2,6 см.

№ 2888–8: длина 25,6 см, ширина 2,5 см.

№ 2888–9: длина 25,2 см, ширина 2,5 см.

№ 2888–12: длина 26,4 см, ширина 3 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

«Стрелы для битья сих животных [китов. — С. К.] особенные. Аспидное копьёцо, от 3,5 до 4,5 вершков длиною, привязывается к небольшому древцу, которое вставляется в длинный шест и ничем к оному не прикрепляется. <...>

Всякий занимающийся ловлею китов имеет на каменном копьёце особый свой знак, по которому узнают, кто кита убил» [Давыдов 1812: 198–200].

128–129.

Лезвия наконечников гарпунов для охоты на китов № 2888–10, –11 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит.

Размеры:

№ 2888–10: длина 33,7 см, ширина 2,4 см.

№ 2888–11: длина 30,5 см., ширина 2,3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

«Китовый гарпун имеет в длину около 10 футов с аспидным копьем, сделанным наподобие ножа, острого с обеих сторон, который вставляется довольно слабо» [Лисянский 1947: 185].

130–133.

Лезвия наконечников гарпунов для охоты на китов № 7401–13, –12, –11, –14
(слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит.

Размеры:

№ 7401–13: длина 23 см., ширина 2,4 см.

№ 7401–12: длина 15,5 см., ширина 2,9 см.

№ 7401–11: длина 17 см, ширина 3,2 см.

№ 7401–14: длина 15,5 см., ширина 2,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

«Алеуты часто стреляют в китов аспидными стрелками, которые, глубоко уходя в мясо, делают рану; соленая морская вода постепенно разъедает ее; кит мало-помалу обессилевает и дня через три умирает; волною выбрасывает его на берег, и тут начинается у алеутов пир горой» [Марков 1856: 99].

◀ 134.

Наконечник китового гарпуна № 2888–13.

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит, дерево, корни ели.

Размеры: длина 26,5 см. Лезвие: длина 17 см, ширина 3,3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

▶ 135–136.

**Наконечник гарпуна для охоты на китов № 571–49
и рукоятка от наконечника № 571–50 (слева направо).**

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, еловые корни, красный аргиллит.

Размеры:

№ 571–49: длина 32,5 см, длина лезвия до обмотки 14,2 см, ширина лезвия 2,9 см.

№ 571–50: длина 20,2 см, ширина 2,7 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

137–142.

Наконечники гарпунов для охоты на китов (калугиат) № 2888–16/1–2, –17/1–2, –18/1–2, –19/1–2, –21, –22/1–2 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит, дерево, сухожилия, корни ели.

Размеры:

№ 2888–16/1–2: длина 31,7 см, ширина 2,4 см, длина лезвия 21,3 см. Рукоятка: длина 14,6 см, ширина 2 см.

№ 2888–17/1–2: длина 32,2 см, ширина 2,7 см, длина лезвия 21 см. Рукоятка: длина 15,5 см, ширина 2,5 см.

№ 2888–18/1–2: длина 32,5 см, ширина 2,5 см. Рукоятка: длина 15 см, ширина 2,3 см.

№ 2888–19/1–2: длина 31,7 см, длина лезвия 21 см, ширина лезвия 2,5 см, длина рукояти 15 см.

№ 2888–21: длина 31,7 см, ширина 3 см.

№ 2888–22/1–2: длина 37,3 см, длина лезвия 10,6 см, ширина лезвия 3,5 см, ширина рукояти 2,8 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

◀ 143.

**Наконечник гарпуна для охоты на китов
№ 2888–20/1–2.**

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит, дерево, корни ели.

Размеры: длина 33,5 см, ширина рукоятки 2,8 см, длина лезвия до обмотки 25 см, ширина лезвия 4 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

◀ 144.

**Рукоятка наконечника гарпуна
№ 2888–23.**

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, сухожилия.

Размеры: длина 20,3 см, ширина 2,2 см.

Собиратель: В.М. Головнин. 1818 г., остров Кадьяк.

▶ 145.

**Наконечник гарпуна для охоты на китов
№ 2888–24/1–2.**

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит, дерево, корни ели.

Размеры: длина 35 см, ширина 3,6 см.

Собиратель: Ф. Штейн. 1820–1821 гг., остров Кадьяк.

▶ 146.

**Наконечник гарпуна с обломком лезвия
№ 4087–32.**

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, корни ели, аргиллит.

Размеры: длина 21,8 см, ширина 3 см, ширина обломка лезвия 3,3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

147–148.

Тяжелые гарпуны для охоты на китов (улюкают) № 2868–193, – 196 (слева направо).

Народ: кадыякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, сухожилия, олений волос, мочевого пузыря.

Размеры:

№ 2868–193: длина 196,5 см, диаметр древка 3,5 см, длина пузыря 42 см, ширина пузыря 9,6 см.

№ 2868–196: длина 207 см, диаметр древка 2,6 см, длина пузыря с втулкой 49 см, ширина пузыря 12,6 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

«Одна только китовая охота принадлежит особнным семействам и переходит от отца к тому сыну, который показал в этом промысле больше искусства и расторопности перед другими. Впрочем, китовую ловлю кадыякские жители еще не успели довести до того совершенства, в котором она находится у гренландцев и других народов. Кадьякский промышленник нападает только на малых китов и, сидя в однолючной байдарке, бросает в него гарпун, древко которого при ударе отделяется от аспидного носка и остается на воде. Таким образом, кит, получив рану и имея в своем теле упомянутый аспидный носок или копьё, уходит с ним в море и потом выбрасывается на берег, а иногда и совсем пропадает. Поэтому можно заключить, что никто из китовых промышленников не уверен в своей добыче» [Лисянский 1947: 183].

149–150.

Тяжелые гарпуны для охоты на китов № 2868–194, –195 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кость, сухожилия, мочевого пузыря, железо.

№ 2868–194: длина 243 см, диаметр древка 3,3 см, длина пузыря с втулкой 32 см, ширина пузыря 9 см.

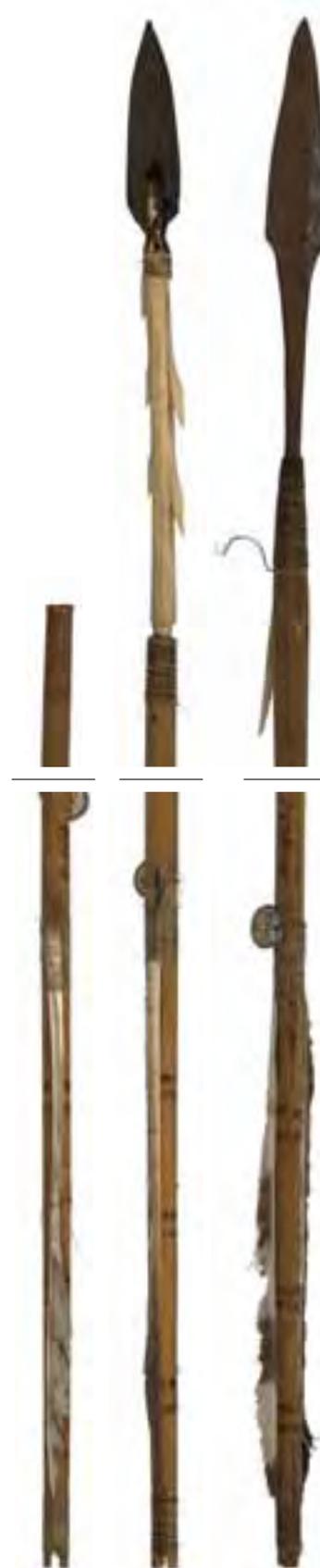
№ 2868–195: длина 262,5 см, диаметр древка 3,2 см, длина пузыря с втулкой 47 см, ширина пузыря 14 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., остров Кадьяк.

«Стрельцы, выезжая в однолучных байдарках, выбирают китов годовых, потому что их мясо и тух [жир. — С. К.] бывают мягче и приятнее. Заметив такового кита, приближаются к нему расстоянием не более трех сажень, стараясь вонзить стрелку под боковое перо, ласт по-здешнему называемое, и спешают от него увернуться как можно осторожнее, для того чтобы кит, дав понырку, не раздавил стрельца или волною, от него идущею, не опрокинуло бы его байдарку. Если не попадет в боковое перо, то бросает стрелку под задний ласт или хвост. По получении раны кит уходит ко дну. Когда стрелка пала метко, тогда кит в третьи сутки непременно всплывет мертвый» [Гедеон 1994: 84].

151.
Стрела без наконечника для охоты на морских животных № 2868–175.
Народ: вероятно, кадьякцы.
Материал: олений рог, дерево, краска, сухожилия, перья.
Размеры: длина 89,5 см, длина головки древка до обмотки 15,5 см, диаметр головки древка 1,3 см, диаметр нижней части стрелы 1,5 см.
Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

152–154.

Древко и боевые стрелы № 2890–13, –14, –16.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: дерево, краска, олений рог, железо, сухожилия, перья.

Размеры:

№ 2890–13: длина 54,2 см, диаметр древка 0,8 см.

№ 2890–14: длина 74,2 см, диаметр древка 1 см, длина наконечника с лезвием 19,5 см, ширина наконечника 1,3 см, длина лезвия 7 см, ширина лезвия 2 см.

№ 2890–16: длина 74,7 см, диаметр древка 1,1 см, длина лезвия 14,3 см, ширина лезвия 2,2 см.

Собиратель: вероятно, Ю. Ф. Лисянский. 1804 г., остров Кадьяк.

Этническая принадлежность этих стрел точно не установлена. Возможно, они являются изделиями танайна.

◀ 155.

Боевая стрела № 4104–130.

Народ: вероятно, кадыкцы.

Материал: дерево, железо, сухожилия, перья.

Размеры: длина 75 см, диаметр древка 1,1 см, длина лезвия 7,4 см, ширина лезвия 1,8 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

◀ 156.

Футляр для лезвия наконечника стрелы № 7401–8.

Народ: вероятно, кадыкцы.

Материал: дерево, сухожилия.

Размеры: длина 11,4 см, ширина 4 см, толщина 2,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

157.

Боевой лук с тетивой № 563—2.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: дерево, краска, сухожилия.

Размеры: длина 142,7 см, ширина 6,2 см, толщина 2,9 см.

Собиратель: К.Т. Хлебников. До 1838 г., остров Кадьяк.

Этот лук и лук чугачей № 2044—11 по форме сходны с усиленными луками эскимосов юпик западной Аляски, проживавших в районе междуречий Нушагака — Кускоквима — Юкона. Они использовались для охоты на крупных животных (медведей, лосей, оленей) и как боевое оружие. Вероятно, луки № 563—2 и № 2044—11 были получены путем обмена от эскимосов юпик.

«Кадьякское орудие состоит из длинных пик, гарпунов и стрелок, которыми промышляются морские звери: киты, нерпы, косатки и бобры. Когда жители вели войну между собой, то вооружались большими луками, наподобие аляскинских, и стрелами с аспидными или медными носками» [Лисянский 1947: 185].

158.

Боевой лук без тетивы № 7401–15.

Народ: кадыякцы или чугачи.

Материал: дерево, краска, кожа, сухожилия.

Размеры: длина 132 см, ширина 4,7 см, толщина 4,1 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., остров Кадьяк.

Боевые усиленные луки были распространены среди кадыякцев западной части острова, которые гораздо чаще, чем жители других районов острова, подвергались военным набегам алеутов и эскимосов полуострова Аляска.

«Луки коняг весьма просты и слабы: у кинайцев же и аляскинцев оные туги, оплетены жилами, обделаны и украшены довольно со вкусом. Стрелы их короткие, с каменными наконечниками, а изредка и с железными: но вообще коняги худо стреляют из луков» [Давыдов 1812: 149].

159.

Модель двухлучного каяка № 211–36.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кишки тюленя, шерстяные нити и сухожилия.

Размеры: длина 46,5 см, ширина 6,6 см, высота с фигурками 8,5 см, высота корпуса 3,4 см, высота носа 7 см.

Собиратель: Г. Чудновский. 1890–1891 гг., Аляска.

«Американец в своей байдарке выдерживает иногда весьма большую бурю, не имея иного пособия, кроме проворства, и смело пускается в море верст за сто от берега, когда погода обещает быть тихою. Если же в дальнем расстоянии от земли захватит коняг буря, не позволяющая им приблизиться к берегу, то они сплавиваются по две и по три байдарки и дожидаются, пока ветер стихнет. Сплачивать стараются таким образом, чтобы края байдарок не касались друг друга, ибо кожа легко может протереться; не более же трех вместе для того, что большего числа один вал вдруг не поднимет, или оно разорвет. Если буря захватит одну только байдарку, то иногда привязывают к ней по бокам два надутых пузыря.

Несмотря на привычку и проворство американцев, они нередко, однако, погибают от бурь, ибо кожи, коими обтянута байдарка, часто не сильны будучи противостоять продолжительной буре, раздираются, и вверившие себя столь слабой защите противу таковой яростной стихии от того погибают» [Давыдов 1812: 147–148].

160.

Модель трехлучного каяка № 337–11.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кишки тюленя, кожа, сухожилия.

Размеры: длина 60 см, ширина 8,2 см, высота корпуса 5,5 см, высота носа 7 см, длина весла 13 см, ширина весла 1,2 см.

Собиратель: П.П. Дорошин. 1848–1853 гг., остров Кадьяк.

«Сидя в байдарках, алеуты [кадьякцы. — С. К.] не боятся бури; гигантские волны океана для них ничем, они несутся по ним, как птицы морские. Байдарка то подымается на вершины волн, то вдруг сбрасывается в промежутки, образуемые ими; иногда набегавшая громадная волна совершенно покрывает ее собой, думаешь, что она потонула, но байдарка опять появляется на поверхности воды, со своими отважными и ловкими пловцами, которые беззаботно продолжают путь» [Марков 1856: 96].

161.

Модель двухлучного каяка № 536–9.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, сухожилия, олений волос.

Размеры: длина 82 см, ширина 11,8 см, высота кормы 11 см, высота корпуса 7,5 см, высота носа 13 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

Модель «классического» каяка эскимосов острова Кадьяк. Нос каяка представляет собой стилизованную голову морского животного с раскрытой пастью. Если смотреть на модель каяка сверху, то нижняя часть его кормы имеет вытянутую треугольную форму. По этой конструктивной особенности легко отличить каяки аляутиков от байдарок жителей Алеутских островов.

162.

Модель трехлючного каяка № 536—11.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кишки, сухожилия, китовый ус, олений волос, ткань, бисер.

Размеры: длина 71,5 см, ширина 9,2 см, высота с фигуркой 13 см, высота корпуса 5,8 см, высота носа 9 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., остров Кадьяк.

В переднем люке находится фигурка охотника в церемониальном головном уборе в виде головы тюленя. В среднем люке на фигурке охотника — шляпа-козырек с открытым верхом в виде головы птицы. Возможно, она символизирует голову топорка. В настоящее время подобные шляпы-козырьки отсутствуют в музейных коллекциях.

«Американцы в разных случаях красят лицо свое, между прочим когда должно им сделать большой перегреб, но в то время сверх сего суеверного обряда имеют другой, через опыты полезным признанный и состоящий в том, что они перед отъездом или ничего не едят, или весьма мало, ибо совершенно справедливо, что насытый сильнее и легче гребет и далее может выдержать сию работу» [Давыдов 1812: 62—63].

163.

Трехлючный каяк № 536—24.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, кожа тюленя, китовый ус, бусы, сухожилия.

Размеры: длина 810 см, ширина 80 см, высота 45 см, высота носа 54 см, диаметр переднего люка 54 см, диаметр центрального люка 58 см, диаметр заднего люка 50 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., остров Кадьяк.

Ю. Ф. Лисянский писал: «Кадьякцам надлежит отдать справедливость за изобретение байдарок, которые они строят из тонких жердей, прикрепленных к шпангоутам, или, лучше сказать, к обручам. Они обтягиваются так хорошо шитыми нерпичьими кожами, что ни капли воды никогда не проходит внутрь. Теперь их три рода в употреблении, т.е. трехлючные, двухлючные и однолючные. <...> Все эти суда ходят на малых веслах и не только особенно легки на ходу, но и весьма безопасны в море при самом крепком волнении. Надо только иметь затяжки, которые крепятся у люков и задерживаются на груди сидящего на байдаре. Я сам проехал в трехлючной байдарке около 400 верст (425 км) и могу сказать, что не имел у себя никогда лучшего гребного судна. В байдарке надо сидеть спокойно и чтобы гребцы не делали больших движений, в противном случае можно опрокинуться. Хотя кадьякцы в другом не слишком проворны, но отменно искусны в управлении этих челнов, на которых они пускаются сквозь буруны и плавают без всякой опасности более тысячи верст. Правда, это бывает всегда подле берега, однако иногда в хорошую погоду ходят верст за 70 (около 75 км) без отдыха. <...> Когда на пути их захватывают штормы в открытом море, тогда по несколько байдарок соединяется вместе и дрейфуют спокойно до перемены погоды. В таком случае каждому гребцу нужно иметь камлейку, шитую из крепких кишок, которая у рукавов и на голове капюшона затягивается шнуром, так как волны во время бури часто плещут через байдарку» [Лисянский 1947: 188—190].

164.

Модель каркаса трехлючного каяка № 539—2.

Народ: кадыякцы.

Материал: дерево, сухожилия, китовый ус.

Размеры: длина 91 см, ширина 12,2 см, высота корпуса 8,2 см, высота носа 9,5 см.

Собиратель: В.М. Головнин. 1818 г., остров Кадьяк.

«Наперед строят решетку, или корпус байдарки весьма тонкий, легкий, наблюдая со всею точностью правильность онаго и симметрию и оставляя небольшое круглое отверстие, где сесть человеку, потом натягивают на решетку сшитые по оной кожи, кои и зашивают, оставляя только люки, или места для людей. Внутри байдарки ставят старые кожи, называемые посему постилками, дабы сидеть не прямо на решотине. Человек садится в помянутое отверстие и протягивает ноги вперед: но коняги по большей части гребут, стоя на коленях, положив только травяные мешки под себя; чугачи же ставят маленькие скамеечки, а вместо постилок деревянные свои куяки (латы), от чего у них на коленях и щиколотках делаются большие наросты» [Давыдов 1812: 146].

165.

Модель двухлучного каяка № 568—4.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кишки и кожа нерпы, олений волос, шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: длина 87,5 см, ширина 11,8 см, высота с фигурками 14,7 см, высота корпуса 6,7 см, высота носа 12 см.

Собиратель: А. Д. Романовский. 1840—1845 гг., остров Кадьяк.

*«Кожаные их каяки пошире и покороче, чем у алеутов [Алеутских островов. — С. К.]; они на ходу менее быстры; весло у них короче, однолопастное наверху с короткой поперечной ручкой. В каяках сидят на коленях. На некоторых каяках установлено вертикальное приспособление для прицеливания, представляющее собой тонкую ветку, расщепленную вдоль, причем нижние концы этих двух половинок плотно связаны нитками, а верхние концы расщепляются специально вставленной поперечной деревяшкой. Еще возят они на своих каяках связку дровишек с коротким опереньем, дощечки для метания дротиков, гарпун — *Tochsyt*, плавающий пузырь, для которого берется шнур — *Akischuk*, из жил речной выдры — *Punchrak*, затем пузырь со свежей водой и приспособление для вытягивания воды из пузыря, сделанное из стебля водоросли или из нескольких больших размеров зонтикового растения» [Мерк 1978: 74].*

166.

Модель трехлючного каяка № 568—5.

Народ: кадьакцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, сухожилия, олений волос, шерстяные и хлопчатобумажные нити.

Размеры: длина 100 см, ширина 14 см, высота с фигурками 18,5 см, высота корпуса 8,4 см, высота носа 13 см.

Собиратель: А. Д. Романовский. 1840—1845 гг., остров Кадьак.

167.

Модель однолючного каяка (каямуиок) № 593–57.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, ткань, олений волос, сухожилия.

Размеры: длина 43 см, ширина 9,5 см, высота с фигуркой 11,8 см, высота корпуса 6,2 см, высота носа 7,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

168.

Модель трехлючного каяка № 620—27.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, олений волос, шерстяные нити.

Размеры: длина 48,7 см, ширина 7,2 см, высота с фигурами 12 см, высота корпуса 4,8 см, высота носа 8,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

169.

Модель трехлючного каяка № 620–28.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, китовый ус, олений волос, сухожилия.

Размеры: длина 58 см, ширина 11 см, высота с фигуркой 11,5 см, высота корпуса 7 см, высота носа 9 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

170.

Модель однолючного каяка № 2868–209.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, олений волос, сухожилия.

Размеры: длина 72,5 см, ширина 11,8 см, высота с фигуркой 17,5 см, высота корпуса 6 см, высота носа 9 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

В данной модели, а также в моделях каяка № 4104–144 и умиака № 4291–21 есть вырезанные из дерева фигурки охотников в конических головных уборах — шляпах-козырьках с закрытой верхней частью. Шляпы данного типа известны только по изображениям на моделях, в оригинале они не представлены в этнографических коллекциях.

171.

Модель однолючного каяка № 2888—33.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кишки, кожа, моржовая кость, сухожилия, шерстяные и хлопчатобумажные нити, олений волос.

Размеры: длина 66 см, ширина 10,6 см, высота с фигуркой 13,7 см, высота корпуса 6,5 см, высота носа 8,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

В настоящей модели каяка и в модели № 536—11 есть вырезанные из дерева фигурки охотников в конических головных уборах — шляпах-козырьках с открытой верхней частью. Шляпы данного типа известны только по изображениям на моделях, в оригинале они не представлены в этнографических коллекциях.

172.

Модель двухлючного каяка № 2888–34.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, бисер, олений волос, сухожилия, шерстяные нити.

Размеры: длина 111 см, ширина 14 см, высота с фигурками 14 см, высота корпуса 8 см, высота носа 11 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

173.

Модель трехлочного каяка № 2888—35.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кишки, кожа, шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: длина 142,5 см, ширина 15,5 см, высотам с фигурами 15 см, высота корпуса 10 см, высота носа 15 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

174.

Модель двухлучного каяка № 4104–31.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, кожа, сухожилия, олений волос.

Размеры: длина 85 см, ширина 12 см, высота корпуса 7 см, высота носа 10,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

175.

Модель трехлючного каяка № 4104–144.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, сухожилия, оленин волос, шерстяные нити.

Размеры: длина 65 см, ширина 9,1 см, высота с фигурками 14,3 см, высота корпуса 5,9 см, высота носа 8,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

У фигурок охотников в этой и других моделях каяков раскрашены лица. Сочетание красного и черного или темно-синего цветов характерно для изделий алятиик. Перед морской охотой кадьякцы и чугачи раскрашивали лицо краской черного и красного цветов. Эти рисунки считались своего рода оберегами, которые должны были способствовать удачной охоте и защищать охотника.

176.

Модель трехлючного каяка № 4291 – 19.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, олений волос, человеческий волос, ткань, бисер.

Размеры: длина 86,5 см, ширина 9,6 см, высота с фигурками 12,6 см, высота корпуса 6,5 см, высота носа 11 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

177.

Модель двухлучного каяка № 4291–20.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, сухожилия, оленин волос, китовый ус.

Размеры: длина 65 см, ширина 9,2 см, высота с фигуркой 7 см, высота корпуса 5,6 см, высота носа 7,2 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., остров Кадьяк.

178.

Модель однолючного каяка № 5803—4.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа тюленя, кишки, шерстяные нити, сухожилия, ткань.

Размеры: длина 48,5 см, ширина 7,6 см, высота с фигуркой 9,6 см, высота корпуса 4,4 см, высота носа 7,5 см.

Собиратель: вероятно, М. Д. Тебеньков. 1845—1850 гг., остров Кадьяк.

179.

Модель трехлючного каяка № 5803—5.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, краска, кожа тюленя, кишки, олений волос, сухожилия.

Размеры: длина 60 см, ширина 8,8 см, высота с фигурками 9,4 см, высота корпуса 5,3 см, высота носа 8 см.

Собиратель: вероятно, М. Д. Тебеньков. 1845—1850 гг., остров Кадьяк.

180.

Модель двухлючного каяка № 7401–5.

Народ: кадьакцы.

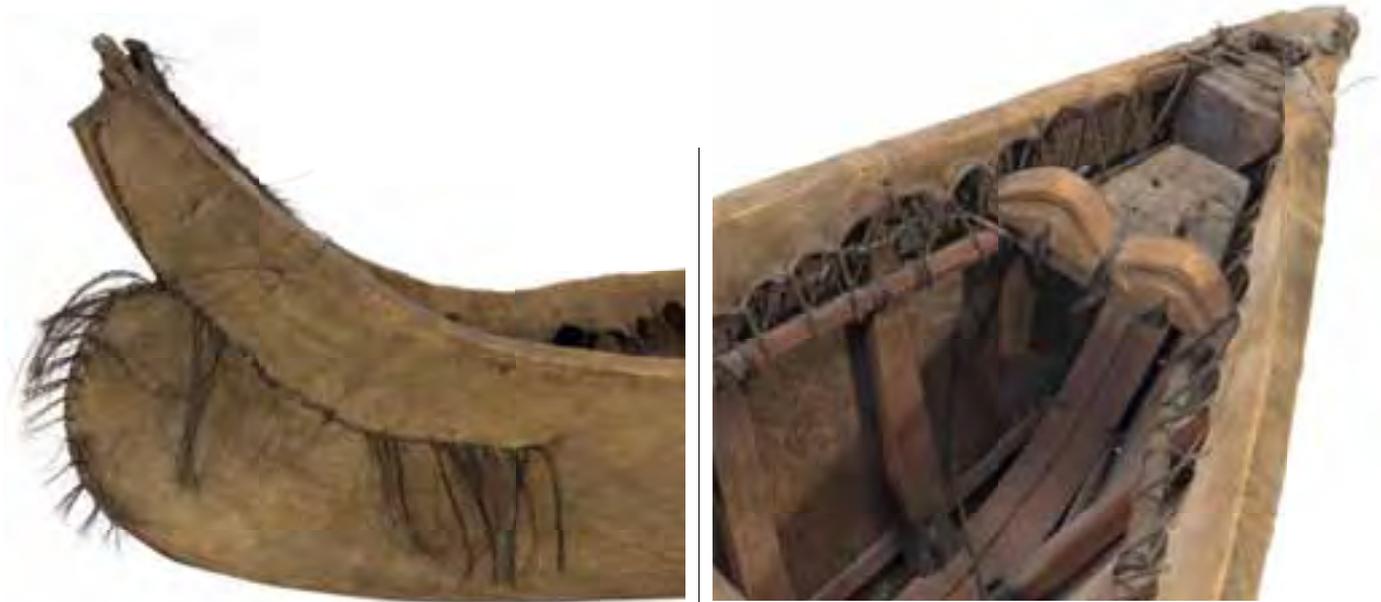
Материал: дерево, краска, кожа, кишки, сухожилия, китовый ус, шерстяные и хлопчатобумажные нити, ткань, бисер.

Размеры: длина 57,5 см, ширина 9 см, высота с фигурками 9,5 см, высота корпуса 5,1 см, высота носа 7 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

Между передним люком и носом модели каяка установлена раскрашенная доска. Она использовалась для закрепления гарпунов и других орудий морской охоты на поверхности каяка. Одна из боковых сторон доски вырезана в виде головы баклана.

181.

Модель открытой лодки — умиака № 536—8.

Народ: кадькцы.

Материал: дерево, краска, кожа, волос, сухожилия, китовый ус.

Размеры: длина 96 см, ширина 21 см, высота кормы 13,5 см, высота носа 17,5 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., остров Кадьяк.

«Большие байдары редко употребляются островитянами и разве только для перевезения юколы или чего инаго из места на место. В оных гребут однолопастными короткими веселками и гребцы сидят лицом к носу байдары, по два на каждой банке. <...> Корпус байдары состоит из тонких шпангоутов, вдолбленных в киль и связанных между собою несколькими тонкими рыбинами. При постройке сих лодок русские и американцы не употребляют железа, а скрепляют все тонко разодранными и вычищенными китовыми усами. Когда деревянная остова байдары кончена, то натягивают на оную сшитые по мере кожи, служащие вместо обшивки. Удобнейшие для сего, как я уже сказал, почитаются кожи сивучьи, наперед выделанные и продымленные. Иногда коняги для сих байдар делают парус из рогож, или кож, самых тонких» [Давыдов 1812: 144—145].

182.

Модель умиака № 2888–36.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, кожа, олений волос, сухожилия, бисер.

Размеры: длина 57,5 см, ширина 12 см, высота кормы 5,8 см, высота носа 8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

В комплект к этой модели умиака входят весла № 2888–129, –131 и обломок модели гарпуна № 2888–130.

183.

Модель умиака № 4104–30.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, сухожилия, олений волос.

Размеры: длина 71 см, ширина 16,6 см, высота корпуса 6,7 см, высота кормы 10,3 см, высота носа 13,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

184.

Модель умиака № 4291–21.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, ткань, олений волос, китовый ус, сухожилия.

Размеры: длина 52 см, ширина 10,1 см, высота с фигурками 9,8 см, высота кормы 6,8 см, высота носа 8,4 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., остров Кадьяк.

◀ 185–186.

Модели гарпунов без наконечников № 2888–114, –115 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–114: длина 30,5 см, диаметр 1 см.

№ 2888–115: длина 34,7 см, диаметр 1 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

▶ 187.

Модель гарпуна № 4087–6.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: дерево, краска, сухожилия, моржовая кость.

Размеры: длина 17 см, длина головки древка 2,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

188–198.

Модель лука № 2888–116, модели гарпунов № 2888–117, –118, –119, рейка от модели каяка № 2888–120, модель гарпуна № 2888–121, модель стрелы № 2888–122, модели гарпунов № 2888–123, –124, модели острог № 2888–125, –126 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, сухожилия.

Размеры:

№ 2888–116: длина 12,3 см, ширина 0,7 см.

№ 2888–117: длина 19,5 см, диаметр 0,5 см.

№ 2888–118: длина 18,7 см, диаметр 0,5 см.

№ 2888–119: длина 19 см, диаметр 0,4 см.

№ 2888–120: длина 19,8 см, ширина 0,7 см.

№ 2888–121: длина 19 см, диаметр 0,5 см.

№ 2888–122: длина 13 см.

№ 2888–123: длина 18,5 см, длина наконечника 1,5 см.

№ 2888–124: длина 15,5 см, ширина 0,5 см.

№ 2888–125: длина 15 см.

№ 2888–126: длина 20 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

◀ 199.

Фигурка охотника с копьем № 2888–128.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: дерево, краска, китовый ус, сухожилия.

Размеры: высота фигурки 7,7 см, ширина фигурки 3,8 см, длина копья 26 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

◀ 200–204.

Модели весел № 2888–100, –129, –104, –131 и модель обломка древка гарпуна № 2888–130 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры:

№ 2888–100: длина 23 см, ширина 1,5 см.

№ 2888–129: длина 24 см, ширина 1,6 см.

№ 2888–104: длина 18,4 см, ширина 1,8 см.

№ 2888–131: длина 18,3 см, ширина 1,9 см.

№ 2888–130: длина 10,9 см, диаметр 0,7 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

▶ 205.

Модель весла № 4193–52.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 17,4 см, ширина 1,7 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

206–216.

Модели весел № 2888–95, –96, –97, –98, –99, –101, –102, –103, –105, –106, –108 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры:

№ 2888–95: длина 19 см, ширина 2,7 см.

№ 2888–96: длина 14,3 см, ширина 1,3 см.

№ 2888–97: длина 21,5 см, ширина 2 см.

№ 2888–98: длина 19 см, ширина 2 см.

№ 2888–99: длина 18,5 см, ширина 2 см.

№ 2888–101: длина 18,7 см, ширина 2 см.

№ 2888–102: длина 14,5 см, ширина 1,5 см.

№ 2888–103: длина 24,7 см, ширина 2,5 см.

№ 2888–105: длина 16,5 см, ширина 1,8 см.

№ 2888–106: длина 10,8 см, ширина 1,2 см.

№ 2888–108: длина 19,2 см, ширина 1,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

◀ 217.

Весло № 5803–2.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 150 см, ширина лопасти весла 11,4 см, диаметр рукоятки 3,2 см.

Собиратель: вероятно, М.Д. Тебеньков. 1845–1850 гг., остров Кадьяк.

◀ 218.

Весло № 5803–3.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 136 см, ширина лопасти весла 11,1 см, диаметр рукоятки 3,2 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

▶ 219.

Весло № 7401–4.

Народ: кадьякцы или чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 156,7 см, ширина 10 см, диаметр рукоятки 3,3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

220—222.

Весла № 7401—3, —2, —1 (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры:

№ 7401—3: длина 155 см, ширина лопасти 12 см, диаметр рукоя-
ти 3,5 см.

№ 7401—2: длина 156,5 см, ширина лопасти 11,9 см, диаметр ру-
кояти 3,5 см.

№ 7401—1: длина 149 см, ширина лопасти 11,6 см, диаметр руко-
яти 3,4 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

223.

Леса с двумя крючками и грузилом № 4104–29.

Народ: кадьякцы.

Материал: водоросли, камень, корни ели, кость, китовые сухожилия.

Размер: диаметр мотка 29 см, диаметр грузила 11,2 см, длина крючка 10,5 см, длина острия крючка 5,7 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

Леса из стеблей водорослей (*Macrocystis Pyrifera*) с грузилом и крючками. Для приготовления леса водоросли вымачивали в пресной воде и сушили на солнце или в дыму костра. Темный цвет имеет леса, высушенная над костром. Рыболовная снасть с крючками такой формы использовалась для лова трески.

► 224.

Рыболовный крючок № 4087–14.

Народ: кадьякцы.

Материал: кость, сухожилия.

Размеры: длина 10 см, ширина 2,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

225.

Удочка № 633–10.

Народ: кадьякцы или чугачи.

Материал: дерево, железо, сухожилия.

Размеры: длина удилица 40 см, длина леси 27 см, диаметр крючка 7,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Этот предмет передал в музей С. Г. Скотт. Удочка была приобретена до 1808 г. Возможно, она является изделием чугачей.

226.

Сеть для промысла морских животных № 3529—47.

Народ: кадыкцы.

Материал: дерево, сухожилия.

Размеры: длина реек 43 см, диаметр мотка 55 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790—1792 гг., остров Кадык.

227.

Сеть для промысла бакланов № 536—19.

Народ: кадыкцы.

Материал: китовые сухожилия.

Размеры: длина мотка 50 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., остров Кадык.

«Ловля птиц, называемых урилами [бакланами. — С. К.], составляет третий промысел. Их ловят также жильной сеткой, которая внизу растягивается на шест длиной в две сажени. В верхние концы сетки продевается шнур сквозь ячеи и прихватывается по концам вышеуказанного шеста. Поскольку эти птицы обыкновенно садятся на утесы, то охотник, подкрадываясь с собранной сетью и достигнув удобного возвышения, бросает ее прямо на птиц. Испугавшись, урилы стараются улететь и запутываются в сети. Тогда охотник, держа один конец шнура, тянет другой к себе и собирает сетку в кошель, в котором иногда находится целое стадо птиц. Ширина сетки бывает обыкновенно сажени две с небольшим, а длина — до 12 сажен» [Лисянский 1947: 185].

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

«С самого ребячества дети начинают строить байдарки, спускают их на воду, обдывают луки и стрелы, учатся стрелять в птиц или просто в цель. Отец сажает пяти или шести лет сына на байдарку с собою и обучает езде; а скоро потом сделает ему маленькое веселко, пуцает одного в таких местах, где крутые валы с шумом и пеною разбиваются о берега. Сначала отец привязывает к байдарке веревку, дабы с помощью оной вытаскивать на берег сына, если он опрокинется, а после и того не делает. <...>

Девочки учатся шить, разводить узоры, вышивать сумки, плести шнурки, привязки или мауты к стрелкам, шляпы, рогожки, шкаты или ведра и словом: всем принадлежащим их полу рукоделиям. Правда, что все сие делается очень медленно: часто за колпаком, приготовляемом к игрищу, женщина просиживает несколько месяцев; да и тот после отдает за несколько листов табаку» [Давыдов 1812: 45–47].

«Выше сего видели мы, что жители Кадьяка готовят для себя всякие платья, из коих иное делают с довольным вкусом, также плетут весьма чисто шнурки, рогожи, шляпы, шкаты и прочее.

В прежнее время орудие, употребляемое конягами для работ, состояло в каменном топоре, острой раковине или обвостренном железе. Металл сей задол-

го до прибытия россиян известен был диким: они находили иногда железные вещи, выкидываемые морем на берег, и весьма ими дорожили. Топоры делались клином, из твердого черного и зеленого камня, привязывались к короткой кривой рукоятке и имели вид наших шляхт. Американцы так привыкли к ним, что ныне и железные делают для них тем же подобием.

Можно посудить, какого труда стоило обдывание каменного топора и сколь медленно производилась оным работа; а поэтому железный топор, нож, иглы и некоторые другие вещи долженствовали произвести великую перемену в упражнениях коняг» [Там же: 103–104].

«Огонь достают посредством заостренной палочки, которая, равно как и брусок, для сего употребляемый, делается из дерева чаги, выкидываемого на остров морем и растущего на матерой Америке. По середине сей палки, которой конец обмазывается жиром, обертывают несколько раз веревочку и, взяв концы оной в руки, вертят в обе стороны сколь можно поспешнее, пока от приставленного к бруску конца палки покажется дым; тогда берут затлевающую от него стружку, кладут ее на сухую траву, размахивают в руке, и огонь появляется» [Там же: 105–106].

228.

Сосуд в виде фигуры утки крохаль (алюдака) № 571–33/а.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, бусины, раковины абалона.

Размеры: длина 36,5 см, ширина 22 см, высота 11,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Этот сосуд и сосуды № 571–33/б и № 571–34 использовались во время зимних празднеств для угощения гостей толкушей — китовым или тюленьим жиром, смешанным с сушеными ягодами.

229.

Сосуд в виде фигуры утки крохаль (алюдака) № 571–33/в.

Народ: кадыкцы.

Материал: дерево, краска, бусины.

Размеры: длина 28,5 см, ширина 19 см, высота 13,2 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Считалось, что водоплавающие птицы наделены особой магической силой. Они ныряли в воду, ходили по земле и летали по воздуху и поэтому, как и духи, могли перемещаться между подводным, земным и небесным мирами.

230.

Сосуд в виде фигуры утки крохаль № 571—34.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 38,5 см, ширина 21 см, высота 14,2 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

«Островитяне делают и красят деревянную посуду, как то: блюда и проч. Каменья для краски находят в разных местах на острове или через промен получают с матерой Америки, пережигают оные, толкут и разводят на отстое рыбьей икры или крови; а иногда и на воде, что не столь уже прочно» [Давыдов 1812: 104].

231.

Сосуд № 2539—22.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, раковины дендалиума.

Размеры: длина 29 см, ширина 23,5 см, высота 12 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

На внутренней поверхности сосуда с двух сторон вырезаны стилизованные изображения голов тюленей. Глаза животных намечены горизонтальными полосами, ниже вырезаны ноздри. Ноздри — характерная деталь при изображении тюленя (см. № 562—2). Чтобы дышать, тюлень высывал из воды только верхнюю часть головы, втягивал воздух и нырял под воду. Возможно, что это изображение Имам Шуа — хозяйки морских животных.

232.

Коробка с крышкой (падулыхвак) № 2888–90/а–б.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры: общая высота 6,1 см, высота коробки 5,5 см, диаметр коробки 14 см, диаметр крышки 14,6 см, высота крышки 2,8 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Коробка для хранения пищи. Деревянную коробку с пищей охотник брал с собой, отправляясь в путешествие или на морскую охоту в каяке. В отличие от кожаных сосудов она не тонула в воде.

► 233.

Мешок № 2888–94.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкура тюленя, кожа.

Размеры: длина 85 см, ширина 48 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Этот мешок и мешки № 4157–92, –93 из шкур тюленей использовались для хранения жира морских животных.

◀ 234.

Мешок № 4157–92.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкура тюленя.

Размеры: длина 61 см, ширина 36 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

235.

Мешок № 4157–93.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкура тюленя, растительное волокно.

Размеры: длина 85 см, ширина 42 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

236.

Пленка для покрытия светового люка жилища (пахичэк) № 571–36/в.

Народ: кадыакцы.

Материал: пленка с печени кита, кишки, сухожилия.

Размеры: длина 156 см, ширина 130 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

«Вместо стекла служат бобровые или другие тонкие и прозрачные кишки, а вместо рамы четыре палочки: свету в покои очень довольно входит» [Давыдов 1812: 20].

237.
Пленка для покрытия светового люка жилища (пахичэк) № 571–36/а.
Народ: кадьякцы.
Материал: пленка, кишки, ткань.
Размеры: длина 127 см, ширина 107 см.
Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

238.

Пленка для покрытия светового люка жилища (пахичэк) № 571–38.

Народ: кадыакцы.

Материал: пленка из внутренностей кита, кишки, сухожилия.

Размеры: длина 150 см, ширина 110 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

239.

Пленка для покрытия светового люка жилища № 571–39.

Народ: кадьякцы.

Материал: пленка из внутренностей кита, кишки, китовый ус.

Размеры: длина 152 см, ширина 110 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

240.

Лампа-жирник (куоок) № 868-1.

Народ: кадыакцы.

Материал: камень.

Размеры: длина 17,3 см, ширина 14,5 см, высота 5,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Лампы-жирники использовали для освещения жилища. Лампу наполняли тюленьим жиром, вставляли в нее фитиль и зажи-гали. Если человек сильно замерзал, то, присев над лампой-жирником и накрыв ее паркой, мог быстро согреться.

241.

Корзина № 2552–1.

Народ: кадьякцы.

Материал: корни ели, соломка, кожа, краска.

Размеры: высота 34 см, диаметр верха 29 см, диаметр дна 19,5 см.

Собиратель: Л. А. Гагемейстер. 1817–1818 гг., остров Кадьяк.

Эскимоски острова Кадьяк практиковали плетение на вертикальной основе, обвертывая двумя или тремя рядами утка один или два ряда вертикальной основы. При орнаментации плетеных изделий соложкой использовали прием, который называется «фальшивая вышивка», когда применялось трехрядное плетение. Третья прядь утка заменялась соложкой. Орнамент, сделанный способом «фальшивая вышивка», выступает лишь на лицевой стороне изделия.

242.

Корзина № 2552–2.

Народ: кадыакцы.

Материал: корни ели, соломка, кожа.

Размеры: высота 26 см, диаметр верха 33 см, диаметр дна 20 см.

Собиратель: И.И. Биллингс. 1790–1792 гг., остров Кадьяк.

Корзины использовали для хранения продуктов, домашней утвари, а также для приготовления пищи. В корзину наливали воду и опускали в нее раскаленные на огне камни и мясо. Прутья корзины набухали, и вода из нее уже не просачивалась. Остывшие камни заменяли на раскаленные. Таким образом воду доводили до кипения и варили мясо.

243.

Корзина для ягод № 2539–13.

Народ: кадьякцы.

Материал: еловые корни, соломка, кожа.

Размеры: высота 13 см, диаметр верха 17 см, диаметр дна 11,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., Аляска.

Корзины такой формы женщины использовали для сбора ягод. Их носили на груди на шнуре, перекинутом вокруг шеи. Наполнив корзину, ягоды пересыпали в большую корзину, которая либо висела у женщины на ремне за спиной, либо стояла на земле.

Эта корзина была опубликована в тлинкитском каталоге музея как предмет, приобретенный у тлинкитов [Тлинкиты 2007: 76].

244.

Циновка № 2868–230.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: растительное волокно, краска.

Размеры: длина 140 см, ширина 43,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Плетение у эскимосов острова Кадьяк было женским делом. Им занимались зимой, так как в другие времена года женщины были заняты заготовкой пищи впрок. Материал для корзин собирали в конце весны или поздно осенью: только в это время корни ели имеют однородный цвет и легко снимающуюся кору. В качестве материала для орнамента использовали высушенный стебель *настоящей соломки* (*Panicularia nevata*).

245.

Циновка № 4104–104.

Народ: кадьякцы.

Материал: растительное волокно.

Размеры: длина 236 см, ширина 64 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

В спальном помещении такими циновками, как № 4104–104 и 4104–105, покрывали пол и ложе, и также использовали их в качестве перегородок внутри помещений.

246.

Циновка № 4104–105.

Народ: кадыякцы.

Материал: растительное волокно.

Размеры: длина 203,5 см, ширина 57,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

247.

Ланцет № 2888–32.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, раковина, сухожилия.

Размеры: длина 8,2 см, ширина рукояти 2,7 см, толщина рукояти 1,4 см, длина лезвия 4,1 см, ширина лезвия 2,4 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Ланцет для проведения хирургических операций. От употребления большого количества жира морских животных кадьякцы часто страдали кожными заболеваниями — чирьями и нарывами, для их вскрытия использовали ланцеты из раковин.

► 248.

Топор-тесло № 4104–57.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: дерево, краска, кожа, камень.

Размеры: длина 37 см, длина лезвия 15,7 см, ширина лезвия 4,6 см, диам. рукояти 2,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

«В прежнее время каменный топор, костяная игла (которые надобно также обделывать) и раковина или у редкого кусок железа составляли все их механические пособия. И ныне они не много более инструментов имеют, однако обрабатывали и обрабатывают очень хорошо кость и другие вещи, перенимают некоторые поделки от русских и мало уступают своим учителям» [Давыдов 1812: 23].

249–253.

Резцы для резьбы по дереву и кости № 593–49/а, –49/б, –49/в, –49/г, –49/д.

Народ: кадыякцы.

Материал: олений рог, железо, сухожилия.

Размеры:

№ 593–49/а: длина 21,5 см, ширина 3 см, ширина рукоятки 3,4 см, длина лезвия 5 см, ширина лезвия 1,5 см.

№ 593–49/б: длина 10 см, ширина 1,8 см, длина лезвия 1,5 см, ширина лезвия 0,7 см.

№ 593–49/в: длина 11,6 см, ширина 1,6 см, длина лезвия 1,9 см, ширина лезвия 0,8 см.

№ 593–49/г: длина 15 см, ширина 2,6 см, длина лезвия 3,5 см, ширина лезвия 1,1 см.

№ 593–49/д: длина 12,5 см, ширина 1,6 см, длина лезвия 2 см, ширина лезвия 0,7 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Рукоятки резцов № 593–49/б, –49/в, –49/г, –49/д состоят из двух костяных пластинок с вырезом для лезвия. Они скреплялись с помощью сухожильной обмотки. Такой способ крепления лезвия восходит к прошлому, когда использовались каменные лезвия. В случае поломки лезвия рукоятку разбирали и в паз вставляли новое лезвие.

Аналогичные инструменты для резьбы по дереву и кости использовали жители побережья залива Нортон и другие группы эскимосов, населявшие обе стороны Берингова пролива.

«Коняги очень искусно обделывают кость небольшим согнутым ножиком. Особливо стараются чисто и гладко обделывать ту, которая у них на стрелах, для того беспрестанно примеривают и проверяют глазом. К распиливанию кости употребляют они простое помачиваемое часто жиром или водою железо, а к просверливанию дыр небольшое долото, сооруженное так, что оно с помощью обернутой вокруг него веревки может вертеться» [Давыдов 1812: 105].

254.

Женский нож (улючик) № 593–44.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, железо.

Размеры: длина 17,3 см, ширина 15 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский.
1842–1843 гг., остров Кадьяк.

По данным собирателя, этот нож является изделием жителей острова Кадьяк. Сходные по форме ножи имеются в собрании Музея Шелдона Джонсона в городе Ситка, США. Они значатся как изделия тлинкитов [Catalogue 1976: 40].

255.

Женский нож (улюгхак) № 2888–25.

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит, дерево.

Размеры: длина 28,5 см, ширина 9,9 см. Рукоятка: длина 13 см, ширина 3,3 см, толщина 2,9 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842 г., остров Кадьяк.

Нож использовался для удаления жира с внутренней стороны шкуры убитого животного. По сведениям И. Г. Вознесенского, на момент сбора в 1842 г. этот женский нож являлся изделием «древнего типа».

256.

Лезвие ножа улу № 2888–14.

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит.

Размеры: длина 18,7 см, ширина 2,9 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

257.

Лезвие ножа улу № 2888–15.

Народ: кадьякцы.

Материал: аргиллит.

Размеры: длина 21,8 см, ширина 3,7 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

◀ 258.

Китовая жила — материал для изготовления ниток № 536–6.

Народ: кадьякцы.

Материал: жила кита.

Размеры: длина 100,5 см, диаметр 2,7 см.

Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

259–268.

Мотки ниток № 536–18/1–10.

Народ: кадьякцы.

Материал: расщепленные китовые жилы. В связках № 536–18/14, –18/15, –18/16, –18/17, –18/18 есть шерстяные нити красного цвета.

Размеры:

№ 536–18/1: длина 12,5 см.

№ 536–18/2: длина 19 см.

№ 536–18/3: длина 16 см.

№ 536–18/4: длина 13 см.

№ 536–18/5: длина 16 см.

№ 536–18/6: длина 12 см.

№ 536–18/7: длина 15 см.

№ 536–18/8: длина 15 см.

№ 536–18/9: длина 21 см.

№ 536–18/10: длина 15,5 см.

Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

«Приготовив кожи, шивают их нитками (сии получаются с полуострова Аляски), из оленьих или китовых жил ссученными. Надобно иметь превеликое терпение для делания сих ниток, ибо прежде раздирают сухую жилу на самые тонкие волоски, потом соединяют их и ссучивают» [Давыдов 1812: 11].

► 269–276.

Мотки ниток № 536–18/11–18.

Народ: кадыакцы.

Материал: расщепленные китовые жилы. В связках № 536–18/14, –18/15, –18/16, –18/17, –18/18 есть шерстяные нити красного цвета.

Размеры:

№ 536–18/11: длина 15 см.

№ 536–18/12: длина 12,5 см.

№ 536–18/13: длина 13 см.

№ 536–18/14: длина 13 см.

№ 536–18/15: длина 11 см.

№ 536–18/16: длина 11,5 см.

№ 536–18/17: длина 12 см.

№ 536–18/18: длина 11 см.

Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

277–282.

Мотки ниток № 2868–93, –94, –95, –96, –97, –98 (слева направо).

Народ: вероятно, кадыакцы.

Материал: сухожилия.

Размеры:

№ 2868–93: длина мотка 11 см, ширина мотка 2,5 см.

№ 2868–94: длина мотка 10,5 см, ширина мотка 2 см.

№ 2868–95: длина мотка 11,8 см, ширина мотка 2,6 см.

№ 2868–96: длина мотка 11,6 см, ширина мотка 2,5 см.

№ 2868–97: длина мотка 10,2 см, ширина мотка 2,2 см.

№ 2868–98: длина мотка 10,4 см, ширина мотка 2 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

283.
Материал для изготовления парок — часть шкуры баклана № 4104–17.
Народ: кадьякцы.
Материал: шкура с горла баклана.
Размеры: длина 25 см, ширина 15 см.
Собиратель — неизвестный русский мореплаватель.
XIX в., Аляска.

284.
Материал для изготовления парок — часть шкуры баклана № 4104–18.
Народ: кадьякцы.
Материал: шкура с горла баклана.
Размеры: длина 26 см, ширина 8,5 см.
Собиратель — неизвестный русский мореплаватель.
XIX в., Аляска.

285.
Материал для изготовления обуви (ман-тыт) № 593–35.
Народ: кадьякцы.
Материал: кожа кита, бечевка из пеньки.
Размеры: длина 32 см, диаметр 14,5 см.
Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

ОДЕЖДА, УКРАШЕНИЯ И СИМВОЛЫ ВЛАСТИ

«Одежда мужчин. Во всякое время года мужчины носят парку из птичьих шкур — *Atkik*, которая надевается большей частью перьями внутрь, реже из еврашки или тарбагана. До прихода русских они имели парку из меха морской выдры (калана) или лисицы. При теплой погоде ходят часто голыми, закрывая только чресла, привязывая к ним ремнями кожи морского котика мех еврашки или хвост морской выдры, а теперь иногда привязывают только траву. Штанов они не носят никогда, только носят легкие сапоги, достигающие до колен, из шейной кожи морских львов или из меха тюленей — *Wodschik*. Они также имеют дождевые рубахи из тонкой кишечной кожи — *Keniachliak*, которыми покрывают голое тело. Птичьи парки украшены пришитыми снаружи вокруг более или менее одинаковыми кусками из кож еврашки, идущими рядами поперек ко шву, на плечах по одному, на груди такой кусок полностью прикреплен» [Мерк 1978: 71].

«Одежда женщин. Женщины носят парки (без воротника) из птичьих шкур и рыбьих кож, а также из выделанной кожи. Край оторочен местами обшивкой из коротких полос меха молодых морских котиков. Иногда эти парки сделаны из меха еврашки, украшены вдоль шва кусочками меха одинаковой величины. У птичьих парок на груди, на спине, до локтя нашиты узкие куски кож еврашек более свободно» [Там же: 72].

«Еврашек шивают в парки, не отрезывая даже хвостов и голов, только последних не видно. Платье сие делается как бы два вместе, одно шерстью вверх, а другое вниз оною. <...>

Вышеописанное одеяние островитяне сами достают, но кроме того имеют тарбаганы и олени парки, первые вымениваются от кинайцев, чугачей и далее к востоку живущих народов; а вторые от аляскинцев, кои продают также выделанные олени кожи и шитые из них камлейки. Олени парки, подобно урильям, украшаются разными безделками. Медвежьих и бровых парок ныне совсем нет, ибо островитяне обязаны непременно шкуры сих зверей отдавать в компанию» [Давыдов 1812: 13–14].

«Селения их расположены по морскому берегу вокруг всего острова, и каждое имеет своего начальника,

называемого русскими тоеном (якутское слово). Некоторые начальники управляли многими селениями, происходящими от одного рода и называющимися по имени губы или мыса, у коего они живут. Власть начальника селения весьма невелика: часто островитяне более уважают и слушаются какого-нибудь богатого человека или хорошего промышленника. Ныне правители компании сменяют иногда родовых тоенов и на место оных назначают других по своему произволению, однако дикие сих менее уважают, нежели смененных. Правители компании, зная почтение островитян к родовым своим начальникам, не употребляют жен их и детей в работы. В прежнее время достоинство начальников было наследственное, но выбор преемников редко падал на сыновей, а по большей части на одного из племянников» [Там же: 113–114].

«Тоены учреждены по приезде г. Шелихова на Кадыяк, а до него на каждой жиле начальствовал анаюгнак — хозяин. Он непременно должен был иметь собственный кажим. Сие достоинство было наследственным для детей и для ближайших его сродников, как то: сын, брат, дядя, племянник и зять постепенно заступали на его место. Анаюгнак назначал по себе наследника еще заблаговременно до своей смерти, для сего созывал всех в кажим, куда сам приводил и назначаемого, нарядив его в лучшее платье. Тут пред всеми объявлял его своим наследником, который непременно должен потчевать и угощать всех собравшихся. В это время женщины не бывают, а те девицы, коим дано имя мужское и содержатся вместо сына, имели право находиться в собрании. За таковой их вход в кажим отец каждогодню обязан дарить анаюгаку втрое больше, нежели другие дарят за мужчину. По окончании собрания и угощения на игрушку приходят все женщины, уже вечером. Власть анаюгнака состояла в том, что отлучающийся должен объявить причину своей надобности и что он делал еще показания относительно посылок, а наказывать других ничем не мог, разве за собственную свою обиду, управлял только своим семейством, воспитанниками и калгами (пленниками); на войну склонял советами и подарками; при собраниях занимал первое место и давал различные наставления. В присутствии его наблюдалось глубокое молчание — и малый ребенок не должен ходить. Вот отличительная примета его чести!» [Гедеон 1994: 60–61].

286.

Плетеная шляпа № 536–12.

Народ: кадьякцы.

Материал: корни ели, краска, ткань, хлопчатобумажные нити.

Размеры: высота 11 см, диаметр полей 37 см, диаметр тульи 9,7 см.

Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

Эскимоски достигли высокого мастерства в изготовлении шляп, при этом добивались высокой плотности плетения. Шляпа хорошо защищала от дождя: корни, из которых она делалась, набухали и не пропускали воду. На шляпе изображено морское животное с двумя рядами острых зубов в полуоткрытой пасти. Возможно, это кит-косатка или морской лев. Голова без ушей — это характерный элемент при изображении морских животных. Шесть параллельных полос красного и черного цветов на боковых сторонах тульи символизируют плавники.

287.

Плетеная шляпа № 2520—20.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: корни ели, краска, китовый ус, бисер, сухожилия.

Размеры: высота 10,5 см, диаметр полей 37,5 см, диаметр тульи 9,3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

На тулье шляпы нарисованы две головы, смотрящие в противоположенные стороны. Возможно, это кит-косатка и медведь. У кита-косатки по сторонам от глаз нанесены белые пятна, которые есть на голове у этих животных, за ними пять черных полос на красном фоне, это плавники морского животного. На другом рисунке у животного уши округлой формы — это характерная деталь при изображении медведя.

288.

Плетеная шляпа № 539–1.

Народ: кадьякцы.

Материал: корни ели, краска.

Размеры: высота 12,5 см, диаметр полей 48 см, диаметр тульи 11,2 см.

Собиратель: В.М. Головнин. 1818 г., остров Кадьяк.

Основным изображением на этой шляпе является голова медведя. Характерными чертами, позволяющими определить, что это за животное, являются его уши округлой формы, широкий нос и полуоткрытая пасть с множеством острых треугольных зубов.

289.

Плетеная шляпа № 2520–18.

Народ: кадьякцы.

Материал: корни ели, краска, кожа, китовый ус, сухожилия, ткань, бисер, бусины.

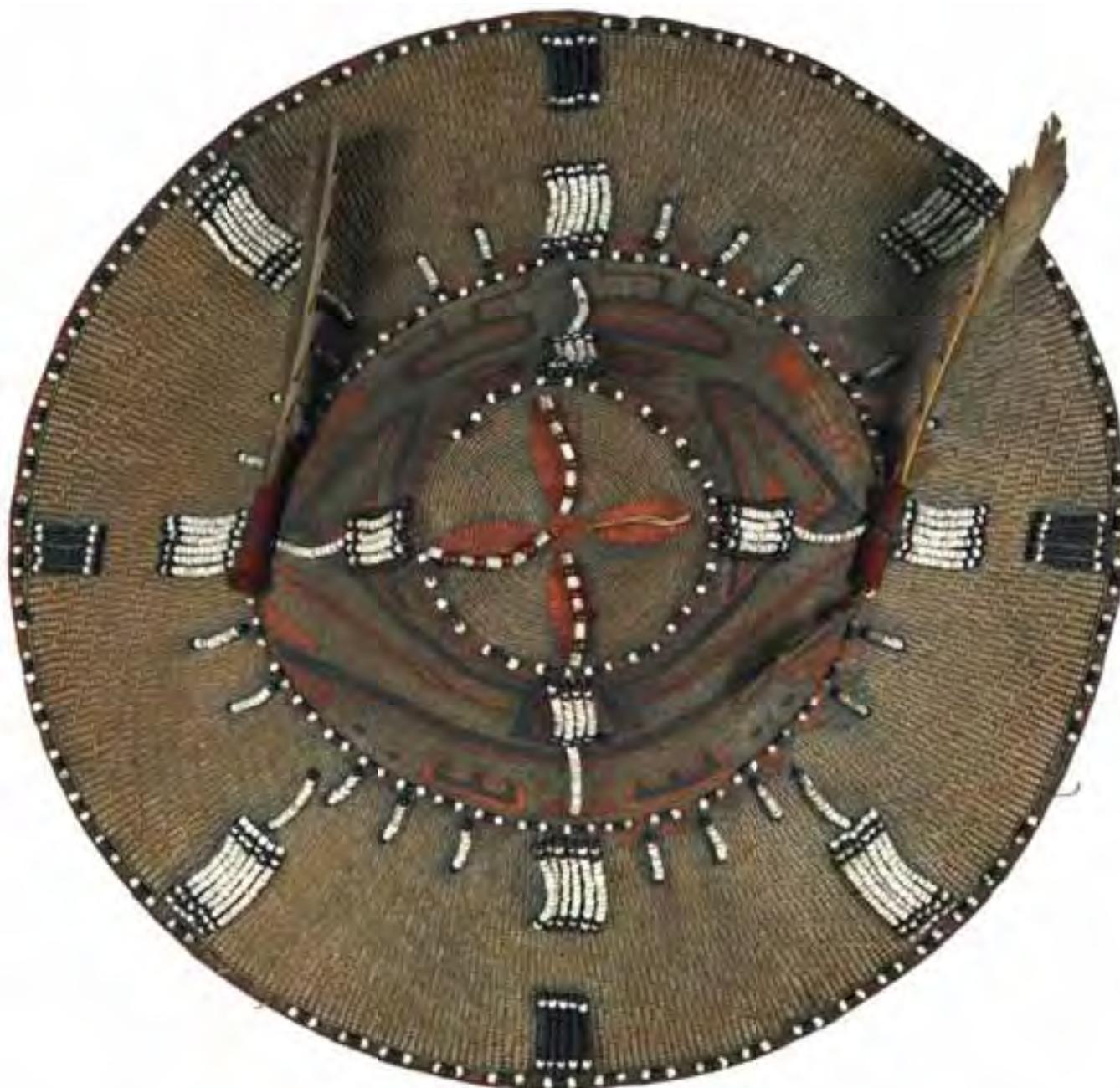
Размеры: высота 12 см, диаметр полей 41,5 см, диаметр тульи 9 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Возможно, основным изображением на этой шляпе является голова медведя.

«Шляпы плетут весьма искусно и крепко из еловых кореньев, с широкими полями, низкою несколько острее тулейкою и раскрашивают их разными узорами. Наверху шляпы рисуют рака, тюленя или иное животное. Если хотят, чтобы краски на шляпе, или ином чем, долго держались, то разводят ее на отстое крови, пущенной из нарочно разбитого носа» [Давыдов 1812: 16–17].

290.

Плетеная шляпа № 5795—23.

Народ: кадьякцы.

Материал: корни ели, краска, бусы, перья, ткань, сухожилия.

Размеры: высота 14 см, диаметр полей 43,5 см, диаметр тульи 9,7 см.

Собиратель — неизвестный православный миссионер. XIX в., Аляска.

По рисунку, цветовой гамме, украшениям из связок бисера (между которыми когда-то находились раковины денталиума) и перьев эта шляпа является «классической» для кадьякцев. На ее тулье нарисована голова животного с округленными ушами. Возможно, это изображение медведя.

291.

Плетеная шляпа № 5795–21.

Народ: кадьякцы.

Материал: корни ели, краска.

Размеры: высота 16 см, диаметр полей 40 см, диаметр тульи 10 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Рисунок вытерся, зооморфное изображение представляет, вероятно, медведя. Тулья и поля изготовлены в различной технике плетения.

292.

Плетеная шляпа № 633–17.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, корни ели, краска.

Размеры: высота 11 см, диаметр полей 32,5 см, диаметр тульи 9 см.

Собиратель: С.П. Хрущев. 1823 г., остров Кадьяк.

На шляпе изображена, вероятно, голова речного бобра с крупными передними резцами в полуоткрытой пасти.

293.

Плетеная шляпа № 2520–16.

Народ: кадьякцы.

Материал: корни ели, краска.

Размеры: высота 13 см, диаметр полей 44,5 см, диаметр тульи 10,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

На этой шляпе нарисована, вероятно, голова речного бобра с крупными передними резцами в полуоткрытой пасти. Один из признаков, по которому можно отличить плетеные шляпы кадыякцев, чугачей и тлинкитов, — форма крестообразного узора в верхней части тульи. Он бывает в виде «креста», «звезды», «цветка» и «зубцов». Узор в форме «креста» характерен для шляп кадыякцев (№ 536–12, 539–1, 2520–16, –20), в форме «звезды» — для шляп чугачей (№ 5795–22) и в форме «зубцов» — для шляп тлинкитов (№ 620–19, 2520–21) [Тлинкиты 2007: 94, 99]. Узор в форме «цветка» встречается на изделиях как кадыякцев (№ 5795–23), так и чугачей (№ 2520–19).

294.

Шляпа-козырек № 4270—96.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: дерево, краска, ус сивуча, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.

Размеры: длина с усом 81 см. Козырек: длина 30 см, ширина 20 см, высота 10,5 см.

Собиратель: Ф.К. Верман. 1854—1860 гг., Аляска.

«Иные коняги носят деревянные колпаки, остроконечные и выкрашенные, в верхнюю часть коих вставляют сивучьи нанизанные бисером усы, другие прикрывают одни только глаза навесками, в кои вставляют различные камушки, многие имеют деревянные выкрашенные шляпки наподобие тюленьих голов, чаще употребляемые при ловле сего зверя» [Давыдов 1812: 17].

Эта шляпа-козырек по технике изготовления и раскраске отличается от аналогичных изделий алеутов. Возможно, ее сделали кадьякцы. Л. Блэк считала, что в собрании МАЭ есть другая шляпа-козырек закрытого типа (№ 2868—44) — изделие кадьякцев. Она ссылается на мнение А.Л. Пинара, который посетил Кунсткамеру в 1873 г. и определил этот головной убор как изделие аляутиик [Black 1991: 69]. Вероятно, сведения об этнической принадлежности шляпы № 2868—44 А.Л. Пинар получил от сотрудников музея. На старинной музейной этикетке середины XIX в. значится, что она относится к изделиям кадьякцев. Однако по технике изготовления, раскраске и украшениям шляпа № 2868—44 не имеет существенных отличий от изделий алеутов. Наоборот, по цветовой гамме и орнаменту она сходна со шляпой № 2868—84, которую все исследователи относят к изделиям алеутов.

295.

Женский церемониальный головной убор № 536–14.

Народ: кадьякцы.

Материал: краска, шкурки баклана, кожа с горла сивуча, иглы дикобраза, сухожилия, олений волос, шерстяные нити, растительное волокно.

Размеры: высота 12,5 см, диаметр 20 см, длина с выступом 30 см, длина «хвоста» 33 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

В некоторых публикациях этот головной убор ошибочно отнесен к изделиям алеутов.

► 296.

Часть от женского церемониального головного убора № 7401–10.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа, краска, сухожилия, растительное волокно.

Размеры: длина 53 см. Верхняя часть заготовки с орнаментом: длина 9,3 см, ширина 3,3 см, толщина 1,6 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

297.

Мужской церемониальный головной убор № 536—22/а.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа тюленя и сивуча, олений волос, иглы дикобраза, сухожилия, шерстяные нити, клев топорка.

Размеры: высота спереди 37,5 см и сзади 43 см, диаметр 20 см, ширина верхней части 8,5 см.

Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., остров Кадьяк.

В некоторых публикациях этот головной убор ошибочно отнесен к изделиям алеутов.

298–300.

Части от мужского церемониального головного убора № 2868–101, –102, –104.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа с горла сивуча, кожа тюленя, краска, сухожилия.

Размеры:

№ 2868–101: длина 36,5 см, ширина 8,3 см.

№ 2868–102: длина 32 см, ширина 8,3 см.

№ 2868–104: длина 58 см, ширина 3,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

Детали № 2868–101, –102, –104 составляют комплект и являются частями одного головного убора. Возможно, его собирателем был Ю. Ф. Лисянский. Согласно музейной документации, от Ю. Ф. Лисянского в 1806 г. поступило два мужских головных уборов в форме высоких колпаков.

301.

Церемониальный головной убор № 3235–20.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкурки баклана, кожа, бусы, бисер, человеческие волосы, сухожилия.

Размеры: диаметр 20 см, высота 16 см, длина «хвоста» 35 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

Украшение в виде «хвоста» из человеческих волос свидетельствует о ритуальном использовании этого головного убора. Вероятно, он является частью шаманского костюма. Связки бисера и бус первоначально располагались в верхней части головного убора и были обвязаны вокруг «хвоста».

302.

Церемониальный головной убор № 4104–11.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: кожа тюленя, краска, олений волос, шерстяные и хлопчатобумажные нити, ткань, сухожилия.

Размеры: высота 20 см, длина 34 см, ширина 18 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

Головной убор сделан в форме европейской «треуголки», которые носили в Европе в начале XIX в. Соответственно и этот церемониальный головной убор был изготовлен, вероятно, в начале XIX в.

303.

Церемониальный головной убор № 4104–12.

Народ: кадьякцы

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, птичьи шкурки, ткань, шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: высота 15 см, диаметр 20 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

Такой же узор в виде «елочки» нарисован между глаз морского животного на плетеной шляпе № 536—2.

304.

Церемониальный головной убор № 4104–13.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.

Размеры: высота 21 см, ширина 23 см, толщина 15 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

305.

Верхняя часть от головного убора типа фуражки № 4104–14.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.

Размеры: диаметр 26 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

306.

Чехол для головного убора № 4104–15.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: тюленьи кишки, сухожилия, шерстяные нити, кожа с горла сивуча, краска, олений волос.

Размеры: диаметр 21,5 см, высота 8 см, диаметр аппликации 6,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

Этническая принадлежность этого предмета точно не установлена. Возможно, он является изделием алеутов. Узор в виде креста часто встречается на верхней части тульи головных уборов аляутиков.

307.

Церемониальная парка № 2888–81.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа оленя, краска, клывы топорка, сухожилия, бисер.

Размеры: длина 91,5 см, ширина подола 62 см, ширина с рукавами 90 см. Рукава: ширина манжет 10,5 см, ширина проймы 15 см.

Собиратель: С. П. Хрущев. 1823 г., Аляска.

308.

Парка (шакитак) № 593–14.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкурки гагары, сухожилия.

Размеры: длина 120 см, ширина подола 70 см, ширина с рукавами 130 см, ширина манжет 14 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

«Шкурки птиц — ар, ипатов и топорков — составляют одежду алеутов. Парка птичья изобретена ими в диком их состоянии, и ничего не может быть удобней оной в отношении климата и образа их жизни. Сии паркы довольно теплы, и как носят их вверх перьями, то дождь обыкновенно стекает и не промачивает мездру, которая к тому же и выделана с жиром и не скоро позволяет впитываться воздушной влажности и мокроте. Ветры также не продувают сквозь шкуры; но, соединив паркы с кишочной камлеей, алеуты долго в состоянии перенести ветры, холода и мокроту. Если же случится, что он довольно озябнет и парка смокла, тогда, войдя в юрту или же на воздухе, садится на корточки, ставит в ноги плоску с жиром и, опуская паркы до земли плотно, накидывает также плотно и на голову. В час или еще скорее он согревается всем телом и вместе просушивает свою одежду. <...> Парки шьются, смотря по величине птичьих шкур, различно. Ар уходит 50, топорков 40, ипатов 30» [Хлебников 1979: 38].

309.

Церемониальный головной убор № 593—25.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкурки баклана, кожа с горла сивуча, краска, сухожилия, олений волос, ткань, хлопчатобумажные нити.

Размеры: высота 24,5 см, ширина 19 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

Этот головной убор входит в комплект к парке № 593—23.

310.

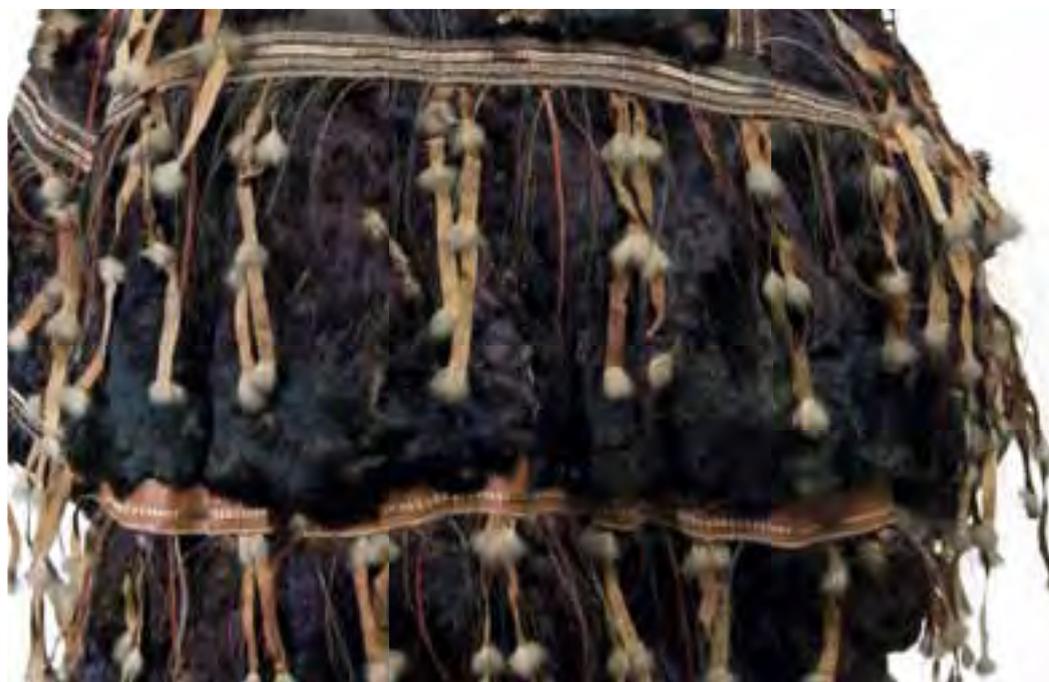
Парка (аткут-агашуут) № 593–23.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкурки баклана, мех оленя и горностая, кожа с горла сивуча, ткань (миткаль), олений волос, сухожилия, шерстяные и хлопчатобумажные нити.

Размеры: длина 115 см, ширина подола 95 см, ширина с рукавами 135 см, ширина манжет 15 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

В комплекте с этой паркой — головной убор № 593—25.

«Птичьи парки делаются из ариших, топорковых, урильных и ипаточных кож, кои сдираются с перьями. Женщины высасывают из них жир, намазывают потом заквашенною икрою, а через несколько времени, соскоблив оную, мнут до того, как кожа будет суха. Островитяне выделывают и иным образом птичьи шкуры: кладут их на двое или трое суток в мочу и, обмыв, потом мнут» [Давыдов 1812: 11].

311.

Церемониальный головной убор № 2888—87.

Народ: кадьякцы.

Материал: олений мех и волос, кожа с горла сивуча, клювы топорка, ткань, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия, перья.

Размеры: высота 33 см, ширина 27 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

По данным собирателя, этот головной убор (как и № 2888—88) составляет комплект с парками из шкурок баклана. Соответственно один из них относится к парке № 2888—83, другой — к парке № 2888—84.

312.

Кожаный головной убор № 2888–88.

Народ: кадыкцы.

Материал: кожа с горла сивуча, олений волос, мех, сухожилия, перья, клювы топорка, шерстяные нити.

Размеры: высота 20 см, ширина 21 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадык.

313.

Праздничная парка № 2888—83.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкурки баклана, кожа тюленя, ткань, краска, мех горностая и зайца, олений волос, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: длина 105 см, ширина подола 91 см, ширина с рукавами 125 см, длина рукава 27 см, ширина манжет 14 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

«Из птичьих парок одни только урильи считаются хорошими, да и в самом деле красивы: оные делаются из шеек, где перья у сей птицы весьма малы и гладки, так что нескорю можно угадать, что это птичьи шкуры. Их, однако, трудно собирать, ибо надобно убить около 140 урилов, дабы из шеек их сделать большую парку. Платье сие носят женщины, оно украшается всем лучшим, как то: раздерганным в нитки красным и зеленым стамедом, оленьими или козлиными волосами, горностаем или бобром, изрезанным в тонкие ремешки, носами птицы топорка, орлиными перьями и многими другими вещами, имеющими в глазах дикарей великую цену. Все сие пришивается одним концом к парке и составляет по оной висячие ряды из всякого сбора. Весною на шее у урилов бывают длинные, тонкие, белые перья или волосики; и таковые по пестроте своей предпочитают доставаемым в иное время года» [Давыдов 1812: 11–12].

314.

Праздничная парка № 2888—84.

Народ: кадьякцы.

Материал: шкурки баклана, кожа тюленя, кожа с горла сивуча, ткань, олений и заячий мех, олений волос, клювы топорка, сухожилия, шерстяные нити.

Размеры: длина 120 см, ширина подола 90 см, ширина с рукавами 148 см, ширина манжет 15 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

«У простых птичьих парок верх около воротника подкрашивают красным цветом; а по платью с той же стороны нашивают в некоторых местах урильи шей. По недостатку большого числа пришивают две спереди и две сзади, а за неимением оных парка остается без прикрасы. Между платьями, из птичьих кож сшитыми, топорковые предпочитаются арым. В сырую погоду надевают их вверх перьями, по коими дождь скатывается, не промочив платье; из урильих же шей сделанные всегда надеваются перьями наружу» [Давыдов 1812: 12–13].

315.

Праздничная парка № 2888–85.

Народ: кадьякцы

Материал: шкурки баклана, мех оленя, зайца и калана, ткань, олений волос, сухожилия, шерстяные нити.

Размеры: длина 107 см, ширина подола 76 см, ширина с рукавами 120 см, ширина манжет 14 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

316.

Плащ № 593—19.

Народ: кадьякцы.

Материал: медвежьи кишки, кожа тюленя, кожа с горла сивуча, олений волос, шерстяные нити, краска, сухожилия, ткань.

Размеры: длина 129 см, ширина подола 80 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

Плащ копирует верхнюю одежду русского покроя — пелерину.

317.

Накидка для защиты от дождя № 2868–76.

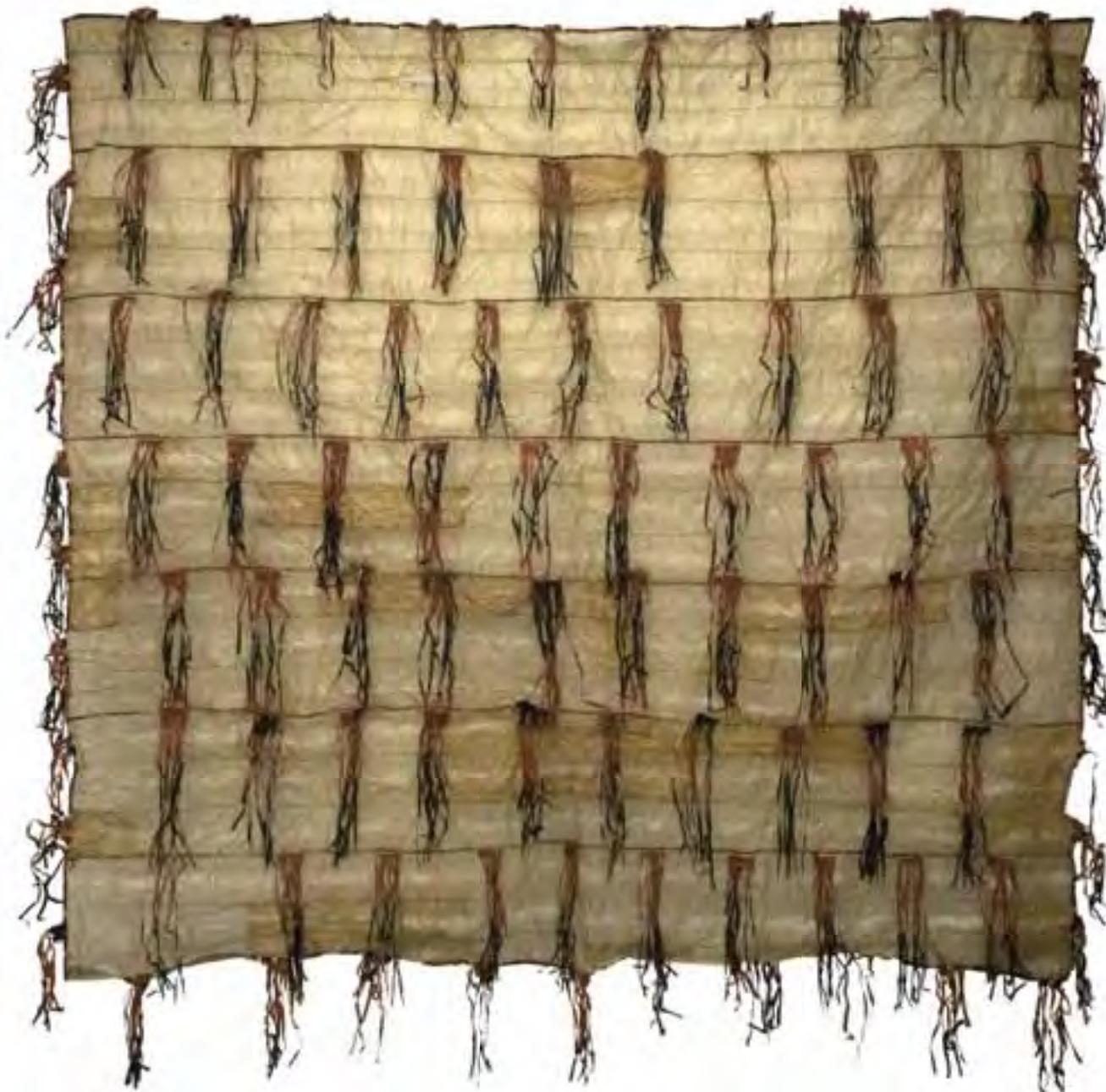
Народ: кадьякцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, кишки, сухожилия.

Размеры: высота 140 см, ширина в расправленном виде 185 см, ширина 115 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

318.

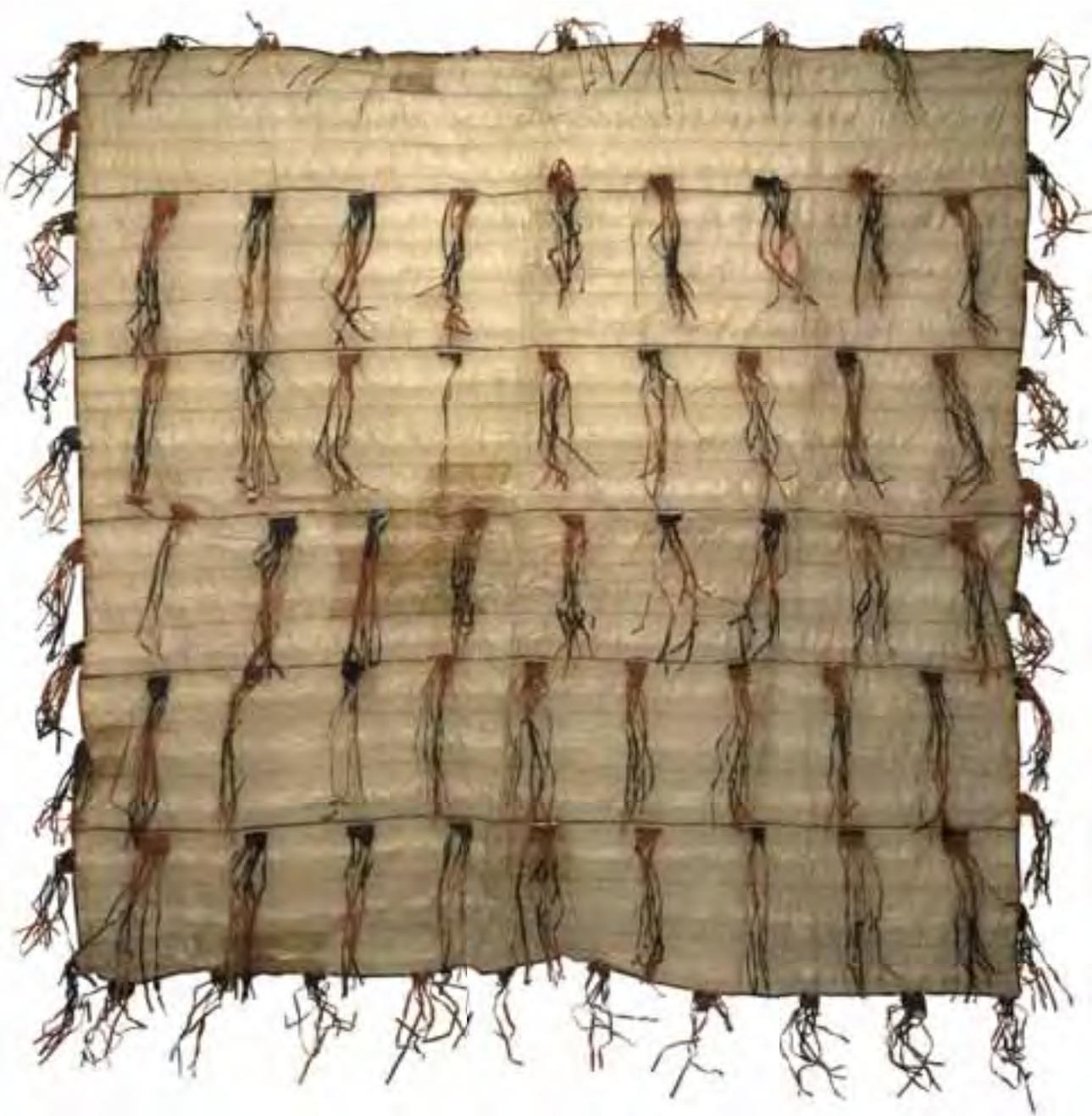
Накидка № 4104–95/1.

Народ: вероятно, кадыякцы.

Материал: тюленьи кишки, краска, сухожилия.

Размеры: длина без бахромы 137 см, ширина без бахромы 138 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

319.

Накидка № 4104–95/2.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: тюленьи кишки, краска, сухожилия.

Размеры: длина без бахромы 137 см, ширина без бахромы 133 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

320.

Праздничная камлейка № 2868–231.

Народ: кадьякцы.

Материал: медвежьи кишки, кожа тюленя, шкурки баклана, краска, сухожилия, шерстяные нити.

Размеры: длина 134 см, ширина подола 92 см, ширина с рукавами 171 см, ширина манжет 13 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

У И.Г. Вознесенского приведено описание этой камлейки: «Камлейка весьма тонкая, из кишок черного американского медведя. Подобные камлейки шьют только для почетных лиц. Она отличается от других, обыкновенных камлеек чрезвычайной легкостью и удобством в путешествии в том отношении, что может помещаться в карман сюртука. Камлейка в непогоду надевается сверху платья и шапки, туго завязывается под подбородком и на руках, а пояс оттягивается кожаной обтяжкой. Это делается в том случае, если промышленник или путешественник едет в байдарке по океану» [ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9. Л. 59].

321.

Модель камлейки № 2868—54.

Народ: кадьякцы.

Материал: тюленьи кишки, кожа, шерстяные и хлопчатобумажные нити, сухожилия.

Размеры: высота 18 см, ширина 16 см, ширина с рукавами 27,5 см. Рукава: ширина манжет 2,7 см., ширина проймы 4,5 см.

Собиратель: В. М. Головнин. 1818 г., остров Кадьяк.

322.

Модель камлейки № 4104—94.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: тюленьи кишки, кожа, шерстяные нити, олений волос, сухожилия.

Размеры: высота 23 см., ширина с рукавами 22,5 см, ширина подола 12,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

323.

Женские сапоги № 2868–51/1–2.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа тюленя и кита, сухожилия.

Размеры: высота голенища 54 см, длина подошвы 28 см, ширина подошвы 12 см.

Собиратель: И.Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Голенище сделано из кожи тюленя, подошва — из кожи кита.

«Островитяне лето и зиму ходят почти все босиком, а немногие имеют сапоги из тюленьих или сивучьих кож сделанные, но и те не что иное, как мешки с пришитыми к ним китовыми подошвами. Богатые, а особливо женщины, имеют теплые сапоги, из еврашечьих или тарбаганьих кож» [Давыдов 1812: 18–19].

324.

Сапоги № 3235–19/1–2.

Народ: кадыакцы.

Материал: олений мех, кожа тюленя, ткань, сухожилия.

Размеры: высота 38,5 см, ширина голенища 20 см, длина подошвы 25,5 см, ширина подошвы 9,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

325.

Летняя обувь № 4270–13/1–2.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: кожа тюленя, сухожилия.

Размеры: длина 25 см, ширина 11 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

326.

Сумочка № 536–1.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: кожа, краска, шелк, иглы дикобраза, сухожилия, олений волос, ткань, шерстяные нити.

Размеры: длина с бахромой 14,5 см, длина 12,3 см, ширина 8 см.

Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., Аляска.

Этническая принадлежность этой сумочки точно не определена. Возможно, это изделие алеутов. Сумочка использовалась для хранения швейных принадлежностей — иголок, ниток и кусочков кожи.

327.

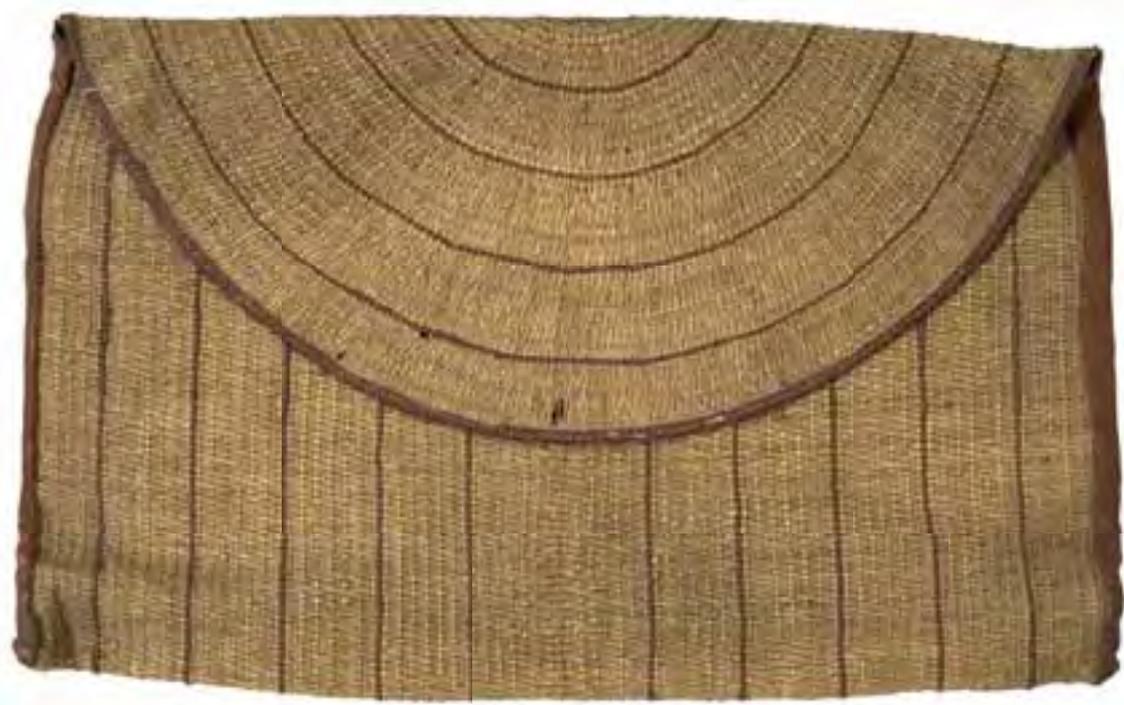
Сумка № 633–3.

Народ: кадьякцы.

Материал: соломка, кожа, шерстяные и хлопчатобумажные нити.

Размеры: длина 20 см, ширина 13,7 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

328.

Сумка № 633–2.

Народ: кадьякцы.

Материал: соломка, кожа, сухожилия.

Размеры: длина 30 см, ширина 19 см, высота с расправленным клапаном 31 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

329.

Заготовка для женской сумочки № 2868—20.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: соломка, шерстяные и хлопчатобумажные нити.

Размеры: длина 11 см, ширина 9,5 см, общая длина заготовки 28 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

На этой заготовке сумки есть узор в виде «елочки», такой же как на плетеной шляпе № 536—12 и на церемониальном головном уборе № 4104—12.

Этническая принадлежность данного предмета точно не установлена. Возможно, это изделие алеутов.

О материале женских сумочек кадьякцев Ю. Ф. Лисянский писал: *«Все шьется здесь жильными нитками, которые выделяются так тонко и чисто, что не уступят лучшему сученому шелку. Плетенки [сумочки. — С. К.] или шнурки делаются с удивительным искусством. Оленья шерсть, козий волос, раздерганный стамед только на Кадьяке употребляются для украшения»* [Лисянский 1947: 186].

330.

Сумочка № 2868—21.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: соломка, волосы, сухожилия, хлопчатобумажная нить, ткань.

Размеры: длина 16 см, ширина 10,5 см, высота с раскрытым клапаном 16,3 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Этническая принадлежность данного предмета точно не установлена. Возможно, эта сумочка является изделием алеутов.

331.

Сумочка № 2868–22.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: соломка, кожа, краска, сухожилия, хлопчатобумажные и шерстяные нити.

Размеры: длина 19 см, ширина 12,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Этническая принадлежность данного предмета точно не установлена. Возможно, эта сумочка является изделием алеутов.

332.

Сумочка № 4104–27.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: растительное волокно, кожа, краска, бусина.

Размеры: длина 28,5 см, ширина 14 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

Этническая принадлежность этой сумочки точно не установлена, возможно, она является изделием алеутов.

333.

Сумка № 4104—87.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, оленин волос, краска, сухожилия.

Размеры: длина 36,3 см, ширина 34 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

◀ 334.

Образец аппликации № 2868–103.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа с горла сивуча, краска, сухожилия.

Размеры: длина 38 см, ширина 4,3 см.

Собиратель не известен. XIX в., остров Кадьяк.

335.

Образец аппликации № 4104–16.

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, кишки, краска, олений волос, хлопчатобумажные и шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: высота 17 см, ширина 15,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

336.

Ритуальный маут (пуных-пак) № 2888–68.

Народ: кадьякцы.

Материал: китовые сухожилия, дерево, олений волос, хлопчатобумажные и шерстяные нити, бусина, ткань.

Размеры: длина 255 см, длина до раздвоения 115 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Такой маут невеста дарила жениху как свидетельство своего мастерства в рукоделии. К этому же типу относятся мауты № 2888–69 и № 2888–72.

337.

Ритуальный маут № 2888–69.

Народ: кадьякцы.

Материал: китовые сухожилия, олений волос, хлопчатобумажные и шерстяные нити, ткань.

Размеры: длина 255 см, длина до раздвоения 120 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

338.

Ритуальный маут № 2888–72.

Народ: кадьякцы.

Материал: китовые сухожилия, олений волос, хлопчатобумажные и шерстяные нити.

Размеры: длина 123 см, длина до раздвоения 102 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

339.

Украшение из бисера № 7401–16.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: бисер, хлопчатобумажные нити.

Размеры: длина 9 см, ширина 2 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

► 340.

Стилизованное «дерево» с фигурой птицы № 6708–6.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, ткань, шерстяные нити, олений волос, сухожилия, железо.

Размеры: высота 22 см, диаметр 2,2 см, длина птички 4,8 см, ширина птички 2,3 см. Подставка: длина 7,5 см, ширина 6,5 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

Это «дерево» и фигурки птиц являлись изделиями сувенирного промысла и предназначались для продажи европейцам.

341.

Фигурка птицы № 620–42/а.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, сухожилия, олений волос, шелк, шерстяные нити.

Размеры: длина 8,5 см, ширина 3,2 см, высота 3,9 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

342.

Фигурка птицы № 620–42/б.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, сухожилия, олений волос, шелк, шерстяные нити, ткань.

Размеры: длина 9,4 см, ширина 3,9 см, высота 2,4 см.

Собиратель И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

343.

Фигурка птицы № 620–42/в.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, сухожилия, олений волос, шелк, шерстяные нити.

Размеры: длина 3,7 см, ширина 1,2 см, высота 1,6 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

344.

Фигурка птицы № 620–43/а.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, сухожилия, олений волос, шерстяные нити.

Размеры: длина 20 см, ширина 8,7 см, высота 10,2 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

345.

Фигурка птицы № 620–43/б.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, сухожилия, олений волос, ткань, шелк, шерстяные нити.

Размеры: длина 12 см, ширина 5,7 см, высота 7,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

346.

Фигурка птицы № 620–43/в.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, олений волос, сухожилия, ткань, шерстяные и хлопчатобумажные нити.

Размеры: длина 12 см, ширина 4,2 см, высота 6,2 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

347.

Фигурка птицы № 337–35/1.

Народ: кадыякцы.

Материал: моржовая кость, краска.

Размеры: высота 3,2 см, длина 10 см, ширина 2,5 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., остров Кадыяк.

Во многом похожие фигурки из кости вырезали эскимосы района залива Нортон и острова Святого Лаврентия. Эти фигурки птиц (№ 337–35/1, –35/2, –35/3, –36/4, –35/5, –35/6) и резцы для резьбы по дереву и кости (№ 593–49/а–д) являются яркими свидетельствами культурного единства эскимосов аляуттик и юпик западной Аляски.

348.

Фигурка птицы № 337–35/2.

Народ: кадыякцы.

Материал: моржовая кость.

Размеры: высота 3,1 см, длина 6 см, ширина 2,9 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., остров Кадыяк.

349.

Фигурка животного № 337–35/3.

Народ: кадыякцы.

Материал: моржовая кость.

Размеры: высота 2,4 см, длина 3,4 см, ширина 2,2 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., остров Кадыяк.

350.

Фигурка птицы № 337–35/4.

Народ: кадыакцы.

Материал: моржовая кость.

Размеры: высота 2 см, длина 3,3 см, ширина 1,6 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., остров Кадьяк.

351.

Фигурка птицы № 337–35/5.

Народ: кадыакцы.

Материал: моржовая кость.

Размеры: высота 1,4 см, длина 3,2 см, ширина 1,5 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., остров Кадьяк.

352.

Фигурка птицы № 337–35/6.

Народ: кадыакцы.

Материал: моржовая кость.

Размеры: высота 1,5 см, длина 2,8 см, ширина 1,5 см.

Собиратель: П. П. Дорошин. 1848–1853 гг., остров Кадьяк.

353.

Ожерелье № 2868—47.

Народ: кадькцы.

Материал: сухожилия, семена, моржовая кость.

Размеры: длина в расправленном виде 196 см. Фигурка медведя: длина 4 см, ширина 1,6 см, толщина 1,3 см.

Собиратель: В. М. Головнин. 1818 г., остров Кадьяк.

Ожерелье украшено реалистичной фигуркой медведя, выточенной из моржовой кости.

354.

Украшение № 7401—6.

Народ: вероятно, кадькцы.

Материал: моржовая кость, краска.

Размеры: верхняя часть — длина 4,7 см, ширина 4,1 см.

Подвески: длина 6,7 см, ширина 1,9 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТА

«О сотворении мира имели следующее понятие: был некто Кашишихилук (мудрец или хитрец). В то время не было ни дня, ни ночи. Он начал дуть соломиною, отчего постепенно выходила из воды земля и не приметно расширялась; потом, когда он еще не переставал так же дуть, открылось небо, явилось солнце, а после вечера показались звезды и взошел месяц, наконец увидели зверей и людей» [Гедеон 1994: 77–78].

«О происхождении своем коняги имеют престранные мнения: иные говорят, что байдарка с первыми людьми упала с неба; иные, что на Кадьяке была сука, а на Аляске большой пестрой кобель, переплывший на остров, и что от них породились жители оногo; некоторые же думают, что на Кадьяке была девка, к коей приплыл с Уналашки кобель, и от них произошли как коняги, так и собаки» [Давыдов 1812: 99].

«Шилам Шуа [Лам Шуа. — С.К.], что значит хозяин мира, коняги молятся как самому великому духу. <...>

После каждой успешной охоты приносили жертву Шилам Шуа, которая состояла из животных — морской выдры, тюленя или чего-то подобного, но никогда из человека. Также если кто-то хотел удачной охоты, то приносил ему жертву» [Holmberg 1985: 61].

«В сие состояние [шаманство. — С.К.] отцы и матери назначали детей своих [сыновей. — С.К.] еще при рождении, давая им имя женское и обучая тому рукоделию, которое только прилично оному полу, а напоследок поручат известному шаману. По такой причине все шаманы их были неженаты и бороды [подбородки. — С.К.] имели вытотованные [покрытые татуировкой. — С.К.]» [Гедеон 1994: 78].

«Шаманы учатся своему искусству с малолетства. Уверяют, что они имеют сношение с нечистым духом, по внушению которого могут предсказывать будущее. Они также считают, что некоторым детям положено судьбой быть земными шаманами и что они видят всегда свое назначение во сне. Хотя у каждого из этих обманщиков есть нечто особенное, но основное у всех одинаковое. В середине Бараборы постигается нерпичья кожа или другого зверя, подле которой ставится сосуд с водой. Шаман выходит на вышеупомянутую подстилку и, скинув с себя обыкновенное платье, надевает камлейку задом наперед. Потом красит свое лицо и покрывает голову париком из человеческих волос с двумя перьями, похожими на рога. Напротив садится человек, который

предлагает ему вопросы. Одевшись и выслушав просьбу, шаман начинает песню, к которой мало-помалу присоединяются зрители, и напоследок составляется хор или, лучше сказать, шум. При этом шаман делает разные телодвижения и прыжки до тех пор, пока в беспамятстве не падает на землю. Потом он опять садится на кожу и начинает такие же неистовые движения. Так продолжается долгое время, наконец шаман объявляет ответ, полученный им от нечистого духа. Шаманы исполняют также и должность лекарей, но только в самых трудных болезнях. За это непременно надо их одарить, с тем, однако, чтобы больной выздоровел, в противном же случае отбирают подарки назад. Все их лечение больного состоит в вышеописанном бесновании.

После шаманов первое место занимают кассеты, или мудрецы. Должность их состоит в обучении детей разным пляскам и в распоряжении увеселениями или играми, во время которых они занимают место надзирателей» [Лисянский 1947: 186–187].

«Коняги имеют великую доверенность к колдунам и без совету их не начинают никакого важного предприятия. Зимой, по окончании игрищ, колдуны предсказывают будущее счастье или несчастье и хороший или худой промысел звериный» [Давыдов 1812: 61].

«Многие алеуты еще и поныне придерживаются шаманизму и разным предрассудкам; так, например, промышленники морского промысла тайно раскапывают покойников, достают череп и кладут его в нос своей байдарки в той уверенности, что с этим талисманом лов морских зверей будет для них удачнее и они не погибнут в море» [Марков 1856: 100].

«Приезжающих гостей встречают, вымаравшись красною краскою и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военное оружие, а гости подъезжают точно так, как на сражение. Как скоро они приблизятся к берегу, хозяева бросаются в море по самым руди. Байдары и байдарки со всем возможным проворством выносятся на берег, потом спешат поскорее вынести гостей из байдар и относят их поодиночке к первому учрежденному для игры месту на своих спинах; там, посадя всех по местам, все молчат до тех пор, пока напьются и наедятся. Первая и лучшая почесть состоит в том, что подают холодную воду, а потом мальчики разношативают кушанье, жир, толкуши, состоящие из смешения жиров тюленьего, китового и сивучьего, иначе морских львов называющегося. Также ягоды, как то: бруснику, клюкву, чернику, княженику и другие, присовокупляя к тому и разные коренья; ягоды без смешения. Сушеную рыбу, называемую юкола; звериное и птичье мясо, у кого что случится лучшее. Соль им неизвестна. Каждое кушанье прежде всех должен хозяин начать сам есть и пить, а без того гости ничего не вкушают, по сему надобно думать, что они иногда мешают и отравы. Хозяин, начав каждое кушанье, подает первой-

шему гостю, который, взяв несколько для себя, посылает прочее по порядку другому, и так до самого последнего доходит. Остатки от кушаньев все обращаются к первому, а сей кладет в одно место, при отбытии же все то гости увозят с собой.

По окончании кушанья продолжают разговоры, а затем начинается игра с бубнами и побрякушками. Некоторые надевают разного и странного вида маски, деланные из дерева и выкрашенные разными красками, а потом выносят гостей в сделанную особую большую казиму, в которую людей вмещается множество. <...> Тут происходит игра со всеми по обыкновению их церемониями; покуда гости во оной пробудут, играют день и ночь непрестанно; усталые спят тут же, а проспавшись, опять за игру принимаются» [Шелихов 1971: 58–59].

«Суеверие коняг было первою причиною основания игрищ, кои обыкновенно начинаются с декабря месяца. Открываются оные некоторым таинственным торжеством, при коем женщины и дети присутствовать не могут. Берут пук соломы, каждый окуривает его шишукком, потом зажигают, и промышленники просят духов о послании им хорошей ловли зверей. По окончании сказанного обряда мужчины выходят из кажима, жители всего селения, от мала до велика, зажигают лучины и крича бегают по полю и вокруг домов. После сего начинаются уже игрища, при коих все могут присутствовать, и продолжаются почти до тех пор, покуда достает у конягов съестных припасов на потчевание гостей.

Девка или мальчик, дабы иметь право находиться на сих увеселениях, должны быть введены в первый раз отцом, который изрезывает лучшее свое платье и дарит присутствующим по лоскуту. Место отца занимает иногда мать или ближайшая родня. Кажим, где обыкновенно празднества сии происходят, принадлежит всему селению. По окончании игрищ ломают оный, разбивают на куски личины, режут колпаки, портят все служившее к украшению действовавших лиц и бросают в лес. Иногда коняга, по окончании сделанного им в кажиме своем игрища, изрезывает лучшее платье и дарит по лоскуту гостям, дабы отблагодарить тем за сделанную ему посещением честь» [Давыдов 1812: 96–97].

«Желающий сделать игрушку созывает всех соседей своих в кажим. Когда они сядут на лавках, а он, принесе толкушу, поставит на середине и станет у дверей, тогда все начинают петь, похваляя его сродников. По окончании своей песни садится на полу и объявляет всем, кого он намерен позвать на игрушку, какой ему сделает подарок и когда за ним пошлет. После сего, встав, дарит хозяина кажима и того старика, который во время игрушки своими разговорами должен забавлять гостей, а особливо по окончании одной пляски и песни, еще другая не так скоро начинается. Наконец, сам подносит толкушу каждому по старшинству. Едят учтиво, понемногу, чтоб каждому досталось. За таковое угощение поблагодарив его, расходятся по домам.

Игрушки их обыкновенно продолжают в конце осени и в начале зимы до тех пор, пока у них находят кормовые припасы. <...> Производятся они в кажиме, а на котором жиле нет его, в алеутской прихожей или в большом отделении, где спят. Сходятся все — мужчины, женщины, девицы и малые. Мужчины в кажиме сидят на лавках, а женщины — под лавками на полу, каждая под своим мужем. Старики бьют в бубны и начинают песни в честь своих праотцов и отцов, вспоминая, что у них байдары бывали, бобры бывали и проч. За ними все поют, а мужчины в своих нарядных шапочках и узорчатых колпаках, нарочито для таковых случаев сделанных, в то же время пляшут поодиночке с побрякушками в руках, то подпрыгивая, то приседая, то уклоняясь во все стороны — размахивая побрякушками в такт; в таковых движениях представляют разные свои промыслы, например, как китовый промышленник колет стрелой кита и от него увертывается, как гоняют бобра и проч. Потом, скинув нарядные колпаки, надевают странные личины разных видов и разные маски и в оных так же под песни пляшут с побрякушками или поодиночке или по два, тоже представляя. Женщины и девицы всегда танцуют одни, без мужчин, важно встав в прямую линию одна подле другой плотно, то приседая тихо, мало, почти неприметно и подобным образом выправляясь, то склоняясь на правую и на левую сторону. Они при начале своей пляски сперва выставляют вперед левую руку, согнувши пальцы, держат ее в таковом положении до тех пор, пока поют без речей; когда же те, которые бьют в бубны и продолжают песню в честь своих умерших, чуть упомянут имя и смерть своего сродника, тогда они вдруг стройно оборачивают ладонью к земле. Во время их пляски веселые старики различным образом стараются довести их до того, чтоб другие из них рассмеялись, для того что, по их обыкновению, тот отец или муж непременно обязан платить штраф в пользу старых и бедных, чья дочь или жена хотя чуть улыбнулась во время пляски. <...> Таковые игрушки продолжают через всю ночь почти до самой зари. По окончании делающий игрушку дарит парками, янтарем и суклями или тем, чем богат, того, кого звал в гости, также хозяина кажима, говоруна и кого еще заблагорассудит. Расходятся без всяких обрядов, но скромно, без шума, молча» [Геден 1994: 64–65].

«Действие должно было представить промышленников, отправляющихся на ловлю зверя.

Около большой посередине покоя зажженной площадки сидели два человека с бубнами или с обтянутыми вокруг обруча с ручкою пузырями, так что бубен походил на воланную ракетку, только больше оной. Бубны не ровны и самой большой находится в руках действующего, представлявшего начальника [№ 571–23, 666–14. — С. К.]. По обеим сторонам площадки стояли в камлейках две девки, наряженные самым щегольским образом, то есть в носовом хрящу торчала длинная кость, в нижней губе и ушах прорет был бисер, на голову же насыпано много ор-

линого пуху. Подле них стояло двое мужчин с побрякушками в одной руке и с байдарочными веслами в другой. Побрякушки состоят из круглых двойных обручей, около которых навешано множество носов птиц, просто называемых топорками, или известных в натуральной истории под названием морских попугаев (*Perroquets de mer*) [№ 571–22. — С. К.]. На веслах изображены были рыбы и звери морские, или водоземные [№ 593–93/а, –93/б. — С. К.]. У сих двух действующих лиц, вымазанных красным карандашом, голова и спина усыпаны были также орлиным пухом. Вместо шапок имели они род шишаков из согнутых прутьев, и один таковой пруттик проходил каждому из них в рот, наподобие удила у лошадей [№ 571–1/а, –1/б. — С. К.]. Разные перья и каменной папоротник, зеленеющий и зимою, закрывали совсем почти лица сих американцев. Сидящие с бубнами имели на головах шляпы, украшенные перьями [№ 5795–23. — С. К.]. К потолку над местом представления подвешено было несколько различных стрел, сложенных крестообразно, и к ним привязаны: 1-е байдарка [№ 568–5. — С. К.]; 2-е набитые шкуры; 3-е некоторые промышленные орудия и чучелы или манчики, служащие американцам для приманивания тюленей [№ 593–99, –100. — С. К.]. Сидевший в стороне на скамейке все сие качал в лад голоса, нарочно привязанною веревкою. Сей человек находился также в числе действующих, ибо одет был в камлейку [№ 2868–231. — С. К.]. Для дополнения совершенного описания сего позорищного места должно сказать, что потолок онаго был убран сухою травою.

Представляющий начальника с другим сидящим у площадки [№ 868–1. — С. К.] били палочками [№ 571–25с/1–2. — С. К.] в бубны; промышленники с малыми веслами в руках гремели погремушками в лад, и все пели довольно порядочным голосом, перемежая изредка напев, чем управлял начальник. Если бубны станут бить чаще, то все вдруг закричат, ибо и зрители большая часть подтягивали. Девки во все время держались обеими руками за камлейки и только что из стороны в сторону покачивались. Начальник беспрестанно что-нибудь покрикивал, как например: „Вот берег, пристанем к нему! Звери придут к тому, кто ничего еще не убил...” и сему подобное. Когда он выговаривал: „Вот звери!” Тогда вдруг все кричали разными голосами, подделываясь под голоса различных зверей; свистали в нарочно сделанные свистки и, словом, поднимали ужасный шум. Когда представление на несколько минут прерывалось, то промышленники качались и гремели побрякушками, согласуясь один с другим.

Между тем действующим принесли разной пищи, состоящей по большей части из ягод с жиром, и поставили вокруг площадки [№ 571–34. — С. К.].

Тут же лежал камень с красными пятнами, представляющий гроб какого-то известного у них человека, в память которого сделано следовавшее за сим представление; но я не мог конца онаго дожидаться» [Давыдов 1810: 201–205].

«Тойон, или начальник, Лесного острова, приехал звать нас к себе на игрище. <...> В середине

кажима горела большая плетка, по стенам несколько маленьких; место представления, потолок над головами нашими покрыты были сухою травой. Представляли промышленников, едущих на ловлю зверей, то есть то же самое, что мы видели в гавани [в селении Павловская Гавань. — С.К.] в кажиме. И здесь также два человека сидело около плетки с бубнами, двое стояли по сторонам оной с маленькими веслами и побрякушками, нагие, имея по всему телу выведенные красные полосы, в личинах и с палочками во рту. Личины сии сделаны из согнутых прутиков, так что сквозь оные видно почти все лицо человека, выкрашенное белою и красною красками. Над плеткою на перекладинах, связанных накрест четверугольным, висели стрелы, байдарки, манчики с другими приборами, и все сие один человек качал, как и прежде. Но здесь по четырем углам сих перекладин, на подвешенных дощечках сидели еще по человеку, в таких же, как и первые двое, личинах и с выведенными по телу различными полосами. Сих также качали. Впрочем, представление было тоже. Причина установления онаго, по рассказам тойона, была следующая: один островитянин ездил пять лет за промыслом и не мог убить ни одного зверя, хотя прежде считался славным промышленником. Тогда с горести стал он удаляться людей и жил в горах. В одну ночь, проведенную им на вершине сопки, видел сон и, пришед после того в селение, сделал сие игрище, такое точно, как он во сне видел. С того времени лов зверей был сопровождаем для него счастливейшим всегда успехом; почему и ныне островитяне представляют сие игрище, в надежде иметь от того удачный промысел зверей.

Зрители состояли из природных жителей, нарядно одетых. Женщины были в лучших своих платьях, как-то: в парках суконных, еврашечьих или из урильких шеек. Почти все имели сквозь носовой хрящ прорезные кости или нанизанной на палочках бисер; на руках же, ногах, шее и в ушах столько онаго было, сколько могло уместиться или сколько которая имела. Все были весьма довольны представлением. В продолжение игрища женщины беспрестанно приносили кушанье, потчевали оным; но лишь только заглядывались, то мальчики вырывали блюдо из рук и убежали вон, женщины гонялись за ними и все громко тому хохотали» [Там же: 208—210].

«Своих мертвых погребают они в круглых могилах глубиною в три фута вокруг своих хижин или же поодаль, где они думают, что место подходящее. Они надевают на них новую парку, раскрашивают лицо, кладут их украшения из кораллов, которые уже считаются нечистыми; на дно ямы настилают траву, на траву настилают шкуру тюленя, на нее кладут труп на бок, пятки к задку и закрывают яму старыми балками, на которые у мужчин кладут каяк, гарпуну и стрелы (все это в нескольких местах разрубают), натягивают поверх их сеть и все привязывают ремнями к балкам; с боков и сверху кладут тяжелые камни. Еще закапывают они рассыпанные кораллы в близ-

ком к могиле месте. Их могилы называются *Kungik*. Трупы своих более любимых родственников они кладут в один из своих сараев на шкуру тюленя и закрывают такой же шкурой, причем вход туда хорошо закладывают. Если же вонь начинает распространяться в хижину, в которой они по-прежнему жили, то они обрушивают сарай на гниющий труп и укладывают снаружи сарая все, что обычно кладут на могилу.

При погребении стоят родственники и друзья и оплакивают покойника. Иногда оплакивают по несколько дней. Из оставшихся обычно отец и мать, а если их нет, то ближайшие родственники остригают волосы и чернят лицо углем на некоторое время. <...> Волосы они потом опять отращивают. То и другое соблюдают дети после смерти своих родителей или супруги, если один из них умирает; если умирают более богатые или более почитаемые, то убивают еще раба или рабыню (в зависимости от их пола), чтобы похоронить вместе с покойником» [Мерк 1978: 76—77].

«Если кто из алеутов умрет, то, кроме малых детей, созывают всех родных и знакомых, кои, собравшись, садятся вокруг умершего, плачут, приговаривая над мужчиною, что он уже не будет промышленником, делать игрушки, есть толкуши, китовины, ездить на войну и проч. Над женщиною или девицею — что она не будет носить парок, янтарей, суклей, бисера, танцевать на игрушках, шить байдарки и есть китовины, сараны и ягод с жиром, как то: морошки, княженики и малины (это их лакомство) и проч. После сего копают яму в довольном расстоянии от жилищ, гроб делают в могиле клеткою из дров, когда случается — кладут их туда во всей любимой одежде и украшениях, прикрывают лавтаками, окладывают камнями, потом засыпают землю и сверх могилы некоторые ставят наискось длинные лесины. Зимую зарывают в спальнях.

После пяти дней остригают себе волосы в знак печали и по зорям ходят полгода и более на могилу, где плачут, поя жалобные песни» [Гедон 1994: 72].

«Кадьякцы бывают привязаны не столько к живым, сколько к своим умершим родственникам. Покойник одевается в самое лучшее платье, а потом кладется по большей части опять на то же место, где лежал во время своей болезни. Между тем, как копают яму, родственники и знакомые неутешно воют. После приготовления могилы тело умершего завертывается в звериные кожи, а вместо гроба обтягивается лавтаками. Потом оно опускается в могилу, поверх которой кладут бревна и камни. По совершении погребения дальние родственники уходят по домам, а ближние остаются и плачут до захода солнца. В прежнее время после смерти какого-либо из знатных людей имели обыкновение убивать невольника, или калгу, как здесь их называют, и погребали его вместе с господином или госпожою. Теперь же тела даже самых богатых осыпаются только раздавленным бисером или янтарем, что, однако же, случается весьма редко. С умершими охотниками кладется их оружие,

т. е. бобровые, нерпичьи и китовые стрелки. Наверху ставят решетки байдарок. Я видел длинные шести, воткнутые над могилами, которые означали высокий род погребенной особы. Говорят, что кадьякцы чрезвычайно печалются по покойникам и плачут при каждом о них упоминании. Стрижка волос на голове и мариане лица сажей считается здесь знаком печали по

умершим. Жена, лишившись мужа, оставляет свой дом и уходит в другое жилище, в котором и проводит известное время. То же самое делает и муж после смерти своей жены. После кончины детей мать садится на 10 или на 20 дней в особо построенный маленький шалаш, о котором мною было упомянуто раньше» [Лисянский 1947: 181–182].

355.

Маска (атмальчик) № 571—1/а.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, жгуты соломы, кишки, ткань, китовый ус, перья, водоросли, сухожилия.

Размеры: высота с усом 108 см, высота с дисками 38 см, ширина с дисками 41 см, высота каркаса маски 27 см, ширина каркаса маски 22 см, ширина профиля 25 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

Эта маска и маски № 571–1/б, –2/а, –2/б изображают зубатого кита кашалота. Полоски китового уса с перьями на концах символизируют «фонтаны» воды, выпускаемые китом при дыхании. Эти маски использовались во время ритуального праздника для обеспечения удачной охоты в следующем промысловом сезоне. По сведениям И. Г. Вознесенского, оно состояло из шести действий.

В первом действии использовался комплект предметов из четырех масок охотников № 571–1/а, –1/б; № 571–2/а, –2/б. В этот комплект входят и «клювы птиц-глупышей, которые надеваются на рты шестью нагими мальчиками, открывающими игру первого действия. Туземное название этих клювов „Чухэт” [№ 571–3/а, –b, –c, –d, –e, –f. — С. К.], и «шесть штук бантов из перьев, навязываемых на левую руку каждого действующего лица в первом действии, называется „Камуатэт»» [№ 571–5/а, –b, –c, –d, –e, –f. — С. К.] [ИФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 до 1918. № 9. Л. 67].

356.

Маска (атмальчик) № 571–1/в.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, жгуты соломы, кишки, ткань, китовый ус, перья, водоросли, сухожилия.

Размеры: высота с усом 115 см. Маска: высота 28 см, ширина 23 см, ширина профиля 20 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

В дневнике И. Г. Вознесенского приведено описание начала церемонии, во время которой использовались вышеперечисленные маски: «Музыка: (во время алеутской кадьякской игрушки) свист то пронзительный, то слабый, замирающий. В бубен бьют громко, слабо и проч. Поют протяжно, более на слова -и-н-а; кричат „и ар ви?“ (точно как резанные быки).

В начале каждой пляски жгут или курят (валерьяною) полевым ладаном. Тот, который качает стрелки, сидит на полке, нарочито устроенной для него над самыми дверями, раскрашенный красным графитом, в новой камлейке, на груди у него развешаны разные приборы, состоящие из сумочек и наклейки слюды. На противоположенной стороне бубенички и свистульчики [музыканты с погремушками-трещотками и свистульками. — С. К.]. Те, которые бьют в бубен, они же и запевалы. Их было двое; сначала они сидели на нерпичьей коже на земле перед жирником, а под конец игры — на скамье, которая сделана была в круге бараборы» [Ляпунова 1967: 29–30].

357.

Маска (атмальчик) № 571–2/а.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, жгуты соломы, кишки, ткань, китовый ус, перья, сухожилия.

Размеры: высота с усом 105 см, высота с дисками 43 см, ширина с дисками 46 см, высота каркаса маски 30 см, ширина каркаса маски 23 см, ширина профиля 25 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

«Первая пляска; посредине бараборы горит жирник; по сторонам его по лафтаку [шкуре тюленя. — С.К.], на них два плясуна, у которых в правой руке трещотки, в левой палка, около нее они вертятся кругом. Плясуны совсем голые. На голове перья и личина вроде забрала рыцарей: украшена кусками морской капусты, вымоченной в жиру. <...> На руках вроде крыл из пучка белых перьев. Сначала ходят под запов и редкие удары в бубен в две стороны, потом становятся одни перед другими лицом к лицу, делают беспрестанные движения той рукой, в которой побрякушки, махая вправо и влево; один наклоняется до земли, а другой в это время поднимается и закидывает голову назад; эти наклоны — очень комические — повторяют несколько раз. Наконец, кружатся и начинают бегать вокруг жирника, стараясь не поддаться в быстроте своих ног один другому, то есть тот молодец, который не закружится и не устанет. Зрители одобряют его криком, и тем кончается. В кругу лежит камень, который бывает преткновен во время кругового бега. Пляска эта продолжается три четверти часа» [Ляпунова 1967: 30].

358.

Маска (атмальчик) № 571–2/в.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, жгуты соломы, сухожилия, клювы топорка, китовый ус, перья, водоросли.

Размеры: высота с усом 108 см, высота с дисками 40 см, ширина с дисками 48 см, высота каркаса маски 32 см, ширина каркаса маски 21 см, ширина профиля 23,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

359–364.

Украшения для лиц танцоров, символизирующие клювы птиц (чухэт) № 571–3/a, –3/b, –3/c, –3/d, –3/e, –3/f (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: кожа, краска, перья, сухожилия.

Размеры: длина без перьев 16,5 см, ширина 6 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

365–370.

Повязки для левой руки танцоров (камуатэт) № 571–5/a, –5/b, –5/c, –5/d, –5/e, –5/f.

Народ: кадыякцы.

Материал: солома, китовый ус, перья, сухожилия.

Размеры: общий диаметр 15 см, диаметр кольца 5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

371.

Маска, изображающая больного (каниглиш) № 571–4.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, растительное волокно.

Размеры: высота 34,3 см, ширина 17 см, ширина профиля 14 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

Маска ко второму действию ритуала.

«Вторая пляска. Начинают петь протяжно, ровно. В бубен ударяют тихо и изредка. Сцена пуста. Сидевшие на качалках в четырех углах бараборы под самую крышою свистульчики с трещотками вдруг спадают на землю, раздеты точно так, и головы украшены так же, как и у первых, и, в сидячем положении пребыв несколько минут на одном месте, вдруг поднимаются на ноги, гремя трещотками под такт голосов и бубна, потом, помявшись на одном месте, идут кругом, часто наклоняясь и поднимаясь; как бы делая поклоны друг другу и отступая поскорее назад. Теперь пляшут четыре человека (сначала ходят, а потом бегают до усталости). Одеты так же, как и первые.

При этой пляске поют женщины очень недурно голосом протяжным и тихим. Наконец кружок делается поболее, медленная и мерная ходьба превращается в бег, начинают друг друга толкать, стараясь сбить с ног и тем одолеть, чтобы получить громкое одобрение. Эта пляска, смотря как устанут плясуны, продолжается полчаса или более» [Ляпунова 1967: 30].

372.

Маска, изображающая весельчака (кингнум-шва) № 571—6.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, ткань, перья, сухожилия, волосы.

Размеры: общая высота 107 см, общая ширина 85 см, высота основы 73 см. Личина: высота 28 см, ширина 14,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

Маска использовалась во время третьего действия, в ее верхней части изображен косяк рыбы, идущей на нерест.

«Третья пляска. От входа в барабору с левой стороны из-под покрытого кожей угла выползает танцор, один (solo). Туловище покрыто со спины птичьей паркою, с перед — камлейкою. На голове огромной вышины шапка. В маске. Музыка. Пение тихое и ровное» [Ляпунова 1967: 30].

Здесь в дневнике И. Г. Вознесенского записи обрываются, но эти и другие ритуальные принадлежности из собрания МАЭ можно соотнести с описанием аналогичной церемонии из книги Г. И. Давыдова, процитированной в начале этого раздела.

373.

Маска, изображающая безносого калеку (шакуялык) № 571–7.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, растительное волокно.

Размеры: высота 35 см, ширина 18,5 см, ширина профиля 10,2 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

Маска к четвертому действию ритуала.

374.

Маска, изображающая духа птицы кулика (наконали) № 571–8.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, китовый ус, солома, перья, сухожилия.

Размеры: общая высота 60 см, общая ширина 70 см. Маска: высота 30 см, ширина 22 см, ширина профиля 12,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

Маска к пятому действию ритуала.

375–376.

Маска, изображающая влюбленного (бахагилахвивак) № 571–9 и обруч для маски № 571–10.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, ткань, китовый ус, сухожилия, перья.

№ 571–9: высота 25 см, ширина 20 см, ширина профиля 9 см.

№ 571–10: высота с перьями 52 см, ширина с перьями 85 см, высота без перьев 23 см, ширина без перьев 18 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

Маска и обруч для нее относятся к последнему шестому действию вышеупомянутого ритуала. Во время церемонии в качестве музыкальных инструментов использовались погремушки-трещотки (№ 571–21/a, –21/b, –22, –24/a, –24/b) и бубны (№ 571–23, –25/a, –25/b, –26/a, –26/b).

377.

Маска (талюляххя) № 571–11.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, перья, птичий пух, кишки, китовый ус, сухожилия.

Размеры: высота 41 см, ширина 41 см. Маска: высота 29,6 см, ширина 21,5 см, ширина профиля 13 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

Нижняя часть этой маски символизирует клюв птицы. Приемы кадыакцев при изготовлении масок существенно отличались от приемов тлинкитов. Кадьякцы раскалывали заготовку из ствола дерева на две части. С наружной стороны заготовки вырезали маску и только потом обрабатывали ее внутреннюю поверхность. Тлинкиты использовали нижнюю часть ствола, которую распаривали, удаляли с нее кору и внутреннюю «мягкую» древесину. Поэтому заготовка для маски имела полукруглую форму, из которой было гораздо легче вырезать личину, чем из расколотого пополам ствола дерева.

378.

Маска № 571–12.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, китовый ус, сухожилия.

Размеры: высота 35,5 см, ширина 46,5 см. Маска: высота 28,2 см, ширина 21 см, ширина профиля 9,2 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1843 г., остров Лесной.

379.

Погремушка-трещотка (кальхнаамыт) № 571–21/а.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: диаметр 23,5 см, ширина рукояти 1,8 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Погремушка использовалась для вызова духов. Она состоит из двух крестообразно закрепленных реек, к которым привязаны два обруча разного диаметра с клювами топорков. Этот тип погремущек был широко распространен среди народов тихоокеанского побережья Северной Америки, от индейцев нутка острова Ванкувер на юге до эскимосов побережья Берингова моря на севере.

380.

Погремушка-трещотка (кальхнаамыт) № 571–21/в.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: диаметр 23,5 см, ширина рукояти 1,8 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

381.
Погремушка-трещотка (кальхнаамыт) № 571–22.
Народ: кадьякцы.
Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.
Размеры: диаметр 23 см, ширина рукояти 2,7 см.
Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

382.

Погремушка-трещотка (кальхнаамыт) № 571–24/а.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: диаметр 21 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

383.
Погремушка-трещотка (кальхнаамыт) № 571–24/в.
Народ: кадьякцы.
Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.
Размеры: диаметр 22 см.
Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

384.

Погремушка-трещотка № 633–7.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: диаметр 30 см.

Собиратель: П. В. Повалишин. 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

385.

Погремушка-трещотка № 4104–19.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: диаметр 19,5 см, ширина рукояти 2 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

386.

Погремушка-трещотка № 4104–20.

Народ: кадыякцы.

Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: диаметр 20 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

387.

Погремушка-трещотка № 4104–21.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: диаметр 22,5 см, ширина рукояти 1,6 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

388.

Погремушка-трещотка № 4157–90.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, клювы топорка, сухожилия.

Размеры: диаметр 23,5 см.

Собиратель: М. Н. Васильев. 1820–1821 гг., Аляска.

389.

Бубен (чавыак) № 571—23.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, пленка с мочевого пузыря, сухожилия.

Размеры: длина с рукояткой 64,5 см, диаметр 49 см, ширина обруча 4 см. Рукоятка: длина 22 см, диаметр 2,9 см. Личина на рукоятке: высота 5,8 см, ширина 4,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., остров Кадьяк.

На рукоятке этого и других бубнов из коллекции И. Г. Вознесенского вырезаны личины духов-помощников шаманов — владельцев бубнов. Считалось, что у каждого шамана было несколько духов-помощников, но один из них являлся главным или личным духом-хранителем шамана, который всегда приходил ему на помощь.

390.

Бубен (чавыяк) № 571–25/а.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, пленка с мочевого пузыря, сухожилия.

Размеры: длина с рукояткой 64 см, диаметр обруча 47 см, ширина обруча 4 см. Рукоятка: длина 24,5 см, диаметр 2,8 см. Личина на рукоятке: высота 5,5 см, ширина 4 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

391.

Бубен (чавыак) № 571–25/в.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, пленка с мочевого пузыря, сухожилия.

Размеры: длина с рукояткой 66,5 см, диаметр обруча 46,5 см, ширина обруча 4,3 см. Рукоятка: длина 24,5 см, диаметр 3,1 см.

Личина на рукоятке: высота 5,3 см, ширина 3,8 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

► 392–393.

Колотушки для бубнов № 571–25с/1–2.

Народ: кадыякцы.

Материал: дерево, краска.

№ 571–25с/1: длина 47 см, ширина 0,8 см.

№ 571–25с/2: длина 46,3 см, ширина 1 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

394.

Бубен (чавыяк) № 571–26/а.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, пленка с мочевого пузыря, сухожилия.

Размеры: диаметр 49,5 см, длина с рукояткой 69 см. Рукоятка: длина 24,5 см, диаметр 2,7 см. Личина на рукоятке: высота 6,5 см, ширина 4,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

395.

Бубен (чавыяк) № 571–26/б.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, пленка с мочевого пузыря, сухожилия.

Размеры: диаметр обруча 46 см, ширина обруча 3,8 см, длина с рукояткой 65 см. Рукоятка: длина 25,3 см, диаметр 2,7 см. Личина на рукоятке: высота 7,3 см, ширина 4,8 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

396.

Бубен № 666—14.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, мочевого пузыря сивуча, сухожилия.

Размеры: диаметр 31 см, общая длина 42 см, ширина обода 2,6 см. Рукоять: длина 14 см, ширина 5 см.

Собиратель: И.И. Биллингс. 1790—1792 гг., Аляска.

397–398.

Весла № 593–93/а, –93/б (слева направо).

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры:

№ 593–93/а: длина 146,5 см, ширина 15 см, толщина 3,5 см.

№ 593–93/б: длина 153,5 см, ширина 12,6 см, толщина 3,5 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., остров Кадьяк.

Весло № 593–93/а использовалось во время зимних церемоний, проводимых для обеспечения удачной охоты в следующем промысловом сезоне. На лопасти весла изображены, вероятно, речная выдра и мифическая Птица-гром. Этот персонаж известен в мифологии эскимосов юпик, алеутов, тлинкитов и других индейцев северо-западного побережья. В таком же виде Птица-гром изображается на изделиях юпик [Inua 1982: 184; 1988: 9].

399.

Пучок травы № 3235—5.

Народ: кадыакцы.

Материал: растительное волокно.

Размеры: длина 14,5 см, ширина 2,5 см.

Собиратель: В. М. Головнин. 1818 г., остров Кадьяк.

«На острове Сутхум роют корень, называемый конягами шишук. Растение онаго имеет весьма короткий стебель, с четырьмя или пятью продолговатыми листочками. Шишук довольно хорошо пахнет, им курят, а родители пьют настоянную из него теплую воду» [Давыдов 1812: 83].

400.

Фигурка женского предка № 536—2.

Народ: кадыакцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры: высота 16 см, ширина 8,7 см, толщина 4,4 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., остров Кадьяк.

Фигурка женского предка была у каждой девочки. Считалось, что до момента инициации девочки в фигурке жил дух ее предка — бабушки или прабабушки, который защищал девочку от враждебных духов.

401.
Фигурка женского предка № 699–1.

Народ: кадьякцы.

Материал: моржовая кость, бисер, сухожилия.

Размеры: высота 9 см, ширина 7,3 см, толщина 4,5 см.

Собиратель: вероятно, Ю. Ф. Лисянский, 1804–1805 гг., остров Кадьяк.

«Чем <...> древнее, тем превосходнее работа, а особенно резьба из кости. Это ремесло, судя по куклам, находящимся у меня, было в хорошем состоянии, если принять во внимание, что оно принадлежало необразованным людям. Но ныне с трудом можно сыскать человека, который изобразил бы что-нибудь порядочное» [Лисянский 1947: 186].

402. ►

Фигурка предка № 2938–4.

Народ: кадьякцы.

Материал: дерево, краска, человеческие волосы, сухожилия, бисер.

Размеры: высота 16 см, высота без волос 12,5 см, ширина 4,7 см, толщина 2,9 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., остров Кадьяк.

«Мертвых зарывают в землю в лучшей одежде, со всем им принадлежащим, включая и байдару. При этом все вещи разламываются на мелкие куски. Если умер бедный человек на открытом месте, то тут же выкапывают яму, в которую стелют кожи морских зверей и такими же покрывают самого покойника. Потом засыпают землей. Кожу, из которой была сделана его байдара, раздирают, а дерево ломают на куски, и все это кладут на могилу. Сверху ее обкладывают еще камнями. Ежели кто умер в юрте, хоронят в его спальном отделении и делают так же, как было выше сказано. Когда умирает богатый человек, то убивают и с ним же хоронят его любимого слугу, а если умирает богатая женщина, то ее любимую служанку должна ожидать такая же смерть — ее убьют и с хозяйкой вместе похоронят» [Биллингс 1978: 50].

403.

Фигурка предка № 2938–24.

Народ: вероятно, кадьякцы.

Материал: дерево, краска.

Размеры: высота 7,4 см, ширина 3,4 см, толщина 2,6 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

«Память умерших, отличившихся на войне и на промыслах звериных, весьма уважаются. <...>

Когда островитяне делают игрища в память родных своих, то по окончании оных дарят присутствующих. Во время сих поминок один говорит похвальную речь покойнику, за что получает весьма щедрые подарки» [Давыдов 1812: 85–86].

ЧУГАЧИ

«Чугачи — туземцы окрестностей залива Чугацко-го к северо-востоку от Кенайского залива — принадлежат к одному племени с кадьяками, но, по родственным связям с якутатскими колошами [тлинкитами. — С.К.], подходят, по наружному виду, близко к последним. Происхождение свое, по преданиям, они выводят от собаки, а не от ворона или волка, как колоши, и, как полагают некоторые, переселились в настоящие места с о. Кадьяка <...> во время междоусобных войн. Хотя близкое сходство в поверьях с кадьяками и собственно наречие, корень которого есть язык последних туземцев, подтверждают в некоторой степени это предположение. <...> Одежда их отличается также от соседних им жителей северного материка, т.е. они не одеваются, как те [атапаски. — С.К.], в оленьи шкуры, а шьют себе парки, подобно алеутам, из птичьих шкур, а камлеи — из кишок морских и земноводных животных. Наклонности их так же, как и островитян [кадьякцев. — С.К.], миролюбивы, но, вероятно по родству с колошами, они гораздо честолобивее первых» [Тихменев 1863: 351–352].

«Чугачи одного происхождения с кадьяками; но будучи окружены народами, истари им враждебными, подвергались набегам колош с моря, а жителями Медной реки с сухого пути и потому были воинственны, крайне осторожны и отменно трудолюбивы. При посещениях первыми русскими судами берегов, ими населенных, они были неприступны для пришельцев» [Хлебников 1835: 38].

Из дневников Г. В. Стеллера и С. Л. Вакселя — участников экспедиции на пакетботе «Св. Петр» под командованием В. Й. Беринга о посещении острова Каяк в 1741 году

«Я прошел вдоль берега не более версты, когда в одном месте обнаружил следующие признаки людей. Под деревом я нашел как бы корыто, выдолбленное из куска ствола дерева, в нем несколькими часами ранее дикари, не имеющие котлов и блюд, готовили пищу <...> с помощью разогретых камней. <...>

Рядом с деревом неподалеку от кострища, где сохранялись свежие уголья, я нашел также деревянное огниво. Не зная стали, народы как на Камчатке, так и по всей Америке обычно добывают огонь трением. <...>

Поваленные деревья, лежавшие тут и там, были так изрублены ударами тупого орудия, что можно догадаться, что их срубили каменными или костяными топорами. <...>

Бегло осмотрев все эти вещи и сделав кое-какие заметки, я продолжил путь. Пройдя примерно три версты, я нашел тропу, ведущую в очень густой темный лес, расположенный прямо на берегу. <...>

Но так как тропа разделялась на несколько меньших, уходивших в лес, мы обследовали некоторые из них, не заходя, впрочем, слишком далеко в лес, и через полчаса вышли на место, устланное скошенной травой <...>, под ней находился выкопанный погреб в две сажени глубиной, где лежали следующие предметы:

1. «Лукошки», или емкости, изготовленные из коры, в полтора аршина высотой, наполненные копченой рыбой. <...>

2. «Сладкая трава», из которой на Камчатке приготавливают водку.

3. Несколько видов травы, истрепанной, как это делается с коноплей. Я принял их за крапиву, которая здесь повсюду растет в изобилии и, вероятно, как и на Камчатке, используется для изготовления рыболовных сетей.

4. Еловая или лиственничная заболонь, свернутая в рулон и высушенная, ее едят в случае бедствий. <...>

5. Большие связки веревок, изготовленных из морской травы [водорослей. — С.К.], которые я опробовал и нашел чрезвычайно прочными и крепкими. Среди них я нашел также несколько стрел, которые по размерам далеко превосходят камчатские и приближались к стрелам тунгусов и татар, они были окрашены в черный цвет и очень гладко выскоблены, так что можно было подумать, что у этих людей есть железные орудия и ножи» [Стеллер 1995: 42–44].

«Хитрово рассказал, что на одном из островов [соседним с о. Каяк. — С.К.] он обнаружил несколько небольших построек, по всей вероятности, возведенных жителями материка, приезжающими на этот остров для рыбной ловли. Он заметил также, что местные жители, очевидно, имеют топоры и ножи, так как их постройки обшиты гладкими досками и украшены резьбой. Обитателей домов на месте не оказалось, возможно, что они спрятались на самом острове. <...> Найдены были также два костра, в которых огонь еще не погас, дорожки, на которых заметны были следы недавнего прохода людей, и заготовленные дрова» [Ваксель 1940: 57].

«Я пробыл на судне едва ли час, когда мастер Хитрово с партией примерно в пятнадцать человек вернулся на лангботе <...>, он привез с собой несколько предметов:

1. Деревянный сосуд, похожий на те, что в России изготовляют из липовой коры и используют вместо коробов.

2. Камень, который, вероятно, за отсутствием лучшего, служил точилом и на котором были видны полосы меди, откуда я заключил, что их орудия <...> должны быть медными. <...>

3. Пустотелый шарик из обожженной глины два дюйма в диаметре, заключающий в себе камень, греющийся при встряхивании, который я счел игрушкой для малых детей.

4. Хвост чернобурой лисицы.

5. Лопасть весла от каноэ» [Стеллер 1995: 46–47].

«Мне пришло на мысль спросить их о командире Беринге, не помнят ли его судна, которое самое первое должны они были видеть у сих берегов... Один из американцев сказал мне, что он слышал от своего отца о сем судне и что оно приходило не к Цук-

ли, но к острову Каяк, который от здешнего места лежит к востоку, на полтора дня езды, где американцы в летнее время обыкновенно промышляют бобров. Люди с сего судна сходили на берег и оставили в их шалашах некоторое число ножей и корольков» [Сарычев 1952: 158].

Из журнала путешествия П. К. Зайкова (1783 г.)

«Американцы росту среднего, глаза и волосы имеют черные, платье по большей части носят из гусиных, оленьих и медвежьих кож; волосы над глазами подрезывают, а назади [на затылке. — С.К.] вяжут, а у иных и подрезаны; в лице имеют краски схожею меди [лица имеют цветом, похожим на медь. — С.К.], (в) нижняя губы и носах имеют прорези» [Зайков 1863: 4].

«Бывший на судне американец пересказал, что они — шугачи [чугачи. — С.К.] имеют драку или войну, также и торг с пятью родами американцев: 1-й кинягами, то есть острова Кадьяка жителями, 2-й меж Кадьяком и Шугачинскою бухтою, в бухте же матерой земли живущими народами киняями [танайна. — С.К.], 3-й иулитами [атна. — С.К.], живущими по вышеописанной большой реке, 4-й от острова Каяк к востоку по берегу Америки с живущим народом, называемым лахамитами [ияк. — С.К.], 5-й за ними к востоку живущими родом коложу [глинкиты залива Якутат. — С.К.], кои все к ним и они к коим ездят большими байдарками, партиями в разные времена года» [Там же 1863: 7].

«Шапки носят [из. — С.К.] деревянных кореньев, на манер шляп наших круглых. Еще по бытию наших 25 числа на берегу, вблизи у шалашей, нашли ящик, в котором лежат женского пола еврашичи двойные парки и один ковер из шерсти белой, наподобие овечьей, сплетенный, с кистями из такой же шерсти сделанными и выкрашенными желтой и кофейной красками; ковер взяли и вместо его в ящик положили бисеру синего, корольков и иголок» [Там же 1863: 6].

«Шугач имущество примечено — платье оленье, еврашечье, тарбаганье, медвежье. Также видели из европейских бутылок зеленого стекла обломки, орудия никакого не заметили при байдарках, веселки однорушные [весла однолопастные. — С.К.] из легкого елового дерева сделанные, оставя все им, невредимо отъехали к судам» [Зайков 1863: 2].

«Во время бытия нашего на берегу видели у шугач орудие — луки недолгие [недлинные. — С.К.] деревянные в четыре фута, стрелы в два фута, у которых есть на концах копейцы [лезвия. — С.К.] меди красной и аспидные [лезвия из черного аргиллита. — С.К.] и из больших ракушек, куяки [боевые доспехи. — С.К.] деревянные перевиты жилую, также есть копы меди красной фута два, а иные костяные — из медвежьей кости сделанные, ратовья [острия наконечников. — С.К.] тонкие дюйма в два длиною, по две сажени како-

го орудия видели немало; по куякам можно заключить, что они имеют у себя неприятелей» [Там же 1863: 5].

«Зайков выступил с тремя судами своими в поход в июле и в августе месяце достиг благополучно до желанного места, называемого ныне по-русски Чугачинской залив.

Здесь встретили они гораздо превосходнейшее число народа, нежели на островах Алеутской гряды, и хотя начальные успехи их в промысле были довольно значительны, но вскоре храбрые чугачи преградили им путь к оным. Промышленники сии, полагаясь на мужество свое и превосходство, которое они всегда одерживали над островитянами [алеутами. — С.К.], принялись за оружие. Отважные чугачи, утравившие набегамы своими все окружные племена, а особливо жителей острова Кадьяка, не убоаясь русских ружей: они действовали стрелами своими столь удачно и храбро, что во многих стычках одержали верх над неприятелями своими и в дополнение преградили им способы к промыслам и пропитанию» [Берх 1823: 112–113].

Отрывки из книги Г. А. Сарычева о посещении залива Принс Уильям в 1790 году

«Здешние американцы росту среднего, лицом смуглы, волосы на голове имеют черные, жесткие и прямые, много походят на алеутов. Платье их состоит в одной птичьей парке, на голове носят такие же кореньевые [сплетенные из корней. — С.К.] маленькие шляпы, как и жители на острове Кадьяке. У некоторых американцев разрезана нижняя губа под самым ртом, в параллель его, на полтора дюйма, и в сию дыру вкладывают из зеленой яшмы сделанные дощечки в $\frac{3}{4}$ дюйма шириною и в $2\frac{3}{4}$ дюйма длиною. Байдарки здешних жителей одноместные и двуместные, точно такие же, каковы мы видели у кадьякских островитян» [Сарычев 1952: 155].

«Последнюю ночь ночевали мы, не доходя до залива Нучек $6\frac{1}{2}$ миль, вместе с американцами, которых нашли несколько семей, расположившихся на самом берегу моря, как видно для промыслу рыбы. Некоторые из них жили в составленных из досок шалашах, другие под тремя опрокинутыми большими кожаными байдарками. Увидев нас, подъезжающих к ним, делали они обыкновенный обряд: простирали руки и кричали: „Ляли, ляли“. Когда я вышел на берег, то один из них подошел ко мне и, обняв меня, прикладывал свои щеки к моим. Сей человек был приметно выше прочих и имел лицо, вымаранное черною краскою. Толмач сказал мне, что как он, так и другой, бывший с ним, есть тойоны, или старшины, в своих семьях. Приметно было, что они сначала нам не доверяли и несколько боялись. Я обласкал их и уверял, что мы обиды им никакой не делаем, а хотим быть друзьями. Тогда они, указывая на солнце, свидетельствовались оным, что худого намерения против нас не имеют» [Там же 1952: 158].

«Здешний островной народ... в случае твердых клятвенных уверений указывают они на солнце и им свидетельствуют, из чего и примечается, что они его боготворят» [Шелихов 1971: 94].

Из дневника П. П. Дорошина (1850–1852 гг.)

«Редут [Константиновский. — С.К.] образует небольшая четырехугольная площадка, обнесенная высоким сплошным частоколом, между которыми на двух углах, по диагонали, поставлены деревянные же башенки с небольшими амбразурами и бойницами. <...> Внутри редута находятся дом управляющего, казармы для команды, лавка и амбар. Вне стен расположена часовня, два-три домика, принадлежащие креолам, и выглядывают из земли бараборы чугачей. Чугачи переселились сюда с соседних островов, чтобы под пушками редута найти защиту от нападения колош, живущих на берегу материка от острова Каяк к Якутату. Это селение чугачей называется Хатлипское; в нем в 1850 г. было 111 душ, а в 1852 г. — 103 души, из них мужского пола 51, а женского 52, они образовали 18 семейств.

Чугачи, кроме того, живут еще в следующих селениях: Цуклакском (на острове Цукли). В 1850 г. их было здесь 20 душ, а в 1852 г. 35; из них мужского пола 20, а женского 15, — в 6 семействах; в Ченигакском (на материке) в 1850 г. было 64 души, в 1852 г. — 59: мужчин 33, а женщин 26 и составляли 10 семейств; в Канихлюкском (на материке) в 1850 г. — 46, а в 1852 г. — 42: муж(ской) пол 26, а женского 16; семейств 8, и наконец в Татихлакском (на материке) в 1850 — 32, а в 1852 — 45 душ: мужчин 23, женщин 22; семейств 4.

Следовательно, в пяти селениях всех чугачей было в 1850 г. — 282, а в 1852 году — 284 души. Они считаются под ведением управляющего Константиновским редутом. Есть еще два селения, в которых живут чугачи: Александровское, при входе в Кинайский залив, и Ахмылинское, лежащие на юго-восточном берегу Кинайского полуострова. Жители этих селений считаются в ведении Александровской одиночки. В первом из них в 1852 году считалось, как чугачей, так и кенайцев — 99 душ: муж. пола 42 и женского 57, составлявших 18 семейств. В то же время в Ахмалинском селении было 65 чугачей: мужчин 30 и женщин 35, в 10 семействах.

След (овательно), все число чугачей было никак не более 448 душ. <...>

Чугачи принадлежат к эскимосскому племени. Племя это под именами: кадьякцев или коняг, чугачей <...> заселяет берега Чугачьего залива, остров Кадьяк, лежащий против него берег Аляски — не спускась по этому полуострову южнее широты южной оконечности Кадьяка. <...>

Чугачи — ближайшие соплеменники кадьякцев. Язык тех и других, обычаи, религиозные предания — одни и те же. Они, без сомнения, выселенцы с острова Кадьяк, который, быть может, должны были оста-

вить вследствие усобиц. Собственные же предания их говорят о совершенно противном. По преданию, предки их пришли с Севера. Я слышал такой рассказ:

«К северу от острова Каяк есть на материке местечко Чилькак. Там один могучий старик сотворил мужчину и женщину. Сначала старик хотел сделать их из камня, но, поставив на ноги уже готового мужчину, он сломал нечаянно ему левую ногу. Тогда решил сделать людей из земли. Оттого люди и умирают: земля разрушается. Если бы сделаны были из камня, то жили бы вечно. Народилось детей у них много. Стал муж с женой думать: если мы еще здесь останемся, то будет так много людей в Чилькаке, что не достанет птиц на парки (зимняя одежда). И стал первый чугач собирать кучку из песка: дал ей вид длинный, узкий; сделал в ней два углубления и говорит старику: „Ты могуч, ты сделал нас; сделай же, чтобы эта кучка песка превратилась в такую посудину, в которой мы могли бы по морю плавать“. Старик исполнил его желание и явилась двухлучная байдарка.

На этой байдарке пустились первые чугачи в море. Сначала увидели они Каяк, потом Кочек; пристав к этим островам, нажили здесь детей, оставляли их иплыли далее. Увидели Нучек, Цуклак и другие острова, всем дали названия и на всех оставили потомство. Пристали к берегу, но остаться не могли: удобных мест мало. Но, оставляя за собой острова и берега Чугачьего залива, первая чугачка горько заплакала, запев песню, в которой прощалась навсегда со своим потомством. <...> В море увидели путешественники острова Ушугнак (Перегрёбные) и Шуяк, а наконец и Кадьяк, на котором плодилось много птиц. Здесь странствователи решили остаться навсегда, убедясь, что на Кадьяке и им, и их детям будет из чего шить парки. Сначала чугачи питались сырою пищею; но когда научились плести плотные корзины, то попробовали нагревать в них воду, опуская каленные камни. В горячую воду опускали сначала морскую капусту (Fucus) и другие произведения моря, остающиеся на берегу во время отлива; но когда опыт удался, то попробовали варить тюленья мясо, и оно сварилось хорошо. Так готовили пищу до русских”.

Рассказчица моя сама ела пищу, приготовленную таким образом. Она уже давно живёт. <...> Я прополз в конуру этой старухи, чтобы послушать от нее о недавнем прошлом, которое уже совершенно исчезает и забывается. Бараборы здешних чугачей гораздо теснее и грязнее кадьякских. Из общей для всей семьи бараборы прополз я круглым отверстием в конуру, длиною в сажень, шириною футов пять и вышиною фута четыре. В этой будке был деревянный пол, небольшое окно, затянутое пузырем, и вообще было очень чисто: старуха жила в молодости с русским, которому, или вообще русским, я должен приписать рассказ о „могучем старике“, сотворившем чугачей и их байдарку. Прежде чугачи происхождение свое вели от собаки, как это можно видеть в путешествиях Сарычева и Давыдова. <...>

Жен, говорила рассказчица, держали кто сколько мог, но не более четырех; хорошего в этом ничего не было, ни для жен, ни для многоженца, прибавила она

улыбаясь. За жен платили бобрами, что теперь еще осталось. Мертвых до сближения с русскими чугачи сожигали вместе с вещами покойника. Им показалось, что человек, умирая, прячется иногда и в море, а потому и вещи сожигали на берегу, чтоб умерший, протянув руку из воды, мог брать из пепла, что ему понадобится. Сожигали и умерших шаманов, чего колоши не делают» [Дорошин 1866: 366–373].

«Бобровый промысел продолжается с половины марта и по август. Бобров [каланов. — С.А.] бьют на рифе, вблизи устья Медной реки и около острова Каяк. <...> В партию набирают от 30–38 байдарок, следовательно от 74–100 человек, в селениях остаются лишь женщины и дети. Бобров сдается в Константиновский редут от 80–150 штук.

Зимой чугачи заняты добычей лисиц и выдр [речных. — С.К.]. Первых ловят кляпцами [капканами. — С.К.], в которые изредка попадают и выдры; но

этих последних обыкновенно промышляют собаками, которые выживают выдр из нор. <...> Таким образом, чугачи добывают в год от 200–250 выдр, а разных островных лисиц от 40–60 штук» [Там же: 375–376].

«Чугачи имеют особенные способы ловить тюленей. В темную бурную ночь человек становится при глубине на мысу и дожидается, как звери сии пойдут от погоды в бухту. Он стережет их с длинным шестом, в который вставлен носок с веревкою в 15 или 20 сажень. Проколов тюленя, выпускает всю веревку; потом притаскивает зверя к себе и, утомив его таким образом, добывает палкой» [Давыдов 1812: 194].

«Гусей на Кадьяке ловят петлями: в Чугацкой же губе, где они остаются на все лето, жители дожидаются, как они лянть начнут. Тогда, собравшись в большом числе байдарок, сгоняют множество гусей в кучу и гонят к берегу, где женщины и дети, зашед в воду, бьют их палками, и весьма разве малое число гусей спасается» [Там же 1812: 203].

ОРУДИЯ ПРОМЫСЛА

404–405.

Стрелы для охоты на морских животных № 536–25/1, –25/2 (слева направо).

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, перья, сухожилия.

№ 536–25/1: длина 89,5 см, длина головки древка до обмотки 25 см, диаметр 1 см, длина наконечника 2,6 см.

№ 536–25/2: длина 92,3 см, длина головки древка до обмотки 30,5 см, диаметр 0,9 см, длина наконечника 1,9 см.

Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., Аляска.

Основная часть стрел чугачей для охоты на морских животных и легких гарпунов кадьякцев документирована: известны их собиратели, время сбора и народ, у которого они были приобретены. При охоте на каланов и тюленей чугачи использовали в основном лук и стрелы, а кадьякцы — легкие гарпуны, бросаемые с метательной дощечки.

► 406.

Охотничий лук без тетивы № 536–5.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 121,5 см, ширина 3,3 см, толщина 2 см.

Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., Аляска.

407–412.

Стрелы для охоты на каланов № 2915–2, –3, –4, –5, –6, –7 (слева направо).

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2915–2: длина 92,7 см, длина головки древка до обмотки 31 см, диаметр древка 1 см.

№ 2915–3: длина 93,5 см, длина головки древка до обмотки 27 см, длина наконечника 2,4 см, диаметр древка 0,9 см.

№ 2915–4: длина 93,5 см, длина головки древка до обмотки 30,5 см, длина наконечника 3 см, диаметр древка 1,1 см.

№ 2915–5: длина 92,4 см, длина головки древка до обмотки 32 см, диаметр древка 1 см, длина наконечника 1,2 см.

№ 2915–6: длина 92 см, длина наконечника 2,5 см, длина головки древка до обмотки 28,5 см, диаметр древка 1 см.

№ 2915–7: длина 91,5 см, длина головки древка до обмотки 34 см, диаметр древка 0,9 см, длина наконечника 2,6 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., район залива Принс Уильям.

Стрелы чугачей для охоты на каланов и легкие гарпуны кадьякцев типологически сходны. Они состоят из древка с опереньем, костяной головки древка и отделяющегося наконечника. Стрелы чугачей и легкие гарпуны кадьякцев отличаются только размерами и формой нижней части древка: на стрелах есть вырез для тетивы, а на гарпунах его нет, так как гарпуны бросали с помощью метательной дощечки.

413–419.

Стрелы для охоты на каланов № 593–636/1, –636/2, –636/3, –636/4, –636/5, –636/6, –636/7 (слева направо).

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, кожа, сухожилия, перья.

Размеры:

№ 593–636/1: длина 90,3 см, длина наконечника 3,8 см, длина головки древка до обмотки 26 см, наибольший диаметр древка 1 см.

№ 593–636/2: длина 86,7 см, длина наконечника 4,1 см, длина головки древка до обмотки 18,7 см, наибольший диаметр древка 1,3 см.

№ 593–636/3: длина 89,5 см, длина наконечника 3,7 см, длина головки древка до обмотки 21 см, наибольший диаметр древка 1,2 см.

№ 593–636/4: длина 89 см, длина наконечника 3,3 см, длина головки древка до обмотки 21,5 см, наибольший диаметр древка 1,2 см.

№ 593–636/5: длина 87,8 см, длина наконечника 3 см, длина головки древка до обмотки 26,7 см, наибольший диаметр древка 1,2 см.

№ 593–636/6: длина 84 см, длина наконечника 2,9 см, длина головки древка до обмотки 23 см, наибольший диаметр древка 1,2 см.

№ 593–636/7: длина 90 см, длина наконечника 3,9 см, длина головки древка до обмотки 25,5 см, наибольший диаметр древка 1,3 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., Аляска.

В комплекте с этими стрелами — колчан № 593–63а и лук № 593–72.

420.

Колчан № 593–63а.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, сухожилия.

Размеры: длина 95,4 см, наибольший диаметр 9 см, наименьший диаметр 5,3 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., Аляска.

В комплекте с этим колчаном — стрелы № 593–63б/1–7 и лук № 593–72. Колчан сделан из половинок ствола дерева, которые соединены друг с другом сухожильными завязками.

Кроме чугачей деревянные колчаны были известны кадьякцам и тлинкитам. Луки у аляутинок и тлинкитов были одного типа. Среди кадьякцев и тлинкитов данный тип охотничьего лука и деревянного колчана распространен, вероятно, именно от чугачей.

421.

Охотничий лук с тетивой № 593–72.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, сухожилия.

Размеры: длина 132 см, ширина 3,3 см, толщина 2,1 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., Аляска.

В комплект к луку входят стрелы № 593–636/1–7 и колчан № 593–63а.

422–428.

Стрелы для охоты на морских животных № 2915–8, –9, –10, –11, –12, –13, –14 (слева направо).

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2915–8: длина 85 см, длина головки древка 13 см, диаметр 1,1 см.

№ 2915–9: длина 89,5 см, длина головки древка до обмотки 27 см, длина наконечника 3,8 см, диаметр древка 0,9 см.

№ 2915–10: длина 86,5 см, длина головки древка до обмотки 16,5 см, длина наконечника 4,5 см, диаметр древка 1 см.

№ 2915–11: длина 88,3 см, длина головки древка до обмотки 30,5 см, диаметр древка 1 см.

№ 2915–12: длина 91 см, длина головки древка до обмотки 27,5 см, диаметр древка 1,1 см, длина наконечника 3 см.

№ 2915–13: длина 87 см, длина головки древка до обмотки 26,5 см, диаметр древка 1,1 см.

№ 2915–14: длина 88 см, длина головки древка до обмотки 25 см, диаметр древка 1 см, длина наконечника 3,9 см.

Собиратель не известен. XIX в., район залива Принс Уильям.

429–435.

Стрелы для охоты на морских животных № 2915–15, –16, –17, –18, –19, –20, –21 (слева направо).

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2915–15: длина 89,7 см, длина головки древка до обмотки 27,5 см, длина наконечника 3,2 см, диаметр древка 1,1 см.

№ 2915–16: длина 91 см, длина головки древка до обмотки 28,7 см, диаметр древка 1,1 см.

№ 2915–17: длина 87 см, длина головки древка до обмотки 22,5 см, длина наконечника 4,2 см, диаметр древка 1 см.

№ 2915–18: длина 81 см, длина головки древка до обмотки 20,5 см, длина наконечника 4,3 см, диаметр древка 0,9 см.

№ 2915–19: длина 86,4 см, длина головки древка до обмотки 16 см, диаметр 1 см, длина наконечника 5 см.

№ 2915–20: длина 86,5 см, длина головки древка до обмотки 16,5 см, длина наконечника 6,3 см, диаметр древка 1,2 см.

№ 2915–21: длина 91 см, длина головки древка до обмотки 25,3 см, диаметр древка 1,2 см.

Собиратель не известен. XIX в., район залива Принс Уильям.

436.

Охотничий лук с тетивой № 2915–22.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, сухожилия.

Размеры: длина 101 см, ширина 3,7 см, толщина 1,9 см.

Собиратель не известен. XIX в., район залива Принс Уильям.

437.

Охотничий лук без тетивы № 2915–23.

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: дерево, сухожилия.

Размеры: длина 132 см, ширина 3,7 см, толщина 2,1 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

438.

Охотничий лук без тетивы № 2915–24.

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 123,5 см, ширина 3,6 см, толщина 2,1 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

439.

Охотничий лук без тетивы № 2915–25.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 127,5 см, ширина 4,2 см, толщина 2,2 см.

Собиратель не известен. Лук поступил до 1838 г., район залива Принс Уильям.

440.

Охотничий лук без тетивы № 2915–26.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 123 см, ширина 4,1 см, толщина 2 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., район залива Принс Уильям.

441.

Охотничий лук без тетивы № 2915–27.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 117,5 см, ширина 3 см, толщина 2 см.

Собиратель: М. Н. Васильев. 1820–1821 г., Аляска.

442–446.

Стрелы № 2044–1, –2, древко № 2044–3, стрелы № 2044–4, –5 (слева направо).

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, моржовая кость, кожа, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2044–1: длина 86,5 см, длина головки древка до обмотки 27,5 см, длина наконечника 2,6 см, диаметр головки древка 0,8 см, диаметр древка 0,9 см.

№ 2044–2: длина 87,5 см, длина головки древка до обмотки 25 см, длина наконечника 2,5 см, диаметр головки древка 0,9 см, диаметр древка 1,2 см.

№ 2044–3: длина 74,5 см, длина головки древка до обмотки 27 см, длина наконечника 3,1 см, диаметр головки древка 0,9 см, диаметр древка 1 см.

№ 2044–4: длина 88,5 см, длина головки древка до обмотки 26,3 см, длина наконечника 2,5 см, диаметр головки древка 0,9 см, диаметр древка 1 см.

№ 2044–5: длина 87,5 см, длина головки древка до обмотки 22,2 см, длина наконечника 3,7 см, диаметр головки древка 0,9 см, диаметр древка 1,1 см.

Собиратель не известен, поступили от Г. Креднера. XIX в., Аляска.

В комплект к этим стрелам входят лук № 2044–11, колчан № 2044–12 и стрелы № 2044–6–10.

447–451.

Стрелы № 2044–6, –7; древки стрел № 2044–8, –9; стрела № 2044–10 (слева направо).

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, кость, перья, сухожилия.

Размеры:

№ 2044–6: длина 70 см, длина наконечника до обмотки 12,3 см, ширина наконечника 1,3 см, диаметр древка 0,7 см.

№ 2044–7: длина 76,7 см, длина наконечника до обмотки 15 см, ширина наконечника 1,5 см, диаметр древка 1 см.

№ 2044–8: длина 55,3 см, диаметр древка 1 см.

№ 2044–9: длина 56,7 см, диаметр древка 1,1 см.

№ 2044–10: длина 74 см, длина наконечника до обмотки 5,1 см, ширина наконечника 3,1 см, диаметр древка 1,2 см.

Собиратель не известен, предметы поступили от Г. Креднера. XIX в., Аляска.

В комплекте со стрелами — лук № 2044–11, колчан № 2044–12 и стрелы № 2044–1 — 5.

Такие стрелы использовались для охоты на птиц и мелких пушных животных. Их наконечники могли поломать птице крылья, а животному — кости, не повреждая шкуру.

452.

Колчан № 2044–12.

Народ: чугачи.

Материал: замша, краска, сухожилия.

Размеры: длина 64 см, ширина 18,5 см.

Собиратель не известен, предмет поступил от Г. Креднера. XIX в., Аляска.

В комплекте с этим колчаном — лук № 2044–11 и стрелы № 2044–1–10. Кожаный колчан чугачей опубликован К. Биркет-Смитом [Birket-Smith 1953: 37]. В отличие от деревянных колчанов чугачей, колчаны из замши или кожи встречаются в этнографических собраниях редко.

453.

Лук № 2044–11.

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: дерево, краска, сухожилия, шерстяные нити.

Размеры: длина 137,5 см, ширина 6 см, толщина 3,2 см.

Собиратель не известен, предмет поступил от Г. Креднера. XIX в., Аляска.

В комплекте с этим луком — колчан № 2044–12 и стрелы № 2044–1–10. Вероятно, в коллекции № 2044 представлено оружие разных групп эскимосов. Колчан № 2044–12 и стрелы № 2044–1–5 — это оружие чугачей. Принадлежность лука № 2044–11 и стрел № 2044–6–10 к изделиям чугачей вызывает сомнения. Возможно, они сделаны эскимосами юпик западной Аляски.

454.

Модель двухлучного каяка № 568—6.

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: дерево, краска, кожа, кишки, сухожилия, олений волос, шерстяные нити.

Размеры: длина 91 см, ширина 12,5 см, высота с фигуркой 20 см, высота корпуса 7,5 см, высота носа 12 см.

Собиратель: А. Д. Романовский. 1840—1845 гг., Аляска.

О принадлежности этой модели каяка к изделиям чугачей свидетельствуют две характерные детали. Во-первых, на фигурке охотника вырезана шляпа с тремя цилиндрическими наставками. Шляпы такого типа были более распространены у чугачей, чем у кадьякцев. Все три шляпы с цилиндрическими наставками из собрания МАЭ принадлежат чугачам. Во-вторых, в этой модели каяка есть фигурка охотника, стреляющего из лука. Именно чугачи при промысле каланов и тюленей использовали лук и стрелы, а кадьякцы — легкие гарпуны, бросаемые с помощью метательной дощечки.

ВООРУЖЕНИЕ

455–458.

Боевые стрелы № 562–7/1, –7/2 и древки стрел № 562–7/3, –7/4 (слева направо).

Народ: чугачи.

Материал: дерево, медь, сухожилия, перья.

Размеры:

№ 562–7/1: длина 73,5 см, диаметр древка 1,1 см. Наконечник: длина 19,4 см, ширина 2,3 см, толщина черешка 0,3 см.

№ 562–7/2: длина 75 см, диаметр древка 0,9 см. Наконечник: длина 15,5 см, ширина 2 см, толщина черешка 0,4 см.

№ 562–7/3: длина 59 см, диаметр 1 см.

№ 562–7/4: длина 61,5 см, диаметр 0,9 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., Аляска.

Наконечники стрел сделаны из меди, что является свидетельством их древности. Искусство обработки меди способом холоднойковки было известно народам Аляски до знакомства с европейцами. Считается, что первыми научились обрабатывать самородную медь индейцы атна, а от них эти навыки заимствовали другие народы Аляски. Боевые стрелы кадьякцев, приобретенные Ю. Ф. Лисянским в 1804–1805 гг., имеют уже более прочные железные наконечники (№ 2890–14, –16).

459.

Усиленный лук без тетивы № 2915—30.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, сухожилия.

Размеры: длина 129,3 см, ширина 4,1 см, толщина с обмоткой 2,7 см.

Собиратель: С. П. Хрущев. 1823 г., район залива Принс Уильям.

Сухожильный жгут для усиления лука оборван, он закреплен только с одной боковой стороны и в центральной части древка лука.

460.

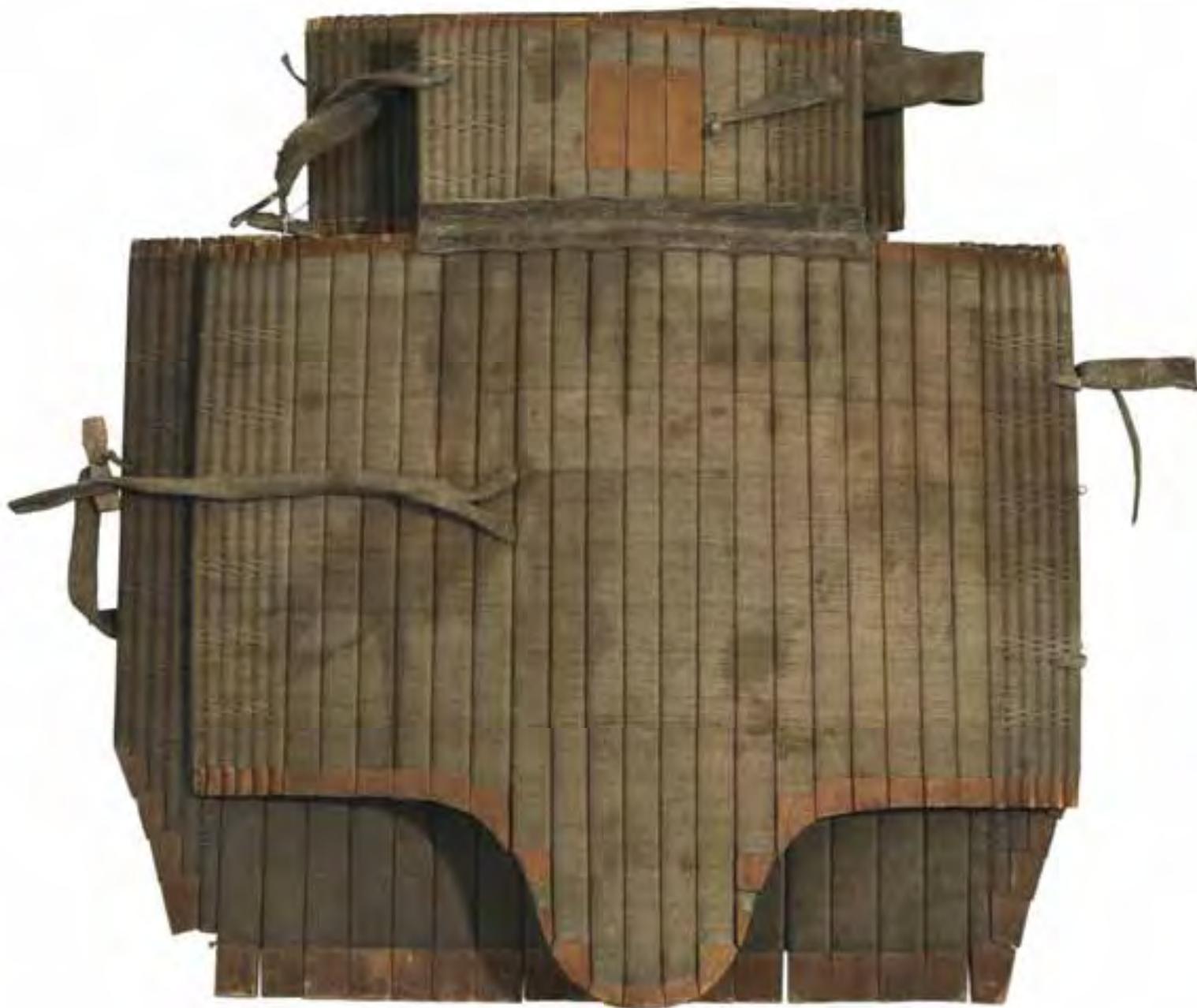
Усиленный лук без тетивы № 2868–186.

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: дерево, краска, кожа, рог, сухожилия.

Размеры: длина 141 см, ширина 3,9 см, толщина с обмоткой 2,8 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

461.

Боевые доспехи № 2454–6.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, олений рог, лосиная кожа, китовые сухожилия.

Размеры: длина 111,5 см, высота 61 см. Размеры в собранном виде: высота 61 см, ширина 57 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., район залива Принс Уильям.

Боевые доспехи защищали грудь и спину воина. Панцири чугачей состоят из двух разных по размеру частей. Большая часть панциря защищала спину, меньшая — грудь. Панцирь сделан из тонких деревянных реек, оплетенных сухожилиями. Пластинчатые деревянные доспехи были распространены на Аляске и в северо-восточной Азии. Боевые доспехи чугачей и тлинкитов конструктивно однотипны. Алеутские боевые панцири иные по форме, но тоже сделаны из вертикально расположенных деревянных пластинок. Боевые панцири из костяных пластинок эскимосов района Берингова пролива типологически ближе к алеутским доспехам. Главный конструктивный принцип — изготовление доспехов из пластинок — использовался всеми вышеупомянутыми народами.

462.

Боевой топор № 5795–7.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, камень, кожа.

Размеры: длина 56,5 см, ширина 27 см, длина рукоятки 51,5 см, длина ложа 18 см, ширина ложа 6,5 см. Лезвие: длина 20 см, ширина 7 см, толщина 4,5 см. Личины: диаметр 6,6 и 7,2 см.

Собиратель не известен. XIX в., район залива Принс Уильям.

На ложе для лезвия этого топора с двух сторон нарисованы лица легендарных предков, прославившихся военными подвигами.

463.

Рукоятка боевого топора № 4155–3.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 56,5 см, ширина рукояти 4,5 см, толщина рукояти 3,4 см.

Ложе для лезвия: длина 19 см, ширина 7,6 см, толщина 5,4 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. Первая половина XIX в., Аляска.

ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

464.

Короб с крышкой № 2915–1/a–b.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, железо, сухожилия, бусины.

Размеры: длина 22 см, ширина 19,4 см, высота 11,5 см. Крышка: длина 13,2 см, ширина 10,7 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., район залива Принс Уильям.

Наружная поверхность короба украшена барельефной резьбой, выполненной в тлинкитском стиле. Основным объектом изображения на коробе является голова медведя.

465.

Церемониальный сосуд в виде фигуры утки крохаль № 536—4.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 49 см, ширина 29 см, высота 17 см.

Собиратель: Ю. Ф. Лисянский. 1804—1805 гг., Аляска.

Сосуд вырезан в виде фигуры утки крохаль. На голове у этой птицы есть хохолок, а края клюва имеют зубчатую форму, благодаря чему она легко удерживает в клюве пойманную рыбу. Сосуд украшен «глазным орнаментом», характерным для культуры тлинкитов и других индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

466.

Сосуд в виде фигуры речного бобра № 2539–16.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 33,5 см, ширина 21,5 см, высота 7,5 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. 1804–1827 гг., Аляска.

Сосуд вырезан в виде фигуры речного бобра с характерными только для этого животного крупными передними резцами в полуоткрытой пасти и сетчатым хвостом.

Этот сосуд был опубликован в тлинкитском каталоге МАЭ как предмет со спорной этнической принадлежностью [Тлинкиты 2007: 58].

467.

Сосуд № 4105–6.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска.

Размеры: длина 36,5 см, ширина 21 см, высота 11 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

Одна из рукояток этого сосуда вырезана в виде головы медведя.

468.

Ложка № 518–1/а.

Народ: чугачи.

Материал: рог горной козы, бисер.

Размеры: длина 15,5 см, ширина 7,4 см.

Собиратель: В. И. Кашеваров. 1830–1838 гг., Аляска.

Для изготовления ложек чугачи, как и тлинкиты, использовали рога горных коз, которые размягчали в кипятке, чтобы придать им необходимую форму. Резьбой покрывали только рукоять. В верхней части рукоятки этой ложки вырезана голова орла, ниже — голова мифического существа с высунутым языком.

469.

Ложка № 620–22.

Народ: чугачи.

Материал: рог горной козы, бисер.

Размеры: длина 17 см, ширина 8,6 см.

Собиратель И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., Аляска.

470.

Ложка № 518–1/в.

Народ: чугачи.

Материал: рог горной козы, бисер.

Размеры: длина 17,7 см, ширина 7,5 см.

Собиратель: В. И. Кашеваров. 1830–1838 гг., Аляска.

«Ложки употребляют деревянные, выкрашенные, или выделывают их из рога диких баранов, получаемых из Чу-гацкой и Кинайской губы» [Давыдов 1812: 104].

471.

Ложка № 518–1/с.

Народ: чугачи.

Материал: рог горной козы, бисер.

Размеры: длина 15,8 см, ширина 7,3 см.

Собиратель: В. И. Кашеваров. 1830–1838 гг., Аляска.

В верхней части рукояти вырезана фигура орла.

472.

Ложка № 2539—33.

Народ: чугачи.

Материал: рог горной козы.

Размеры: длина 15 см, ширина 7 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—184 гг., район залива Принс Уильям.

473.

Ложка № 518—1/d.

Народ: чугачи.

Материал: рог горной козы.

Размеры: длина 17,6 см, ширина 5,8 см, диаметр рукояти 1,5 см.

Собиратель: В. И. Кашеваров. 1830—1838 гг., Аляска.

474.
Сумка № 536–10/а.
Народ: чугачи.
Материал: кожа тюленя, кожа с горла сивуча, краска, сухожилия, иглы дикобраза.
Размеры: длина 27 см, ширина 24 см.
Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., Аляска.

475.
Сумка № 536–10/б.
Народ: чугачи.
Материал: кожа, краска, сухожилия, шерстяные нити.
Размеры: длина 26,5 см, ширина 23,5 см.
Собиратель: Ю.Ф. Лисянский. 1804–1805 гг., Аляска.

476.

Корзина № 4291–7.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, соломка.

Размеры: высота 27 см, диаметр верха 32 см, диаметр дна 23 см.

Собиратель — неизвестный русский мореплаватель. XIX в., Аляска.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

477.

Плетеная шляпа № 562–5.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, краска, сухожилия, иглы дикобраза.

Размеры: высота 9 см, диаметр полей 30 см, диаметр тульи 9,5 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790–1792 гг., Аляска.

Эта низкая шляпа с маленькими полями относится к наиболее древнему типу плетеных шляп чугачей. Шляпы, датируемые первой половиной XIX в., более высокие и имеют широкие поля, как правило, около 40 см в диаметре. На передней части тульи изображена голова кита-косатки или морского льва. На другой стороне — антропоморфная личина, которая символизировала его душу.

478.

Плетеная шляпа № 562—4.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, краска, кожа, сухожилия.

Размеры: высота 40 см, диаметр полей 28 см, диаметр тульи 7,3 см, высота надставок 26 см.

Собиратель: И. И. Биллингс. 1790—1792 гг., Аляска.

Тип шляп с цилиндрическими надставками чугачи заимствовали у тлинкитов. Надставки означали количество ритуальных празднеств — потлачей, которые организовал владелец шляпы. Во время потлача вождь раздавал гостям — представителям другой фратрии — свое имущество и таким образом повышал свой социальный статус в глазах соплеменников. На шляпе намечены контуры для нанесения рисунка. Возможно, это незаконченный экземпляр.

479.

Плетеная шляпа № 633–16.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, краска, шерстяные нити, сухожилия.

Размеры: высота 37 см, диаметр полей 35 см, диаметр тульи 8 см, высота надставок 24 см.

Собиратель: М. П. Лазарев. 1823–1824 гг., Аляска.

Шляпа с четырьмя цилиндрическими надставками — символами количества потлачей, данных ее владельцем. Таким головным убором мог владеть очень богатый и могущественный вождь. На полях шляпы изображена стилизованная фигура птицы с расправленными крыльями, выше которой — лик Лам Шуа — демиурга в мифологии алютиик. Полосы, идущие вниз от глаз Лам Шуа, означают «всеведение» этого духа. Считалось, что он все видит, все слышит и присутствует везде одновременно. Орнамент и форма шляпы указывают на тлинкитское влияние.

Эта шляпа как предмет со спорной этнической принадлежностью была опубликована в тлинкитском каталоге МАЭ [Тлинкиты 2007: 92].

480.

Плетеная шляпа № 593—34.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, дерево, краска, соломка, ткань, сухожилия.

Размеры: высота 24 см, диаметр полей 37,5 см, диаметр тульи 6,5 см, высота надставок 13 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842—1843 гг., Аляска.

481.

Плетеная шляпа № 344–73.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, краска, китовый ус, сухожилия, ткань, хлопчатобумажные нити, бисер.

Размеры: высота 14,5 см, диаметр полей 37,5 см, диаметр тульи 9,5 см.

Собиратель: Р.К. Маак. 1859 г., Сибирь.

Рисунок на передней части шляпы изображает, вероятно, голову речного бобра с характерными для этого животного большими передними резцами в полуоткрытой пасти. На другой стороне шляпы — антропоморфная личина, изображающая его душу. Считалось, что души животных имеют человеческий облик. Аналогичные изображения животного с полуоткрытой пастью есть на шляпах № 593—34, 2520—19, 2520—27 и 5795—22.

482.

Плетеная шляпа (ауленак) № 2520–19.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, краска, кожа, ткань, хлопчатобумажные нити, сухожилия, бисер, янтарь.

Размеры: высота 16,8 см, диаметр полей 41,5 см, диаметр тульи 11 см.

Собиратель: И. Г. Вознесенский. 1842–1843 гг., Аляска.

Судя по количеству и качеству украшений из бус, эта шляпа принадлежала могущественному вождю. К вершине тульи и к лямке шляпы пришиты связки бусин из янтаря, который считался самым ценным и дорогим украшением у аляутиков. Зооморфная личина на тулье шляпы, вероятно, представляет речного бобра. С боковых сторон личины — красные полосы, они символизируют лапы животного.

483.

Плетеная шляпа № 2520–27.

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: корни ели, краска, ткань, хлопчатобумажные нити.

Размеры: высота 10 см, диаметр полей 33 см, диаметр тульи 7 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

На шляпе изображены животное и птица. На тулье нарисована голова речного бобра или медведя. Узор из четырех раскрашенных полос на полях символизирует крылья и одновременно всю фигуру птицы. Эти же символы нарисованы на шляпах № 593–34, 5795–22 и 2520–15, а на полях шляпы № 633–16 изображена фигура птицы с клювом, крыльями и хвостом.

484.

Плетеная шляпа № 5795—22.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, дерево, краска, бусины, раковины денталиума, перья, китовый ус, ткань, хлопчатобумажные нити, сухожилия.

Размеры: высота 12 см, диаметр полей 36,5 см, диаметр тульи 8,7 см, длина уса 60 см.

Собиратель — неизвестный православный миссионер. XIX в., Аляска.

На этой шляпе изображены те же персонажи, что и на предыдущей (№ 2520—27) — животное и птица.

485.

Плетеная шляпа № 633–18.

Народ: чугачи.

Материал: корни ели, соломка, краска.

Размеры: высота 12 см, диаметр полей 40 см, диаметр тульи 9 см.

Собиратель: В. М. Головнин. 1818 г., район залива Принс Уильям.

Шляпа с геометрическим узором в виде ромбов. Это самый простой и один из древнейших видов орнамента на плетеных изделиях чугачей.

Способы изготовления плетеных шляп чугачи заимствовали у тлинкитов. Шляпы аляутинок повторяют форму и основные принципы изображений на тлинкитских изделиях. Кадьякцы же научились плести шляпы у чугачей. Ареал распространения плетеных шляп включает побережье Северной Америки от острова Ванкувера до острова Кадьяк. Соседи аляутинок — алеуты, аглегмюты, танайна — плетеные шляпы не использовали.

486.

Плетеная шляпа № 2520—14.

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: корни ели, краска, кожа, хлопчатобумажные нити.

Размеры: высота 14 см, диаметр полей 41 см, диаметр тульи 11,2 см.

Собиратель: М. П. Васильев. 1820—1821 гг., Аляска.

В орнаменте этой и следующей шляп проявляется сильное влияние искусства тлинкитов. На передней части тульи нарисована голова акулы, ее хвост изображен на другой стороне шляпы и на полях. Рисунок головы акулы подобен изображениям на изделиях тлинкитов. В то же время синий фон полей и красная окантовка по краю шляпы — характерные черты изделий аляутиков. В этой же цветовой гамме раскрашены шляпы охотников на моделях каяка в Hood Museum of Art Дартмутского колледжа в Ганновере [Thin ice 2007: 27] и в собрании Национального музея Финляндии в Хельсинки [Vařjola, Averkieva, Liapunova 1990: 244].

Эта шляпа как предмет со спорной этнической принадлежностью была опубликована в тлинкитском каталоге МАЭ [Тлинкиты 2007: 97].

487.

Плетеная шляпа № 2520—15.

Народ: вероятно, чугачи.

Материал: корни ели, краска.

Размеры: высота 12,5 см, диаметр полей 39 см, диаметр тульи 10 см.

Собиратель не известен. XIX в., Аляска.

На тулье шляпы — две личины, смотрящие в разные стороны. Одна из них — это морское животное или рыба, другая — голова птицы с раскрытым клювом. Четыре полосы на полях, расходящиеся в разные стороны, символизируют крылья, хвост и голову.

Влияние тлинкитов в наибольшей степени проявилось в плетеных изделиях (шляпах) и бытовой утвари из дерева и рога (сосудах и ложках) чугачей. В то же время весь комплекс материальной культуры, связанный с охотой на морских животных и рыболовством (каяки, орудия охоты, одежда), остался типично эскимосским.

Эта шляпа как предмет со спорной этнической принадлежностью была опубликована в тлинкитском каталоге МАЭ [Тлинкиты 2007: 97].

488.

Фигура речной выдры с головой духа № 633–31/2.

Народ: чугачи.

Материал: дерево, краска, кожа, железо, голубые бусины.

Размеры: длина 75 см, ширина 51,5 см. Голова духа: высота 15 см, ширина 11,3 см, толщина 7,2 см.

Собиратель: М. П. Лазарев. 1823–1824 гг., Аляска.

Эта фигура речной выдры использовалась во время шаманских ритуалов. Внутренняя часть фигуры выдолблена, внутри нее закреплена деревянная раскрашенная мужская голова. С боковых сторон прикреплены две створки. Если их закрывали, то зрители видели целую фигуру выдры, если открывали — голову духа выдры в человеческом облике. Речная выдра считалась шаманским животным. Благодаря ее покровительству шаман получал возможность понимать речь не только животных, птиц, рыб, растений, но и духов.

Библиография

- Берх В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги русского купечества. СПб., 1823.
[*Биллингс И. И.*] Путешествие господина Биллингса из Охотска на Камчатку, пребывание его в сей стране, отправление на американские острова, возвращение на Камчатку, вторичное шествие морем до тех же островов с северной стороны, оттуда в Берингов пролив и на Чукотский нос. 1789–1790–1791 гг. (Пер. с англ. Ф. Каржавина. Ч. 2.) // Этнографические материалы Северо-восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. / Сост. З. Д. Титова. Магадан, 1978. С. 43–54.
- Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.; М., 1940.
[*Гедеон*] Записки иеромонаха Гедеона о Первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803–1808 гг. // Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / Отв. ред. А. Д. Дридо, Р. В. Кинжалов. М., 1994. С. 27–121.
- [*Готов С. Г.*] 1766 г. августа 22. Из рапорта С. Г. Готова Т. И. Шмалеву о плавании на судне «Св. Андреян и Наталья» в 1762–1766 гг. на Алеутские острова и открытия о-ва Кадьяк // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М., 1989. С. 101–110.
- [*Давыдов Г. И.*] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810–1812. Ч. I–II.
- Дорошин П. П.* Из записок веденных в Русской Америке // Горный журнал. 1866. Ч. 1. № 3. С. 365–400.
- [*Загоскин Л. А.*] Путешествия и исследования лейтенанта Л. Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956.
- [*Зайков П. К.*] Выписка из журнала штурмана Потапа Зайкова, веденного на судне «Св. Александр Невский» в 1783 г. // Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. СПб., 1863. Т. II. Приложения. С. 1–8.
- Лазарев А. П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 гг. М., 1950.
- Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947.
- Ляпунова Р. Г.* Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки // Культура и быт народов Америки (Сборник МАЭ. Т. XXIV.) Л., 1967. С. 5–33.
- Марков А.* Русские в Восточном океане. Путешествие Ал. Маркова. СПб., 1856.
- [*Мерк К.*] Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в Охотске // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. / Сост. З. Д. Титова. Магадан, 1978. С. 59–97.
- Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.
- Стеллер Г. В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки: 1740–1741. М., 1995.
- Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании СПб., 1863. Т. II.
Тлинкиты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб., 2007.
- Хлебников К. Т.* Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1835.
[*Хлебников К. Т.*] Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Сост. Р. Г. Ляпунова, С. Г. Федорова. Л., 1979.
[*Хлебников К. Т.*] Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск / Сост. С. Г. Федорова. М., 1985.
- Шелихов Г. И.* Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971.
- Birket-Smith K.* The Chugach Eskimo. Copenhagen, 1953.
- Black L. T.* Glory remembered. Wooden headgear of Alaska sea hunters. Juneau, 1991.
- Catalogue of the Ethnological Collections in the Sheldon Jackson Museum. Sitka, 1976.
- Holmberg's ethnographic sketches / Ed. by M. W. Falk. Fairbanks, 1985.
- Inua: Spirit World of the Bering Sea Eskimo / Eds. W. W. Fitzhugh, S. A. Kaplan. Washington, D. C., 1982.
- Inua: Spirit World of the Bering Sea Eskimo / Ed. Susan D. M. Rowley. Washington, D. C., 1988.
- Thin ice: Inuit traditions within a changing environment / Ed. by N. Stuckenberger. Hanover, 2007.
- Varjola P., Averkiewa J. P., Liapunova R. G.* The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki, 1990.

КАДЬЯК В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКИ*

На юго-западе современной Аляски люди появились 15–17 тыс. лет назад. В XVIII в. европейцы встретили здесь эскимосов, индейцев и алеутов, отличавшихся друг от друга языком и этнографическими особенностями. Культура некоторых лингвистически неродственных народов была сходной, а родственных существенно различалась. Эти особенности отражают сложную историю региона. О некоторых ее периодах известно мало, о других — значительно больше. Сведения для изучения прошлого аляутиков и их соседей предоставляют многие исторические дисциплины. Наиболее информативны материалы археологии, популяционной генетики, а также результаты сопоставления мотивов, которые содержатся в фольклоре и мифологии местного населения. Не углубляясь в генетику, рассмотрим то, что касается культуры. Начнем с археологии.

Кадьяк отделен от южного побережья Аляски 30-километровым проливом Шелихова. Некогда архипелаг мог являться продолжением Кенайского полуострова, но в плейстоцене сейсмические процессы и движение ледников их разделили [Karlstrom, Ball

1963: 49–50]. В период заселения Америки Кадьяк должен был оказаться на пути первых мигрантов в Новый Свет, что заставляет искать здесь древнейшие следы человека.

В последние годы археологи и генетики склоняются к предположению, что на территории, находившиеся к югу от Лаврентийского и Кордильерского ледниковых щитов, первые обитатели Нового Света проникли, следуя вдоль побережья южной Аляски. Главный довод в пользу такого маршрута — отнесение следов человека в Южной Америке к периоду 13–14 тыс. лет до н. э. и безусловно не позднее 12 тыс. лет до н. э. Для неспециалистов отметим, что обозначения «до н. э.» предполагают оценки возраста в календарных годах. Они основаны на датировках с помощью радиоуглеродного метода, которые отсчитываются от наших дней («столько-то лет назад», сокращенно «л. н.»). Для определения календарного возраста в даты вводится полученная сложными методами поправка. Для конца плейстоцена календарные даты отличаются от радиоу-

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ 07-06-00441-а и программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Древнейшее население Сибири и миграции человека в Новый Свет». Я признателен С. А. Корсуну, С. Б. Слободину и С. Л. Николаеву за предоставленные материалы, замечания и поправки.

глеродных примерно на 2 тыс. лет в сторону удреждения, а для радиоуглеродного возраста 35 тыс. л. н. поправка, по-видимому, достигает 5 тыс. лет. Пока даты для плейстоцена чаще публикуются без поправки, поскольку соответствующая шкала откалибрована недостаточно точно.

Если первые обитатели Нового Света прошли по свободной ото льда территории между ледниковыми щитами (так называемый коридор Маккензи вдоль восточного склона Скалистых гор в Канаде), то их древнейшие следы должны быть обнаружены как в самом коридоре, так и там, где он выходил на просторы Великих Равнин. Но материалов нужного возраста на этих территориях нет. Если же люди продвигались вдоль берега, то их следы и не могут быть найдены, поскольку после повышения уровня океана в голоцене древние прибрежные стоянки оказались глубоко под водой. Продвигаться в Америку первые поселенцы должны были из Берингии — суши, которая находилась на месте нынешних мелководий Чукотского и Берингова морей и прилегающих областей Чукотки и Аляски. Если на пути от западной оконечности Кордильерского ледника (на месте современных островов Уналашка и Умнак в Алеутской гряде) до архипелага Александра на юго-востоке Аляски люди могли высаживаться на свободные ото льда участки берега, то их миграция не выглядит удивительной. Лодки первые американцы скорее всего делать умели, поскольку обитатели Японии уже более 20 тыс. л. н. плавали за обсидианом к находящимся за 30 км в океане вулканическим островкам [Hashiguchi 1994]. Если же таких прибрежных оазисов на юге Аляски не было, то вообразить тысячекilометровое путешествие вдоль края ледника удается с трудом.

Согласно делавшимся ранее оценкам, вплоть до 11 тыс. л. н. Кадык вместе с полуостровом Аляска и проливом Шелихова был покрыт ледником [Yesper 1996: 272]. Лишь в горах на юго-западе главного острова на протяжении всего Висконсинского оледенения оставался небольшой оазис [Karlstrom, Ball 1963: 41]. Кроме того, были свободны ото льда расположенные к юго-западу от архипелага острова Тринити. Данные, полученные в начале 2000-х годов, дают, однако, иную картину. По-настоящему суровые условия были только в период последнего ледникового максимума (LGM), но уже 12700 до н. э. запад Кадыка, его восточная оконечность, а также прибрежная полоса материка от Кенайского полуострова и далее на юго-восток были почти повсеместно свободны ото льда [Hill 2006: fig. 3]. Ледники обрывались непосредственно в море только на обращенном

к проливу Шелихова побережье п-ва Аляска. 11 300 до н. э. во внутренних областях Британской Колумбии Кордильерский щит еще сохранялся, но на островных и прибрежных территориях он везде растаял [Ibid: fig. 4]. При бурении дна в Чукотском море к северо-западу от п-ва Лисберн были обнаружены свидетельства существенного потепления климата начиная с 12 000 л. н. (то есть примерно с 12 000 до н. э.), а 11 000 л. н. на северо-западе Аляски было, по всей видимости, теплее, чем сейчас [Elias 1966].

Таким образом, чтобы достичь в XIII тысячелетии до н. э. Южной Америки, люди вполне могли двигаться вдоль побережья Аляски, причем миновать Кадык им вряд ли бы удалось. Тем не менее шансы обнаружить следы эти ранних мигрантов невелики. Как уже было сказано, в периоды оледенений нынешняя мелководная акватория представляла собой сушу. Во время максимума последнего оледенения ок. 20 тыс. л. н. разница с современным уровнем составляла 130 м, 13 тыс. л. н. — 40 м, 10 тыс. л. н. — 20 м. Максимальная глубина Берингова пролива сейчас — 54 м. Где в точности проходила граница суши и моря на юге Аляски, определить бывает сложно не только из-за проблем с геологической датировкой, но и по причине сейсмичности региона. За истекшие тысячелетия подъемы и опускания участков земной коры в районе Кадыка происходили многократно.

Неудивительно поэтому, что ни на Кадыке, ни в районе залива Принс Уильям следов не только первых мигрантов, но и людей более позднего времени вплоть до среднего голоцена обнаружить не удалось. В голоцене уровень моря продолжал подниматься и стабилизировался только в VI тыс. до н. э., когда закончилось активное таяние ледниковых щитов. Как раз с этого времени, то есть с середины VI тыс. до н. э., на Кадыке появляются следы пребывания человека — культура Оушен Бей. Действительно ли архипелаг был заселен именно в середине VI тыс. до н. э. или же расположенные исключительно близ берега моря стоянки более раннего времени находятся под водой, сказать невозможно.

Если на Кадыке и имелось более раннее население, те люди, которые переселились сюда в VI тыс. до н. э. с материка, принесли с собой новую культуру. Она отличалась от Палеоарктической традиции, существовавшей на Аляске в предшествующий период. У Палеоарктической традиции и Оушен Бей есть сходные черты, к числу которых относятся клиновидные микронуклеусы, однако различий больше. Единственный синхронный и относительно близкий Оушен Бей по типу хозяйства и формам орудий

(особенно костяным наконечникам гарпунов) комплекс в Азии, Бойсманская культура, расположен на юге Приморья [Вострецов 1998; Yesner 2003: 10–11; Yesner et al. 2003]. Прямую миграцию оттуда на Аляску трудно представить, скорее оба комплекса могут иметь каких-то общих предков.

Культура Оушен Бей была открыта в 1963 г. на острове Ситкалидак, примыкающем с юго-востока к главному острову Кадыкского архипелага. Сейчас на Кадыке известно более 30 относящихся к ней памятников, а однокультурные комплексы (фаза Такли Берч) есть также на тихоокеанской стороне п-ва Аляска [Clark 1974; 1979; 1992; Crowell et al. 2001: 106–107; Klein 1996: 57]. Время появления и начального существования Оушен Бей соответствует эпохе климатического оптимума, альтитермала, когда на юге Аляски было теплее и суше, чем ныне. Правда пихтовых лесов, растущих сейчас в северо-восточной части архипелага, еще не существовало — пихта стала распространяться по Аляске со стороны Канады лишь в IV тыс. до н. э. [Fitzhugh, Kaplan 1982: 41]. Флора Кадыка вообще небогата, и виной тому не климат (погода здесь дождлива и переменчива, но в среднем не холоднее, чем почти на той же широте в Санкт-Петербурге), а изолированность территории, из-за чего утрата видового разнообразия в периоды оледенений не восполняется за время межледниковий. Так или иначе, но в условиях альтитермала люди могли довольствоваться постройками типа чума и не строить теплых землянок. Такие постройки, от которых сохранились следы в виде расположенных по кругу камней, — характерная особенность первого этапа Оушен Бей, закончившегося около 4000 г. до н. э. [Crowell et al. 2001: 107]. Судя по размерам, жилища Оушен Бей I предназначались для парных семей.

До появления человека на Кадык из крупных млекопитающих переплыл лишь бурый медведь, поэтому сухопутных охотников архипелаг вряд ли интересовал. Создатели культуры Оушен Бей изначально занимались эксплуатацией морских ресурсов, и само их появление свидетельствует о развитии на юге Аляски в VI тыс. до н. э. морской адаптации. Судя по остаткам костей и раковин, люди добывали морских животных (каланов, небольших китов, тюленей, морских львов, дельфинов), ловили лосося, палтуса, били водоплавающих птиц, по крайней мере уток, собирали моллюсков. В культурном слое встречаются также кости медведя. На полу жилищ находят следы охры, которой, по-видимому, дубили шкуры. Орудия в период Оушен Бей I изготавливали из камня кремнистых пород, листовидные и черешковые наконечники делали путем дву-

сторонней оббивки. Найдены также более крупные бифасы, пластины и микропластины, клиновидные микронуклеусы, скребки [Fitzhugh 2004: 24–25]. Есть и выдолбленные из галек жировые лампы — характерная особенность культур Аляски и американской Арктики. Самые древние на Кадыке найдены на поселении Заимка на востоке острова. Они имеют лодьевидную форму, длина составляет около 25 см.

Оушен Бей — не единственная и не самая ранняя культура юго-запада Аляски, связанная с освоением островных территорий и ориентированная на использование ресурсов моря. За тысячу лет до появления Оушен Бей на Кадыке другая группа людей проникла на восточные Алеуты, где их следы обнаружены на острове Умнак и ближайших к нему островках — стоянка Анангула и близкие ей по материалу. От Оушен Бей Анангула значительно отличается в отношении каменного инвентаря. Здесь есть поперечные резцы, представлена вся гамма переходных форм от микропластин к крупным пластинам, а главное, орудия на пластинах имеют ретушь с одной стороны, тогда как бифасы отсутствуют. В Анангуле найдены обломки каменных чаш, но использовались ли эти чаши в качестве жировых ламп, не установлено [Васильевский 1973: 32]. Различия между Анангулой и Оушен Бей могут частично иметь хронологический характер, поскольку на одном из памятников Оушен Бей, Тангинак Спринг, на самых ранних пластинах тоже есть односторонняя ретушь. Тем не менее по данному признаку (односторонняя или двусторонняя обработка орудий), равно как и по признаку наличия или отсутствия резцов, оба комплекса различаются слишком сильно, чтобы предполагать их близкое родство. Обнаруженное в Анангуле жилище реконструируется как землянка с боковым входным коридором [Там же: 23]. На Кадыке в ранний период существования Оушен Бей таких жилищ нет, а на материке для памятников палеоарктической традиции остатки жилищ не известны вовсе [Lynch 1995: 4–5]. По мнению Р.С. Васильевского, материалы Анангулы обнаруживают аналогии на Камчатке в V–VI слоях Ушковской стоянки [Васильевский 1973: 34]. Н.Н. Диков с этим не соглашался и предлагал аналогии с чукотской традицией Путурак [Диков 1983: 85; 1993: 149, 160–161]. Кто бы ни оказался прав, но, как и в случае с параллелями между Оушен Бей и Бойсманской культурой, речь может идти скорее об общей древней основе, чем о прямой преемственности между комплексами по разные стороны Берингова пролива.

В середине III тыс. до н. э. (4000 л. н. по радиоуглероду) в Оушен Бей происходят изменения, про-

должительный этап I сменяется более коротким этапом II. Наземные постройки уступают место прямоугольным землянкам, а каменные орудия, обработанные оббивкой, — точеным сланцевым лезвиям, которые единично появляются еще на этапе I. Переход от наконечников, которые обработаны оббивкой, к точеным сланцевым наконечникам не специфичен для Кадыяка, поскольку примерно в это же время сланцевые орудия распространяются от Алеутских островов до Северо-Западного Побережья. Особенность Оушен Бей состоит в том, что только здесь края лезвий имеют ряды характерных зазубрин, выемок [Crowell et al. 2001: 108]. В Оушен Бей II шире используются появившиеся еще ранее гальки-грузила с бороздками [Fitzhugh 2004: 46]. Предполагается, что изменения в культуре были частично вызваны ухудшением климата, по крайней мере это вызвало потребность в землянках. Культура Оушен Бей II или близкая к ней распространяется не только на Кадыяке, но и на п-ве Аляска, включая расположенный к северу от водораздела бассейн реки Накнек [Dimond 2005: 23]. Оушен Бей II есть также на Кенайском п-ве и в районе залива Принс Уильям, где памятники Оушен Бей I не найдены [Crowell et al. 2001: 106]. Оушен Бей, однако, определенно отсутствует на западе Аляски в районах, прилегающих к побережью Берингова моря. Здесь в середине III тыс. до н. э., то есть более или менее синхронно с Оушен Бей II, распространяется Арктическая Традиция Малых Орудий (Arctic Small Tool Tradition, AST), она же кремневый комплекс Денби. На п-ве Сьюард AST появляется почти на тысячу лет раньше [Dimond 2005: 28]. Некоторое влияние AST отщущается и в районах, прилегающих к тихоокеанскому побережью, а у залива Качемак на Кенайском п-ве даже обнаружен один ее ранний памятник (Sel-033). Еще один памятник, Маргарет Бей, который, по-видимому, связан с AST, есть на Уналашке. Однако в целом в III тыс. до н. э. между притихоокеанскими и берингоморскими культурами Аляски установилась граница, которая оказалась прочной и долговременной [Dimond 2005: 27]. Предполагается, что именно к AST восходят в конечном итоге все эскимосские и палеоэскимосские культуры от Аляски до Гренландии. Оушен Бей же к этой традиции не принадлежит, и если создатели AST говорили на прото-эскимосском языке (вероятность этого достаточно высока), то создатели Оушен Бей эскимосами по языку наверняка не были.

Обстоятельства завершения периода Оушен Бей II плохо понятны. На Кадыяке и в прилегающих районах юга Аляски следов человека, относящихся

ко времени от 1800 до 500 до н. э., мало. Пока неясно поэтому, насколько резким был переход от Оушен Бей к новой культуре Качемак, появившейся ок. 1500 до н. э. Причиной сокращения плотности населения могло быть дальнейшее похолодание и увлажнение климата, достигшее максимума в конце II тыс. до н. э. [Crowell et al. 2001: 111; Yesner et al. 2003: 230]. Во многих отношениях культура Качемак являлась продолжением Оушен Бей, но различия между ними все же достаточно велики и могли быть связаны также и с внешними влияниями и даже с распространением нового языка. При этом в синхронных и в целом близких кадыякской культуре Качемак археологических материалах побережья Аляски сохранилось больше традиций Оушен Бей, чем на архипелаге и на Кенайском п-ве [Workman 2002: 337].

Конец II — первая половина I тыс. до н. э. был периодом исчезновения населения также и в берингоморской части Аляски. Там причиной обезлюдения территорий стали скорее всего мощные извержения вулканов. Выпавший в тундре пепел должен был погубить местную популяцию северных оленей, из-за чего охотники лишились средств к существованию [Dimond 2005: 30].

Культура Качемак получила название по одноименному заливу на Кенайском полуострове, где в 1932 г. Ф. де Лагуна выявила соответствующие материалы. Дональд Кларк сохранил это название, когда исследовал памятники Кадыяка. Сходные материалы есть также на п-ве Аляска и отчасти в районе залива Принс Уильям.

Расцвет Качемак приходится на время после середины I тыс. до н. э. и особенно на первую половину I тыс. н. э. В это время на Кадыяке впервые появляются большие деревни из 30 и более крытых дерном землянок. Землянки невелики и состоят из одного помещения, так что, подобно жилищам Оушен Бей, они были, по-видимому, рассчитаны на парную семью. Вход в жилище шел через подземный коридор. Остатков селений обнаружено много, и расположены они не только на берегу моря, но и у рек, что указывает на ловлю лососевых рыб как на важную отрасль хозяйства. Среди приморских селений есть летние и зимние. Помимо рыбы, морских млекопитающих, птиц и беспозвоночных, в пищу, судя по соответствующим остаткам, употребляли собак и лис [Workman 2002: 335]. Самым характерным типом орудий является нож улу из сланца, предназначенный для разделки рыбы [Crowell et al. 2001: 112]. Распространившаяся в Оушен Бей II традиция изготовления сланцевых лезвий ножей и копий получает в Качемак дальнейшее

развитие. Небольшие наконечники из камня кремнистых пород, которые были обработаны оббивкой и служили для оснащения дротиков и стрел, видимо, использовались не только для охоты, но и во время вооруженных столкновений [Workman 2002: 335].

В Качемак впервые на Кадыяке появляются поворотный гарпун и лабретки (вставки в губу или щеки). Оба типа предметов позволяют ставить вопрос об отдаленных во времени и пространстве культурных связях. Поворотный гарпун был изобретен примерно одновременно (VII—VI тыс. до н. э.) в Японии в эпоху раннего дзедона и на востоке Канады создателями Канадской Приморской традиции. На Лабрадоре в конце III тыс. до н. э. его могли заимствовать палеоэскимосы [Fitzhugh 2002: 94]. Происхождение аляскинских поворотных гарпунов от дзедона также возможно, но как конкретно в этом случае данная идея проникла с Хоккайдо или Курильских островов на Аляску, менее ясно. Что касается лабреток, то они представлены в разных культурах тихоокеанской дуги от Хоккайдо и севера Хонсю до Южной Америки [Васильевский 2002; Dall 1884]. Лабретки есть также в Африке, но не в других регионах мира. Такое распределение дает основание предполагать, что лабретки использовались уже 14—15 тыс. л. н. жившими в Берингии предками американских индейцев, вместе с ними попали в Новый Свет вплоть до Бразилии, но сохранились также и в Берингоморье. Однако не только на Кадыяке, но и на Алеутах (конкретно в Чалуке на острове Умнак в середине II тыс. до н. э.) лабретки появляются сравнительно поздно, и ни в Оушен Бей, ни в Анангуле их нет. На западе Аляски лабретки также появляются только в середине I тыс. до н. э. в культуре Нортон [Dimond 2005: 30], тогда как на памятниках Арктической Традиции Малых Орудий они не найдены. «Лабретовидное изделие» из слоя VI Ушковской стоянки на Камчатке единично [Диков 1979: рис. 21.6] и его истинное назначение не ясно, на аляскинские лабретки оно непохоже. Не исключено, что ранние лабретки делались только из дерева и до нас не дошли. Однако на Кадыяке деревянные лабретки сохранились и в культуре Качемак употреблялись наряду с выточенными из каменного угля и вырезанными из кости.

Культура Качемак оставляет впечатление относительно богатого и сложного общества, в котором принадлежность к определенным социальным рангам была зафиксирована через совокупность ритуалов. Свидетельствами последних являются предметы культа и украшения, которые получают распространение в конце I тыс. до н. э. Культурные проявления, свидетельствующие о сложной социальной органи-

Рис. 1. Каменная жировая лампа. Случайная находка в районе бухты Качемак. Фотография любезно предоставлена Анкориджским Историческим музеем.

зации людей Качемак, характерны главным образом для Кадыяка и юго-запада Кенайского п-ва. В районе залива Принс Уильям их почти нет, а само отнесение местных древностей к культуре Качемак не бесспорно [Workman 2002: 337]. Кроме лабреток, на памятниках Качемак найдены бусы, палочки, служившие вставками в нос, различные резные предметы из кости, в том числе маскоиды с проработкой индивидуальных черт лица [Hrdlička 1944: pl. 50, 51]. Умерших хоронили в ямах вокруг селений, могилы иногда выложены каменными плитами, хотя в основном такие плиты, по-видимому, использовались при сооружении землянок [Hrdlička 1944: 148]. Ф. де Лагуна нашла черепа с остатками глиняных масок на лицевой части и костяными вставками в глазницы [Laguna 1934: 43—44, pl. 51]. Сделанные из кости вставки в глазницы обнаружил при раскопках на Кадыяке также и А. Хрдличка, причем помещенные в середину черные камешки обозначали зрачок [Hrdlička 1944: 150]. На сланцевых копьях Качемак бывают прочерчены знаки — вероятно, изготовителей. Каменные жировые лампы Качемак с внутренней и реже с наружной стороны украшены изображениями в высоком и низком рельефе. Их тема — антропоморфные и реже зооморфные образы (в частности, хвост кита) и некоторые геометрические элементы, возможно, также наделавшиеся определенным значением [Laguna 1934: pl. 26—28; Hrdlička 1944, pl. 213—228] (рис. 1). Подобные лампы — уникальная особенность культуры

Качемак. С той же традицией, судя по изображенным лабреткам, могут быть связаны и некоторые кадьякские петроглифы, в частности обнаруженные на мысе Алитак на юго-западе архипелага [Knebel 2003]. С III в. до н. э. на тихоокеанском побережье Аляски появляется керамика, по-видимому, заимствованная от раннеэскимосской культуры Нортон и в конечном счете имеющая сибирское происхождение [Dimond 1969: 25; 2005: 20–30; Stimmell 1994: 37]. Сосуды эти содержат в тесте органику.

В эпоху Качемак Кадьяк поддерживал контакты с материком. Помимо импортов, об этом говорят стили лабреток. Лабретки одного типа встречаются на севере Кадьяка и на Кенайском п-ве, другого типа — на юге Кадьяка и на п-ве Аляска. Ареалы однотипных лабреток, по-видимому, соответствуют территориальным кластерам брачных связей.

В XI–XII вв. н. э. в культуре Кадьяка опять происходят резкие перемены. Новая культура Кониаг, прямыми наследниками которой являются те обитатели архипелага, которых застали здесь русские, приходит на смену культуре Качемак. Жировые лампы с изображениями и сложный погребальный ритуал исчезают, качество производства изделий несколько снижается. Керамика теперь распространяется не только на аляскинском побережье пролива Шелихова, но и на Кадьяке, преимущественно на юге архипелага, в тесте она содержит исключительно гравий и мелкую гальку. В небольшом количестве такая керамика появляется в это же время на Кенайском п-ве [Dimond 1969: 35]. Для культуры Кониаг характерны неизвестные в Качемак парильни, на месте которых археологи находят многочисленные треснувшие от жара камни. Однокамерные жилища Качемак уступают место большим многокамерным, что свидетельствует об изменениях в семейной организации. Размеры селений и общее число жителей Кадьякского архипелага увеличиваются. Около 1200 н. э. в устье реки Карлук появляется самое крупное на Кадьяке поселение — Карлук 1. За время его 700-летнего существования относительное значение морского промысла постепенно сокращается, а значение ловли лосося растет. Судя по сохранившимся остаткам корзин и деревянных сосудов, размеры емкостей росли, что косвенно указывает на способность накапливать все большие запасы продовольствия [Crowell et al. 2001: 122; Fitzhugh 2004: 37; Workman 2002: 338]. Юго-запад Кенайского п-ва в районе бухты Качемак эти изменения мало затронули. Качемак существует в этом районе дольше, чем на Кадьяке, и ее здесь сменяет не Кониаг, а культура,

принадлежащая атапаскам танайна [Crowell et al. 2001: 121; Workman 2002: 338].

А. Хрдличка, проводивший раскопки захоронений культуры Качемак, предполагал, что обнаруженные им расчлененные костяки свидетельствуют о каннибализме. Более поздние исследования показали, что речь почти наверняка идет о коллективных погребениях в каких-то камерах, когда кости ранее захороненных сдвигали, чтобы освободить место для новых останков [Bray, Killion 1994: 95–96]. Вместе с тем некоторые найденные кости подверглись обработке, в частности в черепахах, лопатках и тазовых костях просверлены симметричные отверстия. По-видимому, эти кости, освобожденные от мягких тканей, подвешивались и использовались в каких-то ритуалах. Формы захоронений и особенности погребального инвентаря позволяют предполагать для общества Качемак передававшиеся по наследству статусные различия между людьми [Bray, Killion 1994: 131]. Однако данных в пользу наличия каких-то надобщинных политических структур нет.

Переход от Качемак к Кониаг связан с проникновением на Кадьяк нового населения, принесшего эскимосский язык ветви юпик. По материалам О.А. Мудрака, время расхождения между центральным юпик и аляутиик оценивается в 750 лет или меньше, но следует иметь в виду, что расхождение языков начинает ощущаться не сразу после их разделения, так что лексикостатистическая оценка начала разделения центрального юпик и аляутиик на редкость хорошо соответствует данным археологии о времени распространения культуры Кониаг. Согласно преданию, записанному на Кадьяке в начале 1870-х годов французским этнологом Альфонсом Пинаром, аляутиик (кониагмиуты) вначале жили только по берегам пролива Шелихова, а север Кадьяка занимали «тлинкиты». Начав с ними войну, аляутиик проиграли ее, но затем, благодаря своему все возраставшему численному превосходству, вытеснили «тлинкитов» и при этом заимствовали от них институт наследственных вождей [Crowell et al. 2001: 102]. Никаких археологических следов пребывания реальных тлинкитов на Кадьяке нет и быть не может, поскольку даже в район залива Якутат тлинкиты продвинулись с юга незадолго до появления европейцев [Laguna 1990: 189; Yarbrough, Yarbrough 1998: 133]. Гораздо вероятнее, что историческое ядро легенды отражает процесс ассимиляции эскимосами людей Качемак. Возможность сохранения устной традицией памяти о событиях 700–800-летней давности вызывает, конечно, сомнения, но и исключать такое невозможно.

Смена языка и культуры на Кадыке — частное проявление грандиозных по масштабам Аляски этнических процессов, охвативших этот регион в начале II тыс. н. э. В бассейне реки Накнек на восточной оконечности Бристольского залива в это же время происходит резкий разрыв с древнеэскимосской традицией Нортон. Для новой фазы Кемп характерна керамика с гравием и слегка округлые, а не цилиндрические, как прежде, формы сосудов, лампы из глины вместо каменных жирников, полное вытеснение оббитых кремневых изделий точеными сланцевыми, более глубокие, чем прежде, землянки. Все эти новшества распространяются с севера и связаны с экспансией традиции Туле — той самой, что в Канаде и Гренландии в XIII в. смела более раннюю Дорсет [Dimond 2005: 35–37; Friesen, Arnold 2008]. Следующая за Кемп фаза Блафс в районе Накнек и на побережье пролива Шелихова продолжает ту же традицию, но отделена от нее следами вулканического извержения. После него побережье, по-видимому, обезлюдено, и новое население, которое русские называли катмайцами, переселилось сюда во второй половине XIV в. с Кадыка. Именно поэтому катмайский и кадыкский говоры аляутиков почти идентичны, тогда как язык чугачей несколько отличается от них [Dimond 2005: 35, 41, 44; Knebel 2003: 103].

Особую малоизученную проблему представляют контакты аляутиков с тлинкитами. К моменту открытия Кадыка русскими эти контакты (обмен и военные столкновения) были довольно интенсивными. Более трети века назад Дональд Кларк проанализировал этнографические особенности аляутиков и соседних народов, выявив значительный ряд параллелей между тихоокеанскими эскимосами и индейцами [Clark 1974: 173]. Сюда относятся, в частности, тип крючков для ловли палтуса, лески из водорослей, земляная печь (среди аляутиков только у чугачей), корзины из корней пихты, утварь и шляпы с характерным для Северо-Западного Побережья орнаментом (тлинкитский импорт?), лодки долбленки (среди аляутиков также только у чугачей), положение гребца в каяке стоя на коленях, употребление смазанного жиром пуха и охры для укладки волос на голове, мумификация умерших, убийство рабов на похоронах хозяина, амулеты в виде «морского каштана», гадание по плечевой кости калана и выдры, погремушки из клювов топорка. Многие из этих параллелей встречаются также у алеутов и скорее всего являются свидетельством очень древних контактов вдоль тихоокеанского побережья Северной Америки. Однако некоторые, в частности тип крючков и орнамен-

тация шляп, по-видимому, связывают аляутиков конкретно с тлинкитами.

Подводя итог первой половине нашего обзора, можно утверждать, что аляутиков как определенная этническая и культурная (хотя, конечно, не политическая) общность сформировались в контексте культуры Кониаг. Они унаследовали традиции как Качемак, территорию которой заняли, так и эскимосских культур западной Аляски, чей язык унаследовали. Будучи наследниками Качемак, исторические аляутиков восприняли ряд культурных особенностей, которые встречаются также у алеутов и индейцев Северо-Западного Побережья. С обеими группами аляутиков имели и прямые контакты [Hrdlička 1944: 90].

Обратимся теперь к фольклору и мифологии.

Эти материалы являются чрезвычайно информативным источником для выявления дальних и древних культурных связей предков аляутиков, но, чтобы его использовать, необходимо соблюсти два условия. Во-первых, нужна широкая база данных, которая охватывала бы не только Аляску, но и весь мир — иначе нельзя оценить, насколько регионально специфичны те или иные мифологемы. Во-вторых, данные мифологии необходимо рассматривать на фоне сведений о прошлом региона. Вне исторической перспективы невозможны обоснованные предположения о происхождении отдельных мифологем и их связи с этнокультурными общностями. Оба условия оказались в достаточной мере выполнены только сейчас, в начале XXI в. В статье источники приведены выборочно, а с остальными можно познакомиться на сайте <http://starling.rinet.ru/kozmin/tales/index.php?index=berezkin>. Карты распространения мотивов по ареалам представлены на <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.

В конце XIX в., исследуя повествовательные тексты индейцев Северо-Западного Побережья, Франц Боас пришел к выводу, что нарративы построены из своего рода кирпичиков, модулей, которые этнически не специфичны. Не только простые эпизоды и образы, но и обладающие относительно стабильной структурой их сложные сочетания встречаются у народов, говорящих на разных языках [Boas 1895; 1916: 878; 2002]. Общих фольклорных элементов больше у соседних групп, но их можно найти и в традициях, разделенных огромными расстояниями.

Ф. Боас избегал категоричных суждений о том, являются ли подобные параллели результатом

заимствований, общего происхождения или параллельного независимого развития. Впрочем, он обратил внимание и на то, что предпочтение эволюционистами независимых изобретений диффузии противоречит дарвинизму и вызвано стремлением расположить известные факты во временной последовательности при наличии огромных провалов в знаниях [Stocking 1987: 181]. Ни одно из трех решений (изобретение, заимствование, общее происхождение) никогда нельзя полностью исключать, но в конкретных случаях вероятность каждого неодинакова. Для соседних традиций правдоподобней заимствование, для удаленных — общее происхождение (если есть исторические, языковые, археологические и т. п. свидетельства в его пользу), хотя допустимо и независимое возникновение.

Осуществленное нами сопоставление десятков тысяч фольклорно-мифологических текстов, записанных во всех ареалах планеты, показывает, что в массе своей сложные сюжетобразующие мотивы, а нередко и мотивы элементарные, не распространены по миру равномерно и хаотично. Будучи популярны в одних регионах, они почти или даже совсем не представлены в других, причем особенности распространения редко коррелируют с внешними для мифологии факторами — природными или социальными. Это означает, что спонтанное независимое возникновение одинаковых элементов мифологии на составе локальных традиций отражается слабо. Не считая тривиальных случаев типа отсутствия земледельческой мифологии у обитателей Арктики или представлений людей о месте своего обитания как о центре мира, в глобальном масштабе картина распространения мотивов объяснима не воздействием природной и социальной среды и не единими для всех законами психологии, а маршрутами миграций в эпоху освоения ойкумены людьми современного типа. Более поздние передвижения и культурные связи также оставили свой след.

Что касается психики и среды, то можно предполагать, что на начальном этапе культурогенеза формирование мифологии действительно происходило под их влиянием — чем, собственно, еще мог быть обусловлен этот процесс? Но коль скоро мы говорим не об эпохе формирования человека как вида, а о дальнейшем периоде, развитие культуры вообще и мифологии в частности наиболее продуктивно рассматривать под иным углом зрения. Речь идет о теории естественного отбора культурных форм [Adams 1981], в данном случае тех, которые оказывались наиболее приспособлены к копированию, то есть

к запоминанию и передаче. Сам момент возникновения этих форм остается неуловим, так что предметом исследования являются не мутации, но их дальнейшая судьба, направление и скорость распространения. Для сравнения можно заметить, что даже фундаментальные достижения культуры, явно зависящие от социальных и природных условий (производящая экономика, металлургия, государственная организация), крайне редко возникали вполне самостоятельно и в основном распространялись по миру из немногих первичных центров.

Фольклор и мифология аляутиик демонстрируют особенности, которые соответствуют географическому положению юга Аляски в пределах, с одной стороны, циркумтихоокеанской области, а с другой — таежной и тундровой зоны Евразии и Америки. Эти материалы отражают происходившие в обоих регионах исторические процессы.

Как уже было сказано, древнейшие археологические находки на Кадьяке относятся лишь к среднему голоцену. Но независимо от того, будут ли здесь когда-либо найдены следы первых мигрантов, переселявшихся из Берингии на основную территорию Нового Света, фольклорно-мифологическое наследие этих людей на юге Аляски могло сохраниться, передаваясь от культуры к культуре и в конечном счете оказавшись включенным в традицию аляутиик.

Основной космогонический миф кадьякцев дошел до нас в записи, сделанной в начале 1805 г. Ю. Ф. Лисянским. Согласно ей, с неба упал пузырь, в котором находились мужчина и женщина. Они стали дуть, пузырь увеличился, а когда они протянули ноги и руки, возникли горы. Мужчина скреб себе голову, его волосы падали, из-за чего горы покрылись лесом, в них завелись звери. Море возникло из мочи женщины, а озера и реки — из ее плевков, мужчина же предварительно выкопал ложа для водоемов. Женщина вырвала себе зуб, мужчина сделал из него топор, стал тесать дерево, так что летели щепки. Из упавших в воду щепок разных древесных пород возникла рыба — горбуша, кижуч. Старший сын первой пары играл камнем, из камня возник Кадьяк. Посадив на остров человека с сукою, сын первой пары отпихнул его подальше от берега материка, после чего на Кадьяке появились и размножились люди [Лисянский 1812: 77]. Немного ранее Лисянского космогонический миф кадьякцев слышал иеромонах Гедеон. Его пересказ очень краток и подробности отличаются.

Некто Кашшихилук стал дуть в соломину, в результате чего земля начала расширяться и выходить из воды, затем открылось небо, появились светила, затем звери и люди [Гедеон 1994: 77–78].

Кадыкский космогонический миф, особенно в изложении Ю. Ф. Лисянского, содержит много заслуживающих внимания подробностей.

Прежде всего, земля мыслится не существующей изначально, но спущенной с неба, исходно маленькой, а затем выросшей. Оба мотива использованы дважды — в связи с появлением нашего мира вообще и Кадыка в частности. Мотив упавшей с неба земли характерен для Океании и индо-тихоокеанских окраин Азии, хотя там земля, как правило, опускается не в некую неопределенную бездну, а на воды предвечного океана. Что же касается вторичности моря и воды вообще по отношению к суше, то этот мотив обычен для Австралии и Новой Гвинеи и ряда традиций востока Южной Америки. Также в Австралии и на Новой Гвинее море возникает из мочи или по крайней мере его соленость объясняется тем, что в воду попали какие-то жидкие выделения из тела человека или животного.

Как у аляутиков, так и у других эскимосов и алеутов, а также у атапасков юго-западной Аляски (ингалик, танайна, танана, атна) и палеоазиатов отсутствует миф о «ныряльщике», то есть о доставании первичной крупы земли со дна моря. Этот миф характерен для Сибири, Восточной Европы и части Северной Америки, но его, за редчайшими исключениями, нет в Центральной и Южной Америке, а также на Юго-Западе США и на юге Равнин. «Ныряльщик», по всей видимости, возник в Южной — Юго-Восточной Азии, где сохранились архаические версии, описывающие спуск за землей в нижний мир, но не ныряние как таковое [Березкин 2007]. На этой основе, по-видимому, сформировались характерные для Сибири версии с персонажем-отправителем, последовательно посылающим на дно птиц и животных. Эти версии, распространенные от Амура до Балтики, но отсутствующие в областях Азии, прилегающих к Тихому океану, проникли в Северную Америку, но не достигли Южной. В целом ядро космогонии аляутиков можно уверенно связывать с традициями индо-тихоокеанского мира, а не северной и центральной Евразии.

О том же свидетельствует и антропогонический миф аляутиков.

В версии Ю. Ф. Лисянского дочь вождя берет пса в любовники, рождает пятерых щенков, из них двух самок. Ее отец отвозит дочь и потомство на остров. Пес

плывет к ним через пролив, но тонет. Мать рассказывает детям о случившемся, и, когда ее отец приплывает на остров, собаки рвут его на куски. Женщина возвращается туда, где жила. Ее дети, которые были зачаты от пса, одни уходят на север, другие на юг, на Кадык, и от них происходят кадыкцы [Лисянский 1812: 75–76]. Похожий рассказ приводит Г. И. Давыдов. «Иные говорят, — пишет он, — что байдарка с первыми людьми упала с неба; иные, что на Кадыке была сука, а на Аляске большой пестрый кобель, переплывший на остров, и что от них породились жители оного; некоторые же думают, что на Кадыке была девка, к коей приплыл с Уналашки кобель, и от них произошли как Кониаги, так и собаки» [Давыдов 1812: 99]. Другая эскимосская традиция, в которой потомки женщины и собаки становятся предками группы эго, представлена на острове Нунивак [Curtis 1976: 78–79; Himmelheber 1951: 35–39; Lantis 1946: 267–268], причем юпик острова Нельсон также связывают данный сюжет именно с происхождением нунивакцев [Fienup-Riordan 1983: 236–238].

Рассказы о женщине, которая зачинает от пса, но ее дети при этом вырастают людьми, характерны для северо-востока Индии, Бирмы и континентальной части Индокитая, где известны ангами, миньонг (и еще какой-то точнее не установленной группе из штата Манипур), седанг, банар, джарай, стиенг, тямам, эде, пегу (монам), шанам, вьетам, малайцам, джакун и наверняка ряду других этносов региона. Далее область их распространения охватывает Суматру (ачех), Ментавай, Ниас, Яву (каланг, сунда), Бали и Ломбок, но на восточную Индонезию и Калимантан, по-видимому, не распространяется. Данный мотив единожды зафиксирован у мусульман филиппинского острова Минданао (без указания конкретного этноса) и весьма популярен среди аборигенов Тайваня (сэдэк, торок, пайван, кетангалан) и Хайнаня (ли). Через острова Рюкю и Японию его ареал тянется вплоть до айну. Хорошо известные версии с территории континентального Китая, по-видимому, все восходят к традициям мяо и яо и среди ханьцев записаны лишь в Фуцзяни и Хунани. Одна версия зафиксирована у тибето-бирманцев идзу (группа носу).

Учитывая отсутствие мотива у других тунгусо-маньчжурских народов, собственно маньчжурская версия, вполне возможно, заимствована из письменной китайской традиции. Восточно-азиатское происхождение имеют скорее всего тюркские варианты (киргизы, уйгуры, чагатайцы), а также лишенный подробностей вариант, отраженный в «Тайной истории монголов». У бурят ничего подобного нет,

этногенетические мифы хоринцев, булагатов и эхиритов иные. Единственная известная мне версия в западной Евразии — болгарская, согласно которой от собаки происходят турки. Она вряд ли имеет отношение к восточно-азиатской традиции и представляет собой новообразование, оскорбительное для представителей враждебного этноса.

У нивхов, ительменов и коряков повествования восточно-азиатского типа о браке женщины и собаки не зафиксированы, а на крайнем северо-востоке Азии и далее у большинства народов Америки сюжет объясняет происхождение не собственно этноса в целом, а каких-то конкретных родовых групп либо иноплеменников или же вообще не имеет этногенетического характера. Таковы тексты чукчей, эскимосов ветви инуит — инупиат (инупиат Берингова пролива, эскимосы устья Маккензи, медные, нетсилик, карибу, иглулик, полярные, эскимосы Лабрадора, Баффиновой Земли, Западной и Восточной Гренландии), многих северных атапасков (тагиш, каска, талтан, цецот, карьер, чилкотин), индейцев северной и центральной части Северо-Западного Побережья (ияк, тлинкиты, хайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, квакиутль, нутка), сэлишей и других групп Плато и юга Северо-Западного Побережья (томпсон, лиллует, комокс, халкомелем, клаллам, скагит, верхние и нижние чехалис, квинолт, квилеут, катламет, яжима, тилламук, калапуя, кус) и, наконец, индейцев севера Равнин (черноногие, арапахо, шейены, мандан, арикара) и некоторых алгонкинов Среднего Запада и Северо-Востока (оджибва, наскапи).

На арикара, то есть на самых северных представителей языковой семьи кэддо, область распространения повествований о связи женщины и пса обрывается. Южнее мотив появляется вновь на востоке Южной Америки (трио, мундуруку, матако), но в ином оформлении — описывается происхождение не людей, а собак, причем в отличие от североамериканских версий родившая щенков женщина не подвергается осуждению родственников из-за своей связи с животным.

Таким образом, антропогенетический миф, связывающий происхождение алютиик с собакой, имеет восточно-азиатские корни. Однако его отсутствие в Меланезии и на большей части Южной Америки заставляет связывать его не с самыми ранними мигрантами в Новый Свет, а с теми, кто проник туда чуть позднее. Самые ранние мигранты домашней собаки скорее всего просто не знали [Березкин 2005].

Повествования о происхождении людей от брака мужчины с собакой имеют примерно тот же ареал

распространения, что и рассказы о браке женщины с псом, хотя встречаются реже. Они типичны для индотихоокеанской окраины Азии, а также для Северной Америки и Мексики. В Южную Америку их ареал почти не заходит, в Австралии, на Новой Гвинее и в Океании данный мотив отсутствует. Конкретно миф о собаке, которая становится женой мужчины, представлен в Южной и Юго-Восточной Азии у лепча, чингов и никобарцев, в Калифорнии — у карок и юрок, на Юго-Западе США, в Мексике и Гватемале — у марикопа, тепекано, уичоль, кора, тотонаков, тлапанеков, горных пополука, михе, миштеков, триков, цоциль, чоль и лакандонов, в Гвиане — у варрау и калинья. В 1790 г. на Уналашке К.Г. Мерк слышал от алеутов рассказ о том, что они ведут свой род от собаки, упавшей с неба на остров Умнак. Собака родила мальчика и девочку с собачьими лапами, и от этой пары происходят люди [Сарычев 1962: 215–216]. Кто был отцом детей с собачьими лапами, текст умалчивает.

Среди пересказанных вариантов рассказ Ю.Ф. Лисянского о женщине, которая зачала от пса, и о ее детях, растерзавших своего деда, обнаруживает детальные соответствия в большинстве эскимосских традиций вплоть до самых восточных и, вне всякого сомнения, является собственно эскимосским. Другой же вариант с Кадьяка, который Ю.Ф. Лисянский только кратко упоминает (предки людей рождены собакой), в пределах Аляски имеет частичные аналогии только у алеутов. Оба варианта (мужчина и собака, женщина и пес) связаны с традициями Восточной и Юго-Восточной Азии, но первый из них (предки людей рождены собакой) распространен в более южных областях Нового Света, чем второй, и представлен, в частности, в Мезоамерике и Гвиане. Если основываться на этом обстоятельстве, а также на исключительно кадьякско-алеутской приуроченности данного варианта на Аляске, то можно предположить его проникновение в Новый Свет в более ранний период, нежели проникновение варианта, согласно которому женщина зачинает от пса.

С мотивом «женщина зачинает от пса» ареально ближе всего связан мотив невидимого крючка (B5482.3 по С. Томпсону). К числу этиологических он не относится и сюжетно с антропогоническим мифом никак не соединен, но территории распространения обоих мотивов в значительной мере совпадают. Животное или мифологический персонаж убегает или уплывает с крючком, гарпуном, стрелой или иным орудием, которое герой использовал на охоте или рыбной ловле. Местные шаманы не могут вылечить раненого (обычно потому, что не видят вонзивше-

гося в тело предмета). Когда приходит сам герой или его товарищ, он извлекает предмет из тела больного, и тот выздоравливает. Данный мотив встречается у некоторых папуасов Новой Гвинеи (валман, папуасы района оз. Кутубу), микронезийцев о-вов Палау, народов западной (батаки) и особенно часто восточной Индонезии (галела, минахаса, о-ва Кай, тетум, бунак, роти). Он известен в Японии (в том числе зафиксирован в «Кодзики»), а в Северной Пацифике и на тихоокеанском побережье Северной Америки представлен, помимо чугачей, у чукчей, танайна, талтан, каска, тагиш, ияк, тлинкитов, хайда, цимшиан, беллакула, хейлцук, квакиутль, нутка, карьер, комокс, квилеут и кус. Есть одна южно-американская версия, записанная у колумбийских макуна. Поскольку речь идет в основном о морской охоте, большинство атапасских версий явно заимствованы с побережья. У чукчей есть как версия, которая близка к индейским [Аноним 1958: 69], так и отличающаяся от остальных (женщина попадает в нижний мир, где снимает с шеи мыши травяную петлю типа тех, которые обычно делают чукотские дети [Vogoras 1902, № 40: 660–661]). Большинству эскимосов мотив B5482.3 не известен, версия же чугачей близка характерной для индейцев Северо-Западного Побережья. Охотники забывают товарища на островке. Морские Львы приглашают его в свое жилище, где человек лечит Морского Льва, вынув у него из тела гарпун. Благодарные Морские Львы отправляют героя домой, дав ему лодку — желудок морского льва [Birket-Smith 1953: 155–156].

Возвращаясь к антропогоническим мифам, отметим, что в происходящих с Кадыка версиях Ю. Ф. Лисянского и Г. И. Давыдова отражен мотив спуска первых людей с неба. Этот мотив встречается на всех континентах, но в Африке южнее Сахары и в индотихоокеанской половине мира, включая Америку, — существенно чаще, чем в Европе и в континентальных областях Азии. Здесь мифология алутиик опять-таки оказывается связанной с восточно-азиатской. Согласно варианту приведенного выше алеутского этногенетического предания, собака-прародительница также спускается с неба.

Известен еще один кадыкский антропогонический миф, записанный в середине XIX в. [Holmberg 1985: 61]. В нем люди тоже спускаются с неба, но остальные подробности от версий Ю. Ф. Лисянского и Г. И. Давыдова отличаются. Создатель послал на землю брата с сестрой, запретив им есть траву. Сестра нарушила запрет, после чего в мире стало светло, но брат с сестрой устыдились друг друга и разошлись. Они снова

встретились на ступенях, ведущих к небу, вступили в брак, однако дети у них сначала рождались мертвыми. Лишь когда Создатель пришел к ним и спел песню, дети перестали умирать, брат с сестрой вернулись на землю и породили людей. Мотив «запретного плода» мог попасть в этот вариант от русских миссионеров, которые с конца XVIII в. проповедовали православие среди кадыкцев. Однако образ брата с сестрой, которые сначала пытаются отказаться от брака, затем сходятся, но начинают рожать нормальных детей не сразу, а лишь после нескольких неудачных попыток, находит параллели в Древней Японии и далее в австронезийском мире [Березкин 2006b: 237].

Одним из характерных отличий континентально-евразийского комплекса мифологических мотивов от комплекса индотихоокеанского является истолкование лунных пятен в качестве конкретного образа (человека, животного и т. д.). В Африке южнее Сахары, в Австралии и Меланезии, в Центральной и Южной Америке лунные пятна чаще всего рассматриваются именно как пятна, а не фигуративный образ, то есть как след удара, ожога, грязи, краски и т. п. Эскимосские мифологии в этом смысле весьма любопытны. Для всех эскимосов инуит — инуипиат, а также для центральных юпик (включая остров Нунивак) характерен сюжет инцеста брата-Месяца с сестрой-Солнцем, в результате которого оба поднимаются на небо. Пытаясь опознать ночью своего неизвестного любовника, сестра мажет ему лицо сажей. Этот мотив, названный одним из исследователей «*vulgata americana*» [Désveaux 1984], очень популярен на востоке Южной Америки и изредка встречается также у индейцев Северной. Обычно именно с ним связано появление лунных пятен. У эскимосов, причем только у восточных групп инуит, начиная с нетсилик и вплоть до восточной Гренландии, есть лишь отчасти близкий мотив — факел в руках убегающего от Солнца Месяца гаснет, поэтому месяц холоден и темен. В этом случае бледность ночного светила по сравнению с солнцем, хоть и является результатом любовного приключения Месяца, не вызвана тем, что лицо Месяца запачкано краской. Однако, согласно сообщению датского этнографа К. Биркет-Смита, в Западной Гренландии лунные пятна раньше рассматривались как след сажи, которой сестра вымазала брата, хотя к XX в. этот мотив был почти забыт [Birket-Smith 1924: 437–438]. Что же касается инуипиат, то у них этиологическая концовка сюжета инцеста брата-Месяца с сестрой-Луной объясняет появление лунных пятен, но пятна эти — не след сажи, а антропоморфная фигура самого Месяца,

держашего в руках мешок с инструментами [Gubser 1965: 190–199; Rainey 1947: 270]. Эта же интерпретация, по словам Биркет-Смита, недавно вытеснила в Гренландии более раннее истолкование пятен как следа сажи. Очень похоже, что в американской Арктике более древний вариант, связанный с традициями индо-тихоокеанского мира (пятна — сажа), в дальнейшем оказался вытеснен вариантом, связанным с континентальной Евразией (пятна — фигура человека). Вытеснение это, что и естественно, шло с запада на восток.

У аляутиик миф об инцесте Месяца с Солнцем не зафиксирован вовсе, что выделяет их среди других эскимосов. При этом аляутиик, во всяком случае чукчи, так же, как инупиат, видели на луне антропоморфную фигуру (человек по имени Килак ссорится со своим напарником на охоте, поднимается на луну и там остается; у него лишь один глаз [Birket-Smith 1953: 175]). На Кадыяке этот миф либо остался не записан (что наиболее вероятно), либо отсутствовал. Образ стоящего на луне мужчины (шамана, охотника, антропоморфного воплощения Месяца) зафиксирован у центральных юпик [Nelson 1899: 430], инупиат Берингова пролива [Cumming 1954: 58–59; Nelson 1899: 515], эскимосов устья Маккензи [Ostermann 1942: 75–76] и медных [Rasmussen 1932: 23]. Он господствует у северных атапасков, включая кучин [Camsell 1915, № 10: 254–255; McKennan 1965: 146–147; Petitot 1886, № 6: 66–69; Smelcer 1992: 129–130], танайна [Rooth 1971: 93–94], хан (Игл) [Schmitter 1910: 25; Rooth 1971: 268], верхних танана [McKennan 1959: 195–196; Ruppert, Bernet 2001: 232–236; Smelcer 1992: 129–130], южных тутчони [McClelland 1975: 78], талтан [Teit 1919, № 7: 229], хэа [Petitot 1886, № 25, 26: 187–202], чипевайян [Birket-Smith 1930: 89; Lowie 1912: 184; Petitot 1986, № 11: 395–397], карьер [Jenness 1934, № 1: 113], и известен тлинкитам [Laguna 1972: 796]. Аляутии видели на луне лицо человека [Мерк 1978: 80], то есть скорее всего какого-то мужского персонажа. Данных по эскимосам Чукотки нет, а далее вплоть до Балтики обитатели Северной Евразии чаще всего видели на луне девочку или девушку с ведрами для воды [Berezkin 2009]. У чукчей, коряков и ительменов мотив «водоноши» отсутствует, но и у них речь идет именно о стоящей на луне девушке. Образ «лунной водоноши», почти всегда молодой женщины, характерен для индейцев Северо-Западного Побережья. На североевразийском фоне резко выделяются самодийцы, у большинства которых, кроме южных селькупов, на луне виден мужчина-шаман. Таким об-

разом, в пределах Сибири и прилегающей части Северной Америки те ареалы, в которых на луне видят мужчину, и те, где лунные пятна истолковываются как девочка, девушка или молодая женщина, разделены. Аляутиик связаны с первой традицией, господствующей на Аляске и на западе канадской Субарктики, и соответственно отличаются от большинства народов Сибири и индейцев Северо-Западного Побережья.

С представлениями об устройстве мира связан еще один сюжет, широко распространенный в Америке и неизвестный в Евразии, не считая отдаленных параллелей в австронезийском мире, южном Китае и на северо-востоке Индии. В основе сюжета — брак человека со звездой, причем в Северной Америке речь почти всегда идет о мужчине-звезде, который уносит на небо девушку. В большинстве случаев девушек две, они ночуют под открытым небом, выражают желание выйти замуж за звезды и в результате просыпаются на небе со своими мужьями. В некоторых случаях (гровантр и арапахо в ареале Равнин, хейлцук на Северо-Западном Побережье) сестры желают в мужья не две Звезды, а Месяц, Месяц и Звезду, Солнце, Месяц и Звезды. Кадыякский миф принадлежит именно к этому редкому варианту. Детали кадыякского текста оригинальны и отличны как от атапасских вариантов (кучин, танана, тагиш, южные тутчони, каска, талтан, цецот, слевы, чилкотин), так и от текстов из ареала Плато и прилегающей части Северо-Западного Побережья (шусвап, кутенэ, квинолт, квилеут, лкунген, клаллам, твана, снукуалли, пуяллуп, Пьюджит-Саунд, верхние чехалис, коулиц, васко, вишрам, якима, тилламук, кус). Согласно мифу, записанному Фрэнком Голдером в начале XX в. от русскоязычных информантов, две девушки ночуют на улице и выражают желание стать женами сияющего в небе Месяца. Месяц спускается, несет их на небо, одна открывает глаза и падает. Вторая остается на небе и нарушает запрет мужа заходить внутрь двух строений. В первом она видит половину, четверть и маленький серп луны, во втором — полную, почти полную и чуть больше половины луны. Она прикладывает почти полную луну к лицу, не может ее больше снять и с тех пор делит работу мужа: растущий месяц — это мужчина, убывающая луна — женщина [Golder 1903, № 5: 28–31].

Ни у остальных эскимосов, ни у индейцев основной части Северо-Западного Побережья рассказов о приключениях девушки или двух сестер, вышедших за Звезды или Месяц и оказавшихся на небе, нет. Замечательное отличие кадыякского мифа от атапасков малове-

роятно в силу отсутствия близких параллелей с атапасскими текстами. К тому же ни у танайна, ни у атна сюжет вовсе не зафиксирован, а с другими атапасками альтикик вряд ли контактировали. Мотив двух девушек, поднятых Луной в небо, одна из которых падает, а другая остается на небе, есть, однако, у тлинкитов, причем только у них. Согласно записи Джона Свонтона, одна из двух девушек говорит, что луна похожа на лабретку ее бабушки, после чего обе тотчас оказываются на луне. Оскорбившая Луну сравнением ее с лабреткой падает на землю и разбивается, а другая девушка видна на лунном диске с ведром в руке [Swanton 1908: 453]. Кадыкская версия в целом оригинальна и практически наверняка связана с доэскимосским субстратным населением. По-видимому, она дошла до нас от эпохи, когда этно-культурная карта Аляски существенно отличалась от известной по этнографическим данным.

В собрании Ф. Голдера есть и миф о девушке, вышедшей за Звезду, но он не похож на обычные североамериканские варианты. Дочь вождя отвергает женихов. Двое мужчин приходят к ней ночью, увозят в лодке, делают своею женой. Через три дня они уходят, заперев ее в доме. Старуха предлагает ей выйти за ее сына, несет на небо. Сын старухи, как и все Звезды, есть лишь половина человека (по вертикали), на голове у него мох и мыши. Женщина рождает от него такого же сына. Звезды дают ей увидеть землю, спускают в корзине к родителям, повидавшись с которыми, она возвращается на небо [Golder 1903, № 3: 21–26].

Большинство использованных в этом тексте мотивов распространены очень широко и для прослеживания этногенетических связей мало полезны. Стоит отметить лишь мотив человека-половинки. Для Америки он нехарактерен, а если представлен, то почти исключительно в традициях североамериканского северо-запада, то есть на ближайших к Азии территориях. В Сибири же и на прилегающей части Восточной Европы люди-половинки — обычная категория мифических, как правило, опасных для человека существ. Эскимосские варианты в этом смысле примыкают к сибирским. В мифологиях Северо-Западного Побережья люди-половинки тоже встречаются, но они либо не вполне половинки, а скорее существа с одной ногой, либо (у беллакула [Boas 1895, № 11: 256]) речь идет не о демоне, а о герое — протагонисте повествования. Текст чугачей точных аналогий не имеет, но он более всего перекликается с вариантами азиатских эскимосов [Меновщиков 1985, № 79, 80: 178–182, 182–183; Рубцова 1954, № 13: 183–191].

Мотив запретного дома на небе, куда заглядывает человек с земли, содержится в кадыкской истории на сюжет волшебной жены [Golder 1903, № 10: 98–104]. Сын вождя идет за пятью гусями, видит, как те превращаются в девушек и купаются в озере, прячет одежду младшей, возвращает за обещание стать его женой. Жена рождает мальчика, а когда сестра мужа обзывает ее «гусыней», она надевает свой наряд из перьев, хватая сына и улетает. Муж приходит за ней на Небо Птиц, встречает по пути древокола, у которого щепки превращаются в лососей и форелей, находит жену. Та соглашается жить с ним, если он не будет выходить из дома. Человек нарушает запрет и заглядывает в другой дом. Там он видит птиц, которые наряжаются и раскрашиваются. Чайка и Ворон еще не закончили эту процедуру. Заметив человека, Чайка в панике красит Ворона целиком в черный, а он ее в белый цвет. Птицы неохотно соглашались отнести человека назад на землю. Ворон летит с ним, но над морем падает и превращается в плывущее бревно. Сам человек превращается в белуху.

Данный текст содержит мотивы, обнаруживающие аналогии как на Аляске, так и далеко за ее пределами.

Начнем с щепок, которые превращаются в рыб. Подобный эпизод характерен в основном для двух регионов — Арктики и востока Южной Америки. В Арктике это чукчи и практически все эскимосы, кроме инуиат Берингова пролива и эскимосов устья Маккензи, причем обе лакуны объяснимы неполнотой записей. Эпизод почти всегда приурочен к описанию странствий героя, встречающего на своем пути древокола. Начиная с медных эскимосов и далее на восток, этот древокол лишен внутренностей и имеет в теле большую сквозную дыру, но на Аляске такая подробность отсутствует. В Южной Америке от панамских куна до гуарани юго-западной Бразилии превращение щепок в рыб почти всегда связано либо с рубкой огромного дерева, либо с созданием героями пираций и других хищных водных тварей, которые должны сожрать убийц матери героев. В большинстве южно-американских традиций щепки в отдельных текстах легко заменяются обломанными ветками и кусками коры. Кроме Арктики и востока Южной Америки, мотив возникновения рыб из щепок или стружек изредка встречается в Азии и Меланезии. Если варианты папуасов киваи [Ландтман 1977, № 12: 76–78] и миньонг северо-восточной Индии [Elwin 1958, № 18: 380] напоминают южноамериканские (возникновение рыб из щепок связано с рубкой огромного дерева), то мансийские и хантыйские [Исламов 2006: 67; Молданов 1999: 33–34;

Ромбандеева 2005: 155] как географически, так и содержательно ближе к чукотским и эскимосским. Во всех них появление рыб является результатом не случайной единичной метаморфозы, но сознательной деятельности некоего персонажа, а рыба, о которой идет речь, — промысловая. Западно-сибирские мифологии демонстрируют и другие сходства с мифологиями северо-восточной оконечности Азии [Березкин 2006а], так что данная параллель хорошо вписывается в общий контекст.

Второй этиологический мотив текста Ф. Голдера — объяснение окраски птиц тем, что две из них договорились сделать друг друга наряднее, но замысел не удался или удался неполностью. Кадыякскому тексту есть параллель у чугачей. Белый Ворон собрался жениться на Утке и попросил ее сделать его таким же красивым, как она. Утка согласилась, но тут оказалась байдарка с людьми. Утка сказала, что не сможет закончить работу, а Ворон ответил, что пусть она тогда просто вымажет его углем. Утка так и сделала и нырнула в воду [Birket-Smith 1953: 64].

Рассказ о двух птицах, одна из которых раскрасила другую иначе, чем это предполагалось вначале, распространен преимущественно вдоль западных и северных окраин тихоокеанского бассейна от полинезийского атолла Капингамаранги в Микронезии и тибето-бирманцев лакхер северо-восточной Индии через всю Юго-Восточную, Восточную и Северо-Восточную Азию, американскую Арктику и атапасскую часть Субарктики. Он встречается и в континентальных районах азиатского материка, где зафиксирован у карачаевцев на Кавказе [Джуртубаев 2007: 24], язгулямцев на Памире [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, № 80: 511], челканцев на Алтае [Кандаракова 1988: 158–159], якутов и метисов Русского Устья в Восточной Сибири [Азбелев, Мещерский 1986, № 78: 214; Кулаковский 1979: 73; Эргис 1974: 216–217]. Однако по сравнению со сплошным распространением мотива вдоль тихоокеанского фронта Азии эти единичные западные варианты выглядят как результат случайного «просачивания» мотива с востока. Вдоль тихоокеанского побережья Америки мотив зафиксирован у ияк [Smelser 1993: 69–70]. Дальше в пределах Северо-Западного Побережья и Плато представлен несколько отличный вариант, согласно которому определенный персонаж раскрашивает многих птиц.

В текстах этого варианта, как и в кадыякском, среди птиц бывают специально отмечены Ворон и Чайка. В американской Арктике и Субарктике и на северо-востоке Сибири наиболее обычным контр-

агентом Ворона в процедуре раскрашивания является Гагара (якуты, метисы Русского Устья, юкагиры, коряки, инупиат Северной Аляски, эскимосы устья Маккензи, медные, карибу, нетсилик, иглулик, коксоагмиут, эскимосы Западной, Юго-восточной и Восточной Гренландии, кучин, атна, слевы, ияк). Чайка встречается значительно реже и, помимо кадыякцев, представлена в текстах медных эскимосов [Jeness 1924, № 44: 71], квакиутль [Boas 1910, № 18: 223–225; 1935: 139], нутка [Boas 1916: 665], а также у алгонкинов оджибва области Великих Озер [Blackwood 1929, № 3: 329–332; Speck 1915, № 1: 28–38].

Основной сюжетобразующий мотив текста Ф. Голдера — похищение героем одежды женщины-птицы, которая после этого вынуждена стать его женой. Мотив жены, связанной с верхним миром, обычен в большинстве регионов планеты, кроме Африки и Австралии, но только в северной Евразии речь идет не о небесной деве, звезде, орлице, голубке и пр., но исключительно о водоплавающей или живущей вблизи воды перелетной птице — лебеди, гусыне, утке, журавле. Хотя биологически журавли от гусей достаточно далеки, в народных классификациях все эти виды сближаются (например, в немецком попадают в одну категорию *Zugvögel*, ср.: [Toivonen 1937]). В то же время в отдельных традициях прослеживается предпочтительная идентификация волшебной жены не с любыми птицами данной категории, а с тем или иным их видом. В фольклоре аборигенов Америки волшебную жену отождествляют с *Zugvögel* почти исключительно эскимосы. Кроме них, этот мотив известен индейцам Северо-Западного Побережья, но только самым северным группам — тлинкитам и хайда [Swanton 1905a: 264–268; 1909, № 24, 54: 55–57, 206–208]. Как у эскимосов, так и у тлинкитов и хайда жена-птица является гусыней, тогда как у народов Сибири обычно лебедью, а у якутов — белым журавлем-стерхом.

Совпадение традиций тлинкитов и хайда с эскимосскими на фоне отсутствия параллелей во всем остальном Новом Свете невозможно считать случайным. Поскольку, как уже говорилось, продвижение тлинкитов по побережью на север в районы, где они вытеснили ияк и могли войти в контакт с алютиик, происходило недавно, вероятно заимствование тлинкитами мотива жены-гусыни именно от алютиик, а не от доэскимосского населения Кадыяка. Не исключено, что хайда с мифом о жене-гусыне могли познакомиться еще до выхода тлинкитов на побережье и до исчезновения на Кадыяке культуры Качемак,

однако в этом случае удивляет отсутствие данного мотива у цимшиан, с которыми хайда издавна находились в контакте.

В одном из мифологических повествований алютиик, точнее кадыкцев, рассказывается о двух братьях, которые плывут за море. Один из них гибнет, другой попадает к людям, у чьих жен одно плечо выше другого. Причина в том, что эти женщины не умеют рожать и на последнем месяце беременности им разрезают бок, чтобы вынуть ребенка. Человек берет местную женщину в жены и, когда супруга готовится родить первенца, останавливает тестя, который идет резать дочь. Человек учит жену, как надо рожать, с тех пор те женщины рожают нормально [Lantis 1938: 153]. Мотив «кесарева сечения» не имеет параллелей в континентальных районах Евразии, а характерен для Океании, тихоокеанской окраины азиатского материка и Нового Света. Он известен, в частности, папуасам (меджпрат, верхние арапеш), меланезийцам (район залива Хуон на востоке Новой Гвинеи и Соломоновы острова), микронезийцам и полинезийцам (Яп, маори, Ротума, Гавайи, Раротонга, Маркизы, Маршалловы о-ва, Капингамаранги), народам Индонезии и Малайзии (малайцы-аборигены, каян, атони, донго, тораджа, центральный Флорес, варопе), а на северо-востоке Азии — корякам-алюторцам. В Северной Америке он представлен не только на Кадыке, но и у большинства остальных эскимосов (центральные юпик, инуиат Берингова пролива и Северной Аляски, медные, нетсилик, иглулик, полярные), у атапасков Аляски и прилегающих районов Канады (коюкон, танана, кучин, танайна, верхние танана, тагиш, талтан, карьер, чилкотин), а также у некоторых индейцев Плато и северной Калифорнии (шсвап, томпсон, лиллует, кламат, юрок, карок, хупа). На востоке континента «кесарево сечение» зафиксировано только у алгонкинов фокс. В Южной Америке тот же мотив есть в Колумбии, Гвиане, восточном Эквадоре и перуанской Монтанье (гуахиро, куива, сикуани, локоно, ваорани, шуар, агуаруна, шаранауа, кашинауа, может быть, уарина).

Поскольку мотив волшебной жены, принимающей образ водоплавающей птицы, и мотив кесарева сечения известны практически всем эскимосам, можно предполагать, что оба они были распространены на Аляске уже в период существования протоэскимосского языка. У алеутов эти мотивы не зарегистрированы, но следует помнить, что значительная часть алеутской фольклорно-мифологической традиции до нас не дошла, поэтому лакуны здесь недостаточно показательны. За пределами Аляски мотивы жены-

гусыни (или лебеда и т. п.) и кесарева сечения не сочетаются и обнаруживают совсем разное ареальное распределение. Первый из них — типично северо-евразийский, второй — типично циркумтихоокеанский. Неодинаковы и более близкие связи обоих мотивов. Первый отсутствует у северных атапасков, но есть, как только что было сказано, у тлинкитов и хайда. Второй представлен у северных атапасков и отсутствует на Северо-Западном Побережье (он есть у внутренних тлинкитов, но явно восходит у них к атапасскому субстрату).

Подобные различия в распространении мотивов отражают сложный генезис эскимосских культур. Часть культурного наследия эскимосов имеет относительно недавние сибирские корни. В III тыс. до н. э., когда восточная Арктика и центральные области Лабрадора наконец освободились от покровного льда, сибирские охотники, уже приспособленные к жизни в высоких широтах, быстро распространились вплоть до севера Гренландии и Земли Элсмira. Я не берусь судить, идет ли речь конкретно о носителях белькачинской культуры Якутии и Колымы III тыс. до н. э. [Powers 1991: 65–66] и принадлежат ли эско-алеутские языки к ностратической макросемье. Однако гипотезы о связях подобного рода в любом случае основаны на фактах, свидетельствующих о наличии азиатских элементов в культуре и языке эскимосов и об отличии эскимосов от индейцев. Сибирские связи обнаруживает и эскимосский фольклор, о некоторых дополнительных параллелях еще пойдет речь. Однако наряду с этим в повествовательной традиции как алютиик, так и эскимосов в целом представлен значительный тихоокеанский компонент, обнаруживающий параллели на востоке Азии, в Океании и Южной Америке. Наиболее вероятно, что этот компонент восходит к западно-аляскинскому субстрату, который в III тыс. до н. э. оказался перекрыт протоэскимосским комплексом Денби.

Примером северотихоокеанско-южноамериканских соответствий служит упоминавшийся выше мотив появления рыб из щепок и стружек. Южноамериканско-берингийские параллели такого рода очень близкие (в эскимосских и обско-угорских текстах совпадений, как было отмечено, больше), но есть и более яркие и явные факты фольклора, свидетельствующие о миграции индейцев из Берингии в Амазонию и Гвиану. Таковы рассказы о том, как молодой герой превращается в мощную птицу или создает таковую и эта птица поднимает в воздух и уносит его врага, который старше героя и который в североамериканских вариантах обычно является его отцом или

дядей по матери. Варианты аляутиик записаны как на Кадьяке, так и у чугачей, причем кадьякский вариант очень близок алеутским. В алеутском же фольклоре это вообще едва ли не самый популярный сюжет, записанный даже на Командорах [Jochelson 1990, № 35: 269–277, 329–333; Ляпунова 1984: 27–28]. Согласно кадьякскому варианту, человек каждый раз убивает мальчиков, которых рождает его сестра. Однажды та притворяется, что родила девочку. Когда ее брат узнает правду, он решает погубить племянника. Сперва он пытается защемить его руку в полурасщепленном бревне, затем пускает юношу в море в коробе или в шкуре тюленя. Тот приплывает в страну Орлов, получает орлиное оперение, приносит кита в селение дяди, чтобы мать могла поесть мяса. Когда дядя отгоняет ее от туши, племянник-Орел поднимает дядю в воздух, бросает в море [Golder 1903, № 8: 90–95].

В Северной Пацифике тексты с мотивом «птица уносит антагониста», помимо кадьякцев, чугачей и алеутов, записаны у азиатских эскимосов, юпик острова Нунивак, инуиат Берингова пролива и северной Аляски, кучин, тагиш, тлинкитов, хайда, карьер и тилламук [Меновщиков 1985, № 39: 88–93; Vogoras 1913, № 7: 426–429; Garber 1940, № 27: 204–215; Hall 1975, № EH13, PM5, PM73: 97–102, 125–130, 276–278; Jacobs, Jacobs 1959, № 14: 25–28, 50–54; Jenness 1934, № 26, 33: 175–177, 195; Lantis 1946, № 12: 281; McClelland 1975: 466; McKennan 1965: 132–136; Reid, Bringham 1989: 93–103; Smelcer 1993: 49–50; Swanton 1905a: 271–273, 273–276, 277–280; 1908, № 38: 513–517; 1909, № 52, 53: 198–203, 203–206; Van Deusen 1999: 94–97]. В Южной Америке они встречаются едва ли не повсеместно, кроме андского пояса, Монтаньи и Чако, в частности есть у сикуани, пиароа, яномами, макиритаре, карихона, банива, десана, уитото, манао, мура, мауэ, паринтинтин, мундуруку, тенетехара, мосетен, суруи, синта ларга, камаюра, ваура, рикбакца, пареси и огнеземельцев-яганов. Не считая эскимосов Чукотки, нет ни одной близкой аналогии в Азии, поэтому вполне вероятно, что мотив возник в Берингии и был принесен оттуда в Южную Америку самыми первыми колонистами.

Что касается континентально-евразийского компонента в фольклоре аляутиик, то хорошим примером здесь служит история сватовства Ворона. Во время голода сын вождя выбирает невесту. Ворон говорит своей бабке, что тоже хочет выбрать невесту. Вождь обещает ему старшую дочь, если тот добудет много еды. Ворон приносит вождю сушеных лосо-

сей, получает девушку. После двух ночей в объятиях Ворона девушку чуть не стошнило, и она вернулась к отцу. Зимой все голодают, и лишь у Ворона с бабкой много еды. Ворон посылает бабку за другой девушкой, и та остается с ним жить. Ворон приносит кита. Когда вождь вместе с другими людьми приходит за мясом, Ворон его прогоняет. Дочь вождя протягивает Ворону рожденного от него ребенка, но Ворон окатывает ее своим пометом. Пришедшие люди объелись и умерли, остались Ворон, его жена и бабка [Golder 1903, № 1: 16–19].

Этот миф имеет соответствия у алеутов острова Атту [Jochelson 1990, № 82: 629–653] и чаплинских эскимосов [Меновщиков 1974, № 36: 156–159], что оставляет возможность относить его появление в регионе к периоду эско-алеутского языкового единства. Более далекие аналогии связывают данный сюжет с сибирскими мифами о двух или трех девушках, последовательно выходящих замуж за персонажа, воплощающего изобилие и тепло [Березкин 2008]. Ранее не учтенная мной параллель есть у коряков. Ворон проглотил солнце. Эмэмкут посылает к нему дочь Ключэнэвыт, но Ворон не хочет ее. Тогда Эмэмкут посылает дочь Инианавыт. Увидев ее, Ворон смеется от радости, выплевывает солнце. Инианавыт прокалывает Ворона палкой, вешает на ней [Меновщиков 1974, № 126: 418–419].

Мотивы, рассмотренные до сих пор, не специфичны ни для аляутиик, ни вообще для Аляски. Однако есть и такие, центр распространения которых расположен именно на крайнем северо-западе американского континента, хотя и они демонстрируют территориально достаточно далекие соответствия. Два из них образуют сюжетное ядро повествований, чрезвычайно популярных среди большинства аборигенов Аляски независимо от их языковой принадлежности.

Первый — это мотив обманутой жены, превращающейся в медведицу-гризли. Муж симулирует смерть, пропадает или надолго отлучается из дома. Жена идет его искать или посылает на поиски сына, в результате чего узнает, что муж жив, но у него другая женщина. В большинстве аляскинских версий покинутая жена мстит, превращаясь в медведицу-гризли и убивая изменника. Самая ранняя по времени запись сделана у чугачей в середине XIX в. Акчимгук все чаще ходит в селение за горой, объясняет жене, что там хорошо угощают. Он притворяется умирающим, велит не сжигать и не зарывать его тело, а забросать хворостом, оставив рядом имущество. Обнаружив пропажу покойника, жена думает, что тело

унес медведь. Сорока рассказывает женщине, что Акчимгук живет с двумя новыми женами. Прежняя приходит к ним в то время, когда муж в море, говорит, что еда вкуснее, если хлебать ее прямо из котла, пихает обеих головой в кипяток. Труп одной женщины она оставляет стоять, будто та смеется, другой — будто та улыбается. Когда появляется муж, жена обвиняет его в измене, превращается в медведицу и убивает [Дорошин 1866: 371–373].

Вариант, записанный столетием позже, сохраняет основные особенности сюжета. Актиингук притворяется умирающим, просит положить на могилу все его имущество. Жена находит могилу пустой, а птица сообщает ей, что муж взял новых жен. Жена приплывает к ним в байдарке, предлагает наклониться над кипящим варевом, пихает в котел, оставляет мертвых стоять одну с улыбающимся лицом, другую с печальным. Сама она превращается в медведицу и убивает мужа, после чего четверо мужчин, которые затем делаются тюленями, увозят ее в море. Превратив плывущие водоросли в остров Мидлтон, медведица сама добирается до острова Монтегу, поэтому бурые медведи на этом острове особенно свирепы [Birket-Smith 1953: 154–155]. Похожий вариант во второй половине XX в. записан и у альтииик Кенайского полуострова [Norman 1990: 162–164]. Вариант с Кадыка известен благодаря Ф. Голдеру. Муж притворяется умирающим, велит оставить его на берегу моря со всем имуществом, женится в другом селении. Покинутая жена приходит к новой, советует ей держать лицо над кипящим котлом, чтобы оно покраснело, толкает женщину в котел, превращается в медведицу, убивает мужа, уходит к медведям [Golder 1909, № 1: 10–11].

Если в эскимосских версиях, включая тексты, записанные среди альтииик, все действующие лица повествования — некие люди, то в алеутских и чукотско-камчатских вариантах те женщины, к которым уходит покинувший первую жену мужчина, имеют нечеловеческую природу. В алеутских вариантах с островов Уналашка и Унга новая жена мужа-изменника выглядит как чудовище — она без носа, с одним глазом во лбу [Golder 1909, № 4: 15–17]. У чукчей это большая волосатая женщина, Горное Эхо [Беликов 1982: 73–77; Bogoras 1902: 624–625; 1928, № 32: 392–394], у коряков — женщина-Муха или женщина-Шмель [Жукова 1980, № 16: 186–189; Bogoras 1917, № 6: 43–45], у ительменов — Лиса [Jochelson 1961, № 37: 243; Меновщиков 1974, № 172: 515–516]. Только у коряков и ительменов мужчина-изменник ассоциируется

с важнейшим персонажем, вокруг которого циклизируются повествования с Эмемкутом и Кутхом. У эскимосов такой циклизации нет.

В целом степень различия вариантов соответствует удаленности друг от друга языков: все палеоазиатские версии, обе алеутские и все эскимосские обладают некоторыми общими признаками в пределах каждой из языковых семей, а версии, записанные у представителей разных семей, обнаруживают больше различий. Иная ситуация с атапасскими версиями. У восточных групп северных атапасков сюжет не зафиксирован, а у западных (коюкон, ингалик, танайна, каска, талтан) сходен с эскимосскими вариантами. Своеобразна только версия атна: женщина, к которой уходит охотник, — Мышь, прежние две жены убивают ее, но не мстят мужу [Billum 1979: 59–61]. Похоже, что ко времени появления атапасков в центральной и западной Аляске (не ранее 2500 л. н. [Краусс 1981: 154–155; Golla 2007: 71–72; Краусс 1980: 953]) сюжет уже был там известен, а затем атапаски заимствовали его от эскимосов.

Различаясь в одних отношениях, чукотская, алеутская и аляскинские эскимосские версии демонстрируют сходство в других. В частности, в чукотско-аляскинских вариантах прежняя жена убивает новую, толкая ее головой в кипяток или наливая ей его в ухо, а сама превращается в медведицу. По мере удаления от западной Аляски такого рода подробности теряются, основной мотив мужчины-обманщика уходит на периферию повествования, встраивается в другие сюжеты. В Америке территориально наиболее далекие параллели чукотско-аляскинским мифам о мужчине-изменнике представлены в низовьях Колумбии у якима, на юге Калифорнии у чумаш и в регионе Великих Озер — Среднего Запада у алгонкинов собственно, меномини и осэдж. Версии ияк и тлинкитов довольно близки эскимосским, но в них нет превращения женщины в медведицу. В Азии за пределами северо-востока единственная параллель обнаруживается у нанайцев [Аврорин 1986, № 1: 26–28]. При этом общий мотив человека (неважно — мужчины или женщины), который притворяется умершим, чтобы вступить в новый брак, представлен в мифологии почти всей Америки, Океании, а также Европы и Западной Африки. Связаны ли исторически европейско-африканский и циркумтихоокеанский ареалы распространения сюжета, пока сказать невозможно. Сделанное в свое время предположение, будто версии аборигенов американского северо-запада заимствованы от французских колонистов, неубедительно [Кгарре 1946]. За ним стоит типичная

и нередкая до сих пор методическая ошибка — сравнивать знакомые исследователю традиции, вырвав каждую из ее широкого регионального контекста.

Один из самых популярных сюжетобразующих мотивов американского северо-запада — «слепой охотник». Женщина нацеливает на зверя стрелу ослепшего мужчины, лжет, будто тот промахнулся, съедает мясо сама. Мужина разоблачает обман и обычно прозревает. Этот мотив известен большинству эскимосов от Берингова пролива до Гренландии [Меновщиков 1985, № 230: 445–449; Boas 1888: 625–627; 1901, № 4: 168–171; Hall, 1975, № PM56: 245–247; Hawkes 1916: 157–158; Holtved, 1951, № 37: 152–165; Keithahn 1958: 76–79; Kroeber 1899, № 6: 169; Lucier 1958, № 11: 96–98; Mishler 2003: 53; Norman 1990: 81–86; Nungak, Arima 1969: 51; Rasmussen 1930a: 77–80; 1930b: 108–109; 1931: 232–236; 1932: 204–205; Spencer 1959: 396–397]. Он есть также у большинства атапасков Аляски и соседних районов Канады (кучин, танайна, атна, танана, верхние танана, талтан, хэа, чилкотин, карьер [Billum 1979: 51–53; Boas 1916: 827–828; Brean 1975: 29–35; Farrand 1900, № 21: 35–36; Kalifornsky 1991: 145–149; McClelland 1975: 78; Petitot 1886 № 32: 226–229; Smelcer 1992: 113–114; 1997: 37–39; Teit 1921, № 34: 226–228; Vaudrin 1969: 15–18]), индейцев Северо-Западного Побережья (ияк, тлинкиты, цимшиан, беллакула, увикино, квакиутль и (с некоторыми отличиями) кердален [Boas 1910, № 33: 447–452; 1916: 246–250, 825–827; Laguna 1972: 888–889; Krauss 1982: 88–89; McIlwraith 1948: 661–662; Reichard 1947, № 7: 89–95; Smelcer 1993: 57–60; Walkus 1982: 100–134]) и отдельных групп индейцев за пределами северо-запада Северной Америки (арапахо, айова, осэдж, юте, южноамериканские пареси; см. ниже). В Сибири он зафиксирован у нганасан, хантов, эвенов и юкагиров [Жукова, Чернецов, 1994: 66–68; Николаева, Жукова, Демина 1989, № 48: 29–33; Лукина 1990, № 65: 189–191; Новикова 1987: 76–77; Пелих 1972: 376–377; Симченко 1996: 71]. В большинстве как сибирских, так и американских вариантов жена обманывает слепого мужа, но во всех эскимосских текстах мать или бабушка обманывает сына или соответственно внука. Кроме того, в эскимосских версиях охотник всегда стреляет в медведя, а в атапаских — в лося. В сибирских текстах слепой также стреляет в оленя или лося.

Учитывая, что сюжет слепого охотника записан на острове Нельсон у центральных юпик, а также у танайна, атна, ияк и тлинкитов, можно было ожидать, что он найдется и на Кадьяке, однако в имею-

щихся источниках его нет. Счесть это случайной лакуной в записях мешает чугачский текст. В нем слепой юноша просит Гагару исцелить его. Гагара сажает юношу себе на спину, ныряет, юноша прозревает, дарит Гагаре белый передник из раковин денталиум, и она носит его до сих пор [Birket-Smith 1953: 151]. Эпизод с водоплавающей птицей, которая ныряет со слепым и тем возвращает ему зрение, на Аляске прочно сцеплен с мотивом слепого охотника. В Сибири этот эпизод не известен, а на южной периферии сюжета в Новом Свете утрачивает связь с мотивами, характерными для аляскинских вариантов «слепого охотника», причем на помощь человеку приходит не гагара, а другой персонаж. У зуны Аризоны утки возвращают слепому зрение, спуская его под воду, но история не связана с мотивом женщины, которая лжет слепому, будто он промахнулся, стреляя в зверя [Hodge 1993: 24–28]. У айова и осэдж, напротив, этот последний мотив представлен (бабушка обманывает внука), но мотив возвращения зрения в результате опускания под воду отсутствует, а сами тексты имеют трикстерский характер и этим напоминают западно-сибирские [Dorsey 1904, № 26: 32; Skinner 1925, № 36: 496–497]. У береговых сэлишей охотнику, которого не обманывает, но отвергает его жена, помогает некий водный дух, причем охотник этот либо слеп, либо болен кожной болезнью [Ballard 1929: 138–140; Haeberlin 1924, № 38: 433–435]. У ассинибойн со слепым ныряет какая-то птица, вероятно чайка [Lowie 1909, № 48: 204–205], у арапахо человека делает зрячим сова [Dorsey, Kroeber 1903, № 125–127: 282–287], у юте слепой сам себя лечит [Lowie 1924, № 49: 78; Mason 1910, № 4: 301], а в единственном южно-американском варианте у пареси человек мстит женам, но остается слепым [Pereira 1987, № 163: 662–663].

Таким образом, чугачский вариант, в котором эпизод с гагарой не связан с мотивом женщины, обманывающей слепого мужа или сына, вполне типичен для периферийных версий сюжета, поэтому отсутствие «слепого охотника» на Кадьяке может быть неслучайным. Если мотив слепого охотника сибирского происхождения, в пользу чего говорят хантыйские и прочие параллели, то его отсутствие в мифологии аляутиик лишней раз подчеркивает ее преимущественные связи с тихоокеанским миром, а не с континентальной Евразией.

Текст чугачей содержит еще один эпизод, интересный для прослеживания древних культурных связей населения юга Аляски. Речь идет об атапасках карьер и чилкотин, живущих в Британской Колумбии на

границе ареалов Субарктики и Плато. По сравнению с остальными северными атапасками мифология этих двух групп, особенно чилкотин, своеобразна, и причиной является влияние сэлишского субстрата (судя по археологическим данным, в этом районе атапаски сменили сэлишей лишь за несколько десятилетий до открытия Америки [Pokotylo, Mitchell 1998: 89]). Именно у карьер и чилкотин обретший зрение юноша награждает гагару ожерельем, которое и сейчас заметно у нее на шее в виде черных крапинок [Boas 1916: 827; Farrand 1900, № 21: 35–36]. Предполагать эксклюзивные контакты населения южной Аляски с чилкотин трудно, скорее речь идет о связях вдоль побережья, которые трудно точно датировать. Подобные контакты сказались у аляутиик на фольклоре больше, чем у других эскимосов.

Южная Аляска входит в зону распространения богатого комплекса трикстерских мотивов, простирающуюся от северо-востока Азии до границ Мексики. В Северной Пацифике эти мотивы циклизуются, как известно, вокруг образа Ворона. Вдоль побережья арктического бассейна вплоть до медных эскимосов заходит также господствующий в континентальной Евразии и хорошо представленный на Чукотке образ трикстера-Лисы. У аляутиик, однако, как и у индейцев севера Северо-Западного Побережья, Ворон — единственный трикстер. Со многими североамериканскими трикстерами его объединяет совмещение ролей трикстера и демиурга, так что некоторые из его «трюков» одновременно входят в число актов творения. Таков многократно записанный миф об обретении света, самые южные варианты которого представлены у квилеут (чимакум северо-западного Вашингтона [Andrade 1931, № 28: 85–89; Farrand, Mayer 1919: 254–255; Reagan, Walters 1933: 299–300, 308–309]), а последние отголоски есть на юге Мексики у миштеков [Solano González 1985: 172–177]. Основная же территория распространения сюжета включает Аляску, Субарктику (то есть северных атапасков), побережье Британской Колумбии и остров Ванкувер. В этих районах Ворон приходит к персонажу, спрятавшему дневной свет или солнце (солнце и месяц). Превратившись в плавающий на воде маленький предмет (мусоринку, хвоинку), он дает себя проглотить дочери владельца света, которая от этого беременеет и рождает мальчика. Мальчик просит у деда для игры содержащие свет предметы, обретает свой истинный облик, уносит свет и выпускает его в мир.

Эти подробности содержат мифы инупиат Берингова пролива и северной Аляски, централь-

ных юпик, кадьякцев, коюкон, танайна, ингалик, танана (вероятно), атна, верхних танана, тагиш и внутренних тлинкитов, кучин, хан, талтан, каска, чилкотин, чипевайан, ияк, тлинкитов, хайда, цимшиан, хейлцук, увикино, беллакула и нутка [Вениаминов 1840(3): 47; Barbeau 1961: 75–85; Bell 1903, № 2: 79; Birket-Smith, Boas 1902: 10–16, 21–23; 1916, № 1: 883; 2002, № XX.1.1: 443–445; Brean 1975: 37–41; Chapman 1914, № 5: 22–26; Cruickshank 1992: 42–43; De Laguna 1972: 852–856, 860–862; 1996, № 23–26: 197–214; Farrand 1900, № 2: 14–15; Garfield, Forest 1961: 78–79; Golder 1903, № 6: 85–87; 1907: 292–293; Gubser 1965: 35–39; Hall 1975, № EH6: 83–85; Honigmann 1949: 215; Jetté 1908: 304–305; Jones 1983: 89–105; Krenov 1951: 193–195; McClelland 1987: 254–257; McIlwraith 1948: 298, 301; McKennan 1959: 190–191; 1965: 90–91; Laguna 1938: 251, 259–260; Lucier 1958, № 3: 92; Nelson 1899: 460–462; Ostermann 1942: 70–73; Spencer 1959: 385; Osgood 1937: 183–184; Schmitter 1910: 26; Smelcer 1992: 31–32, 111; 1997: 19–21; Swanton 1905a: 116–118, 142–143; 1908: 308–311, 346–347; 1909, № 1, 31: 3–4, 81–82, 374; Teit 1919, № 5: 204–205; Vaudrin 1969: 43–44; Boas 1895: 173–174, 242; 1910, № 17: 233–235; 1916, № 1: 883, 888–892].

У палеоазиатов большинства соответствующих эпизодов нет и Ворон обычно не добывает свет для людей, а прячет его от них. Поскольку с сюжетом были знакомы восточные атапаски (чипевайан), есть основания полагать, что на предполагаемой прародине атапасков в районах, прилегающих к границе Аляски, Юкона и Британской Колумбии, к началу расселения атапасков 2–2,5 тыс. лет назад сюжет уже был известен. В пользу того же свидетельствует и его повсеместная популярность на основной территории Северо-Западного Побережья до острова Ванкувер включительно. Алеутам, согласно краткому пересказу И.Е. Вениаминова, сюжет был знаком почти в том же виде, что и тлинкитам (и, добавим, кадьякам). Его полное отсутствие у восточных инуит делает маловероятной связь с традицией Туле. Скорее всего, в пределах Аляски сюжет распространялся с юга на север, на Кадьяке появился рано и соответственно восходит к культурному наследию не эскимосов, а создателей культуры Качемак.

Влияние культур Северо-Западного Побережья можно предполагать и для вариантов редкого на Аляске мотива «Дичь танцует вокруг охотника» (K826 по Томпсону). Персонаж приглашает животных собраться вокруг него и сосредоточить внимание на

какой-то деятельности, после чего начинает убивать собравшихся. Одна из жертв открывает глаза и поднимает тревогу. На основной территории Северной Америки трикстеры таким способом убивают водоплавающих птиц, иногда сусликов или оленей. На Аляске жертвами Ворона делаются тюлени или косатки. В варианте уналик залива Нортон Ворон приглашает тюленей на праздник, обещает улучшить их зрение, склеивает им веки смолой, но забывает о тюлененке в дверях. Тот поднимает тревогу, когда другой тюлененок плачет, пытаясь открыть глаза. Ворон убивает гостей палкой по одному, только тюлененок в дверях спасается [Nelson 1899: 462–467]. У аляутиик, конкретно у чугачей, данный мотив использован не в трикстерском, а в героическом контексте. Косатки похищают жену Ворона. Тот спускается на дно моря, подкупает сторожа-Журавля, дав ему новое копье-клюв, затем схвачен Косатками и брошен в отхожее место. Выбравшись оттуда, он притворяется вождем Белок, Куниц, Ласок и Норок. Вождь Касаток спрашивает, отчего люди Ворона такие быстрые. Тот отвечает, что вырезал у каждого по кусочку печени, легких и сердца, предлагает Косаткам лечь в ряд, мажет им глаза смолой. У вождя один глаз остается чуть-чуть открытым, и, когда Ворон начинает убивать Косаток одну за другой, вождь замечает это и убегает через дымоход. Ворон с женой возвращаются на землю [Birket-Smith 1953: 167–170].

Сюжет, в который у чугачей встроен мотив убийства ослепших, связан с историей похищения Косатками жены героя. Чтобы вернуть ее, тот спускается на дно моря. Во всех вариантах есть мотив подкупленного героем раба, слуги, сторожа. Помимо еще одной записи, которую Биркет-Смит сделал у чугачей [Birket-Smith 1953: 171], данный сюжет зафиксирован вдоль всего Северо-Западного Побережья у тлинкитов, хайда, беллакула, хейлцук, квакиутль, нутка [Beck 1989: 100–112; Boas 1910, № 18: 217–223; 1928: 105–107; McIlwraith 1948: 544–546; Sapir, Swadesh 1939, № 13: 63–67; Swanton 1905a: 244–247, 338–340; 1908, № 35: 495–500; 1909, № 4, 59: 26–27, 215–217], а также у атапасков, находившихся в контакте с индейцами побережья — талган [Teit 1921, № 35: 228–229] и карьер [Jenness 1934, № 8: 141–143]. Дальше на юг сюжет записан у береговых сэлишей, а именно у халкомелем [Boas 1895, № V.3: 55–56] и сечелт [Hill-Tout 1904: 52–54], у внутренних сэлишей оканагон [Hill-Tout 1911: 158–161] и, наконец, у южнокалийфорнийских чумаш [Blackburn 1975, № 26: 175–189]. В вариантах нутка, карьер, сэлишей и чумаш похитителями

являются не косатки, а другие морские жители, но в остальном сюжет опознается как тождественный типичным вариантам с Северо-Западного Побережья, причем у халкомелем сторожем, как и у чугачей, является Журавль, которого герой подкупает, подавив ему копье-клюв.

Таким образом, среди традиций, которые содержат рассказ о герое, вернувшем свою жену, похищенную морскими обитателями, аляутиик, во всяком случае чугачи, оказываются в ряду групп, разбросанных вдоль тихоокеанского побережья от Аляски до Калифорнии. К эскимосской традиции данный сюжет отношения не имеет, у чугачей он либо связан с доэскимосским субстратом, либо напрямую заимствован от индейцев Северо-Западного Побережья.

Другой пример того же рода — представление о том, что у переправы через реку, отделяющую мир людей от мира умерших, тех бесполезно звать громким голосом, поскольку они ничего не услышат. Зато зевоту, шепот, вздохи и прочие тихие или нечленораздельные звуки умершие воспринимают как связную речь и слышат издали. Этот мотив встречается только у индейцев Северо-Западного Побережья и Плато, а именно у тлинкитов, беллакула, квакиутль, лиллуэт, верхних чехалис, нижних чинук, кликитат, оканагон и калапуя [Adamson 1934: 21–24, 27–29; Boas 1894, № 15: 167–171; 1895, № XXV.3: 321–322; 1921: 710–713; Elliott 1931: 169–172; Gatschet et al. 1945: 199–203, 226–231; Gayton 1935: 278; Hill-Tout 1905: 199–201; Jacobs 1929, № 10: 227–230; Laguna 1972: 767; McIlwraith 1948: 506–508, 582–587; Swanton 1909, № 87: 249–250], а также у тесно связанных с сэлишами севера Плато атапасков карьер [Jenness 1934, № 1, 9: 99–100, 143–145] и у чугачей [Birket-Smith 1953: 174–175].

На примере мифа о возвращении героем похищенной Косатками жены заметна и еще одна особенность фольклора аляутиик — относительно слабая на региональном фоне представленность у них трикстерских мотивов (как только что было сказано, типичный трикстерский мотив у чугачей использован в приключенческо-героическом повествовании). В этом отношении аляутиик сближаются с алеутами, у которых трикстерский комплекс по существу отсутствует, по крайней мере в дошедших до нас текстах. Если трикстерские истории в фольклоре кадьякцев и чугачей и встречаются, то они совпадают с представленными у других эскимосов и не имеют близких параллелей ни на Северо-Западном Побережье, ни у алеутов.

Вот типичный чугачский пример подобного рода. Ворон провоцирует Кита раскрыть рот, прыгает внутрь, видит мешок, являющийся сердцем Кита, и маленькую женщину, которая коптит проглатываемых Китом сельдей. Ворон режет сердце Кита ножом, женщина исчезает, Кит подышает, тушу прибывает к берегу. Когда люди приходят ее свежевать, Ворон вылетает наружу, а затем возвращается человеком и предупреждает, будто есть китовое мясо опасно. Когда люди уходят, Ворон, Сорока и Сойка начинают пировать [Birket-Smith 1953: 171–172]. Истории о том, как Ворон проникает в Кита, чтобы его умертвить и наестся мяса, популярны у индейцев Северо-Западного Побережья, а также у атапасков западной и южной Аляски, которые явно заимствовали сюжет от жителей побережья. Однако мотив женщины с лампой внутри кита — не просто эскимосский, но и почти наверняка распространившийся в ходе тех переселений, которые произошли менее тысячи лет назад и привели к смене культуры Дорсет культурой Тулэ в восточной Арктике, а также традиции Нортон в районе Бристольского залива и культуры Качемак на Кадыке и п-ве Аляска культурой непосредственных предков современных центральных юпик и аляутиик.

У аляутиик встречаются фольклорные сходения не только с индейцами Северо-Западного Побережья и эскимосами, но и с аляскинскими атапасками, однако большинство из них, если не все, не эксклюзивны. Примером служит мотив оторванной и возвращенной руки, на котором основаны два чугачских текста из собрания Биркет-Смита [Birket-Smith 1953: 165–166, 170]. Согласно первому, Медведь откусывает человеку руку, вешает в дымовом отверстии, человек испытывает от этого сильную боль. Ворон просит Медведя положить в огонь дымную кору и, пользуясь этим, уносит руку. Поскольку рука оказалась согнутой, люди теперь сгибают руки в локте. Второй текст пространнее. Ворон сам подначивает Медведя откусить руку кому-нибудь из людей, когда те приманивают медведей во время хода лососей, и он же советует повесить руку в дымоходе, чтобы причинить раненому больше страданий. Не зная об этом, люди просят Ворона помочь им. Тот говорит Медведю, что, если привязать руку травой, а не древесными корнями, боль владельца усилится. Трава рвется, и Ворон уносит руку. Прикладывая ее назад, он просит людей держать глаза закрытыми, но один человек открыл глаза, поэтому у людей руки теперь сгибаются. А вот вариант верхних кускоквимцев [Ruppert, Bernet 2001: 285–287]. Волки и Медведи с верховьев приходят играть к людям с низовьев, от-

рывают руку Кунице, уносят ее. Люди просят Ворона помочь. Тот превращает пихтовые сучья в хорошую одежду, его принимают за богатого человека. Он ложится спать там, где над ним висит оторванная рука, улетает и уносит ее. Ворон прикладывает Кунице руку, но она недостаточно хорошо двигается, поэтому у куниц асимметричные следы.

С разными вариациями подобный рассказ записан не только у верхних кускоквимцев, но и у танана, кучин и чипевайян. У хайда, береговых сэлишей (комокс) и в существенно ином контексте, но с сохранением главных эпизодов — у лакота на севере Равнин. Наиболее правдоподобно локализовать центр распространения мотива где-то на севере Северо-Западного Побережья, откуда он мог распространиться как вглубь материка к атапаскам, так и в обе стороны вдоль побережья. Если бы чугачи заимствовали историю оторванной руки непосредственно у своих атапасских соседей, можно было бы ожидать встретить ее в собраниях текстов танайна и атна, а в них его обнаружить как раз не удалось.

Есть еще один мотив, объединяющий аляутиик, точнее опять-таки чугачей, с северными атапасками. Речь идет об объяснении смертности человека. Согласно чугачскому мифу, могучий старик сотворил из камня мужчину и женщину. Поставив готового мужчину на ноги, он сломал ему нечаянно левую ногу. После этого творец сделал новые фигуры из земли, поэтому люди умирают, а каменные жили бы вечно [Дорошин 1866: 369]. Мотив противопоставления камня как обеспечивающего бессмертие вечного материала дереву, глине или иному менее прочному материалу, из которого оказались сделаны или с которым были сопоставлены люди, не известен ни эскимосам и алеутам, ни палеоазиатам, но зафиксирован практически у всех западных групп северных атапасков, в частности у ингалик, коюкон, верхних кускоквим, верхних тапана, атна и талтан [Jones 1983: 135; McKennan 1959: 213; Nelson 1983: 20; Osgood 1959: 103; Rooth 1971: 343; Ruppert, Bernet 2001; Smelcer 1992: 124–125; Teit 1919, № 21: 216]. Он популярен и среди индейцев Северо-Западного Побережья, но только его северной части, то есть у тлинкитов, хайда и цимшиан [Boas 1895, № XXV/1, XXIII/2: 278, 319; 1902: 72; Deans 1891: 34; Swanton 1905b: 236; 1908a: 319; 1909, № 1, 31: 18, 81]. Миф талтан ближе к варианту цимшиан, а остальные атапасские варианты вместе с тлинкитским в наибольшей мере похожи на чугачский текст. Очевидно, что сюжет, объясняющий происхождение смертности человека и основанный на противопоставлении камня и иного материала,

был известен в пределах компактной территории, включающей внутриконтинентальные области Аляски и север Северо-Западного Побережья. В таком случае не исключено, что сюжет восходит к мифологии предковой группы на-дене (отсутствие записей у ияк не показательно, ибо их мифология во многом утрачена). В этом случае к обитателям берегов залива Принс Уильям данный миф мог попасть в любое время — от эпохи до разделения языков на-дене до периода после распространения языка аляутиик на юге Аляски. Источником же заимствования могли быть как атапаски, так и тлинкиты. Что касается территориально далеких параллелей в Старом Свете, то камень как образ неосуществленного проекта по разделению людей бессмертием представлен исключительно в притихоокеанской зоне — у айну, в Древней Японии и далее на юг в австронезийском мире (откуда он попал на Мадагаскар). В Сибири мотив редок, а в имеющихся версиях непрочной глине противопоставлено либо твердое дерево (у манси), либо железо (у западных эвенков).

Прослеживая параллели мотивам, встречающимся в фольклоре и мифологии кадьякцев и чугачей, мы пытались ответить на два главных вопроса. Первый: в какой примерно пропорции представлены у аляутиик индо-тихоокеанские и континентально-евразийские традиции. И второй: что у аляутиик специфически эскимосского, а что может являться наследием более древнего субстрата.

На первый вопрос ответить легче. Ясно, что ядро космогонии аляутиик — тихоокеанское, а не сибирское, и что фольклорно-мифологические параллели с Восточной и Юго-Восточной Азией, особенно с австронезийским миром, наиболее многочисленны. При этом в повествовательной традиции кадьякцев и чугачей нет мотивов, которые можно было бы убедительно связать с традициями тех самых ранних проникших в Новый Свет групп людей, которые, по всей видимости, не были американоидами, а скорее напоминали меланезоидов и австралоидов. Не исключено, конечно, что подобные тексты до прихода русских на Аляске существовали, но были утрачены прежде, чем алеутский и аляутиикский фольклор стали записывать европейцы. В пользу подобного предположения — мужские ритуалы аляутиик [Давыдов 1910: 205–208] и алеутов [Вениаминов 1840(2): 309–315], участники которых не только изображали мифологических предков, но и вели себя подчеркнуто агрессивно по

отношению к женщинам. Аналогии подобным ритуалам представлены в Южной Америке и Меланезии, тогда как у индейцев Северной и Центральной Америки ритуальные практики подобного рода либо отсутствуют, либо представлены в слабой форме.

Что касается второго вопроса, то лучшим критерием эскимосской принадлежности тех или иных мотивов и сюжетов является их наличие в фольклоре инуит при отсутствии или редкости у индейцев. Таких мотивов довольно мало и, что еще важнее, у аляутиик нет многих мотивов, которые встречаются у остальных эскимосских групп. Не вызывает сомнений, что из всех эскимосских мифологий мифология аляутиик является наименее «эскимосской». У кадьякцев и чугачей есть немало сходств с индейцами Северо-Западного Побережья и алеутами, но и они не доминируют в их мифологии и фольклоре.

В целом набор мотивов в мифологии аляутиик своеобразен, что соответствует результатам археологических изысканий на Кадьяке и прилегающих территориях южной Аляски. Далеких предков аляутиик следует искать не в пределах — или по крайней мере не только в пределах — Саяно-Алтая (южно-сибирская прародина вероятна для хотя бы части североамериканских индейцев), а ближе к Тихому океану. Относительно более конкретных и поздних связей археологи допускают, что создатели культуры Качемак хотя и отличались от исторических юпик, но были тем не менее эскимосами [Fagan 1995: 179]. Некоторые особенности их культуры, прежде всего использование жировых ламп и ножей улу и строительство землянок с входным коридором, действительно придают Качемак «эскимоидный» облик. Здесь же можно упомянуть и погребальные маски со вставными глазами, аналогии которым представлены на берегу Чукотского моря в могильнике Ипиутак середины I тыс. н. э. [Larsen, Rainey 1948]. Эта последняя параллель наиболее существенна, поскольку не связана со сферой жизнеобеспечения и — насколько известно — эксклюзивна именно для данных комплексов. Соответственно принадлежность языка людей Качемак к какой-то вымершей эскимосской ветви возможна, однако следует подчеркнуть, что речь идет именно об особой ветви, не оставившей языковых потомков. По данным О. А. Мудрака, современные эскимосские языки разошлись в первых веках до нашей эры, а время расхождения между эскимосскими и алеутскими языками оценивается в 4000 лет [Campbell 1997: 109]. В первой половине I тыс. до н. э. в районе Бристольского залива на западе Аляски возникла традиция Нортон [Ackerman 1998: 256;

Dimond 2000: 14], заключительным этапом которой является Ипиутак. Крайне вероятно, что именно создатели данной традиции говорили на протоэскимосском языке. К этому времени, однако, прилегающие к Тихому океану районы Аляски в культурном отношении были уже настолько резко отделены от берингоморских районов, что крайне сложно предполагать, будто между западом и югом Аляски не существовало языковой границы. Соответственно гипотетический «параэскимосский» язык людей Качемак и протоэскимосский язык традиции Нортон могли иметь лишь отдаленного общего предка, каковым мог быть скорее всего язык создателей кремневого комплекса Денби. Если так, то языки создателей Качемак и традиции Нортон различались настолько же, насколько различаются эскимосские и алеутские языки.

Оценивая различия между археологическими культурами и их вероятное происхождение, а также сопоставляя время их существования с оценками времени расхождения языков, логично заключить,

что язык создателей культуры Оушен Бей к эскоалеутской ветви вообще не принадлежал. При переходе от Оушен Бей к Качемак либо должна была произойти смена языка, либо «эскимоидные» черты культуры были заимствованы населением, которое сохранило прежний язык. В первом случае язык создателей культуры Качемак вполне мог быть эскоалеутским, но равноудаленным от обеих ветвей этой семьи. Большая близость к алеутам, чем к эскимосам возможна [Dimond 1987: 43], но не очевидна. В последнем случае в период до распространения аляутик население Кадыка скорее всего не имело в Америке явных лингвистических родственников. Тогда, если бы язык людей Качемак сохранился, то он оказался бы изолятом, не принадлежа ни к эскоалеутской, ни к палеоазиатской семье, ни к семье на-дене.

*Ю.Е. Березкин,
доктор исторических наук, заведующий
отделом этнографии Америки МАЭ РАН*

Библиография

- Азбелев С.Н., Мещерский Н.А.* Фольклор Русского Устья. Л.: Наука. 384 с.
- Аноним.* Фольклор // Записки Чукотского краеведческого музея. Вып. 1. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1958. С. 69–72.
- Беликов Л.В.* Чукотские народные сказки, мифы и предания. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1982. 208 с.
- Березкин Ю.Е.* Черный пес у слезной реки. Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антропологический форум. 1982. № 2. С. 174–211.
- Березкин Ю.Е.* Фольклорно-мифологические параллели между Западной Сибирью, северо-востоком Азии и Приамурьем — Приморьем (к реконструкции раннего состояния сибирской мифологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006а. № 3 (27). С. 112–122.
- Березкин Ю.Е.* До или после Завета? «Оплеванное творение» и сопутствующие мифологические мотивы в Евразии // Культура Аравии в азиатском контексте. СПб.: МАЭ РАН, 2006б. С. 225–249.
- Березкин Ю.Е.* Космогонические сюжеты «ныряльщик за землей» и «выход людей из земли» (о гетерогенном происхождении американских индейцев) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 110–123.
- Березкин Ю.Е.* Сибирско-саамские связи в области мифологии на фоне сюжета ATU 480 // Natales grate pumegas? Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб.: изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С. 119–143.
- Васильев С.А.* и др. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 263 с.
- Васильевский Р.С.* Древние культуры тихоокеанского севера. Новосибирск: Наука, 1973. 267 с.
- Васильевский Р.С.* Лабретки в культурах Северотихоокеанского региона // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2. С. 71–78.
- Вениаминов И.Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб: издано иждивением Российско-Американской компании, 1840. Ч. 2. 415 с. Ч. 3. 147 с.
- Вострецов Ю.Е.* Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 389 с.

Гедеон (Г. Федотов). Записки иеромонаха Гедеона о первом русском кругосветном путешествии и Русской Америке, 1803—1808 гг. // Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994. С. 27—121.

Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Сказки народов Памира. М.: Наука, 1976. 536 с.

Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова писаное сим последним. Ч. 1. СПб.: печатано в Морской Типографии, 1810. 287 с.

Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова писаное сим последним. Ч. 2. СПб.: печатано в Морской Типографии, 1812. 224 с.

Диков Н.Н. Культурные связи между северо-восточной Азией и Америкой по данным позднеплейстоценовых и раннеголоценовых памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1982. С. 21—27.

Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб.: Наука, 1993. 304 с.

Джуртубаев М.Ч. Карачаевско-балкарские мифы. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. 484 с.

Дорошин П.П. Из записок веденных в Русской Америке // Горный журнал. 1866. № 1 (3). С. 365—400.

Жукова А.Н. Язык паланских коряков. Л.: Наука, 1980. 288 с.

Жукова Л.Н., Чернецов О.С. Хозяин земли: легенды и рассказы лесных юкагиrow. Якутск: изд-во Якутского университета, 1994. 98 с.

Исламов А.З. Семантика пространства казымских ханты в их мировосприятии. Тюмень: изд-во Тюменского государственного университета, 2006. 148 с.

Кандаракова Е.П. Алтайский фольклор. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского кн. изд-ва, 1988. 216 с.

Краусс М.Э. Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1981. С. 149—181.

Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1979. 483 с.

Ландтман Г. Сказки и мифы папуасов киваи. Из собрания Г. Ландмана: Пер. с англ. и пиджин инглиш. М.: Наука, 1977. 328 с.

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803—1806 годах, по повелению его императорского Величества Александра I на корабле Неве под началом Юрия Лисянского. Ч. 2. СПб.: типография Ф. Дрехслера, 1812. 335 с.

Лукина Н.В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.

Ляпунова Р.Г. Ворон в фольклоре и мифологии алеутов // Б.Н. Путилов, ред. Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 23—34.

Меновицков Г.А. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М.: Главная редакция восточной литературы, 1974. 646 с.

Меновицков Г.А. Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. 669 с.

Мерк К.Г. Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в городе Охотске / Пер. с нем. З.Д. Титовой // Этнографические материалы Северо-восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1978. С. 59—92.

Молданов Т. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: изд-во Томского университета, 1999. 139 с.

Николаева И.А., Жукова Л.Н., Демина, Л.Н. 1989. Фольклор юкагиrow верхней Колымы (хрестоматия). Ч. 1. Якутск: Якутский университет, 1989. 127 с.

Новикова К.А. Эвенские сказки, предания и легенды. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1987. 158 с.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: изд-во Томского университета, 1972. 424 с.

Ромбандеева Е.И. Мифы, сказки, предания манси (вогулов). М.; Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.

Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 555 с.

Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану. М.: Государственное изд-во географической литературы, 1952. 320 с.

- Симченко Ю.Б.* Традиционные верования нганасан. Ч. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. 215 с.
- Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.
- Ackerman R.E.* Early maritime traditions in the Bering, Chukchi, and East Siberian seas // *Arctic Anthropology*. 1998. Vol. 35. N 1. P. 247–262.
- Adams R.N.* Natural selection, energetics, and «Cultural materialism» with CA comment // *Current Anthropology*. 1981. Vol. 22. N 6. P. 603–624.
- Adamson T.* Folk Tales of the Coast Salish. New York: the American Folklore Society, 1934. 430 p.
- Andrade M.J.* Quileute Texts. New York: Columbia University, 1931. 219 p.
- Ballard A.C.* Mythology of the Southern Puget Sound // *University of Washington Publications in Anthropology*. 1929. Vol. 3. N 2. P. 31–150.
- Barbeau C.M.* Tsimshyan Myths. Ottawa: Department of Northern Affairs and Natural Resources, 1961. 97 p.
- Beck L.M.* Heroes & Heroines in Tlingit-Haida Legend. Anchorage, Portland: Alaska Northwest Books, 1989. 114 p.
- Bell J.M.* The fireside stories of the Chippewyans // *Journal of American Folklore*. 1903. Vol. 16. N 61. P. 73–84.
- Berezkin Yu.* The Pleiades as Openings, Milky Way as the Way of Birds, Girl in the Moon: North-Eurasian ethno-cultural links in the looking-glass of cosmonymy // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2009. N 4(44). P. 100–113.
- Billum J.* Atna' yanida'a. Ahtna stories. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, 1979. 103 p.
- Birket-Smith K.* Ethnography of the Egedesminde District with Aspects of the General Culture of West Greenland. København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1924. 484 p.
- Birket-Smith K.* Contributions to Chipewyan Ethnology. Copenhagen: Fifth Thule Expedition, 1930. 115 p.
- Birket-Smith K.* The Chugach Eskimo. København: Nationalmuseet, 1953. 262 p.
- Birket-Smith K., Laguna F. de.* The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. København: Levin & Munksgaard, 1938. 591 p.
- Blackburn T.C.* The December's Child. A Book of Chumash Oral Narratives. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1975. 359 p.
- Blackwood B.* Tales of the Chippewa Indians // *Folk-Lore*. 1929. Vol. 40. N 4. P. 315–344.
- Boas F.* The Central Eskimo // 6th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1884-1885). Washington: Government Printing Office, 1888. P. 399-669.
- Boas F.* Chinook Texts. Washington: Smithsonian Institution, 1894. 278 p.
- Boas F.* Indianische Sagen von der Nordpazifischen Küste Amerikas. Berlin: Asher, 1895. 363 S.
- Boas F.* The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay // *Bulletin of the American Museum of Natural History*. 1901. Vol. 15. Part I. P. 4–370.
- Boas F.* Tsimshian Texts. Washington: Smithsonian Institution, 1902, 244 p.
- Boas F.* Kwakiutl Tales. New York: Columbia University Press; Leyden: E. J. Brill, 1910. 495 p.
- Boas F.* Tsimshian mythology // 31th Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1909–1910). Washington: Government Printing Office, 1916. P. 29–1037.
- Boas F.* Ethnology of the Kwakiutl // 25th Annual Report of the Bureau of American Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution (1912-1914). Part 1. Washington: Government Printing Office, 1921. P. 43–794.
- Boas F.* Bella Bella Texts. New York. Columbia University, 1928. 291 p.
- Boas F.* Kwakiutl Culture as Reflected in Mythology. New York: American Folk-lore Society, 1935. 190 p.
- Boas F.* Indian Myths and Legends from the North Pacific Coast of America. A translation of Franz Boas' 1895 edition of Indianische Sagen von der Nord-Pazifischen Küste Amerikas. Vancouver: Talonbooks, 2002. 702 p.
- Bogoras W.* The folklore of Northeastern Asia, compared with that of Northwestern America // *American Anthropologist*. 1902. Vol. 4. N 4. P. 577–683.
- Bogoras W.* The Eskimo of Siberia // *Memoires of the American Museum of Natural History*. 1913. Vol. 12. Part 3. P. 419–456.
- Bogoras W.* Koryak Texts. Leyden: E.J. Brill, 1917. 153 p.
- Bogoras W.* Chuckchee tales // *Journal of American Folklore*. 1928. Vol. 41. N 161. P. 297–452.
- Bray T.L., Killion T.W.* Reckoning with the Dead: The Larsen Bay Repatriation and the Smithsonian Institution. Washington and London: Smithsonian Institution. 194 p.

- Brean A.* Athabascan Stories. Salt Lake City: Amu Press, 1975. 79 p.
- Campbell L.* American Indian Languages. New York, Oxford: Oxford University Press, 1997. 512 p.
- Camsell C.* Loucheux myths // Journal of American Folklore. 1915. Vol. 28. N 109. P. 249–257.
- Chapman J. W.* Ten'a Texts and Tales from Anvik, Alaska. Leyden: E.J. Brill; New York: G.E. Stechert, 1914. 230 p.
- Clark D. W.* Koniag Prehistory. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: Verlag W. Kohlhammer, 1974. 271 p.
- Clark D. W.* Ocean Bay: an Early North Pacific Maritime Culture. Ottawa: National Museums of Canada, 1979. 404 p.
- Clark D. W.* “Only a skin boat load or two”. The role of migration in Kodiak prehistory // Arctic Anthropology. 1992. Vol. 29. No. 1. P. 2–17.
- Crowell A.L., Steffian A.F., Pullar G.L., eds.* Looking Both Ways. Heritage and Identity of the Alutiiq People. Fairbanks: University of Alaska Press, 2001. 265 p.
- Cruikshank J.* Life Lived Like a Story. Life stories of three Yukon native elders. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1992. 404 p.
- Cumming J.R.* Metaphysical implications of the folktales of the Eskimos of Alaska // Anthropological Papers of the University of Alaska. 1954. Vol. 3. N 1. P. 37–63.
- Curtis E. S.* The North American Indian. Vol. 20. New York, San Francisco, London: Johnston Reprinting Corporation, 1976. 320 p.
- Dall W.H.* Masks, Labrets, and Certain Aboriginal Customs. Washington: Smithsonian Institution, 1884. 151 p.
- Désveaux E.* Jakabish, ou l'inversion de la “vulgate américaine” des taches de lune // L'Homme. 1984. Vol. 24. N 2. P. 59–75.
- Dorsey G. A.* Traditions of the Osage. Chicago: Field Columbian Museum, 1904. 60 p.
- Dorsey G. A., and Alfred L.* Kroeber. Traditions of the Arapaho. Chicago: Field Columbian Museum, 1903. 475 p.
- Dumond D.E.* The prehistoric pottery of Southwestern Alaska // Anthropological Papers of the University of Alaska. 1969. Vol. 14. N 2. P. 19–42.
- Dumond D.E.* A reexamination of Eskimo-Aleut prehistory // American Anthropologist. 1987. Vol. 89. N 1. P. 32–55.
- Dumond D.E.* The Norton tradition // Arctic Anthropology. 2000. Vol. 37. N 2. P. 1–22.
- Dumond D.E.* A Naknek Chronicle. Ten Thousand Years in a Land of Lake and Rivers and Mountains of Fine Katmai National Park and Preserve. King Salmon, Alaska: Katmai National Park & Preserve, 2005. 112 p.
- Elias S. A.* Insect fossil evidence on Late Wisconsin environments of the Bering Land Bridge // American Beginnings. The Prehistory and Palaeoecology of Beringia / F.H. West, ed. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1996. P. 110–119.
- Elliott W. C.* Lake Lillooet tales // Journal of American Folklore. 1931. Vol. 44. N 171. P. 166–181.
- Elwin V.* Myths of the North-East Frontier of India. Calcutta: North-East Frontier Agency, 1958. 448 p.
- Fagan B.M.* Ancient North America. The Archaeology of a Continent. London: Thames and Hudson, 1995. 528 p.
- Farrand L.* Traditions of the Chilcotin Indians. New York: American Museum of Natural History, 1900. 54 p.
- Farrand L., Mayer T.* Quileute tales // Journal of American Folklore. 1919. Vol. 32. N 124. P. 251–279.
- Fienup-Riordan A.* The Nelson Island Eskimo. Anchorage: Alaska Pacific University Press, 1983. 419 p.
- Fitzhugh W. W.* Yamal to Greenland: global connections in circumpolar archaeology // Archaeology: The Widening Debate. Oxford University Press, 2002. P. 91–143.
- Fitzhugh W. W.* Colonizing the Kodiak Archipelago: trends in raw material use and lithic technologies at the Tanginak Spring site // Arctic Anthropology. 2004. Vol. 41. N 1. P. 14–40.
- Fitzhugh W. W., Kaplan A.S.* Inua. Spirit World of the Bering Strait Eskimo. Washington: Smithsonian Institution, 1982. 296 p.
- Friesen T.M., Arnold C.D.* The timing of the Thule migration: new dates from the Western Canadian Arctic // American Antiquity. 2008. Vol. 73. N 3. P. 527–538.
- Garber C.M.* Stories and Legends of the Bering Strait Eskimos. Boston: Christopher Publishing House, 1940. 260 p.
- Garfield V., Forest L.A.* The Wolf and the Raven. Totem Poles of Southeastern Alaska. Seattle, London: University of Washington Press, 1961. 154 p.
- Gatschet A.S., Frachtenberg L.J., Jacobs M.* Kalapuya Texts // Kalapuya Texts. University of Washington Publications, Anthropology. 1945. Vol. 11. P. 143–369.
- Gayton A.H.* The Orpheus myth in North America // Journal of American Folklore. 1935. Vol. 48. N 189. P. 263–293.

- Golder F. A.* Tales from Kodiak Island // Journal of American Folklore. 1903. Vol. 16. N 60–61. P. 16–31, 85–103.
- Golder F. A.* Tlingit myths // Journal of American Folklore. 1907. Vol. 20. N 79. P. 290–295.
- Golder F. A.* Eskimo and Aleut stories from Alaska // Journal of American Folklore. 1909. Vol. 22. N 83. P. 10–24.
- Golla V.* Linguistic prehistory // Californian Prehistory: Colonization, Culture, and Complexity. Lanham, MD: Altamira Press, 2007. P. 71–82.
- Gubser N. J.* The Nunamiut Eskimos, Hunters of the Caribou. New Haven: Yale University Press, 1965. 384 p.
- Haeberlin H.* Mythology of Puget Sound // Journal of American Folklore. 1924. Vol. 37. N 145–146. P. 371–438.
- Hall E. S.* The Eskimo Storyteller: Foklore from Noatak, Alaska. Knoxville: University of Tennessee Press, 1975. 403 p.
- Hashiguchi N.* The Izu islands. Their role in the historical development of Ancient Japan // Asian Perspectives. 1994. Vol. 33. N 1. P. 121–149.
- Hawkes E. W.* The Labrador Eskimo. Ottawa: Government Printing Office, 1916. 235 p.
- Hill C. L.* Geological framework and glaciation of the Western area // Handbook of North American Indians, vol. 3. Washington: Smithsonian Institution, 2006. P. 47–60.
- Hill-Tout C.* Report on the ethnology of the Siciatl of British Columbia, a Coast division of the Salish stock // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1904. Vol. 34. P. 20–91.
- Hill-Tout C.* Report on the ethnology of the SlatlumH of British Columbia // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1905. Vol. 25. P. 26–218.
- Hill-Tout C.* Report on the ethnology of the Okana'k-ën of British Columbia, an interior division of the Salish stock // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1911. Vol. 41. P. 130–161.
- Himmelheber H.* Der Gefrorene Pfad. Mythen, Märchen und Legenden der Eskimo. Kassel: Erich Röth Verlag, 1951. 129 S.
- Hodge G. M.* Kachina Tales from the Indian Pueblos. Santa Fe: Sunstone Press, 1993. 64 p.
- Holtved E.* The Polar Eskimos. Language and Folklore. I. Texts. København: C. A. Reitzels Forlag, 1951. 366 p.
- Honigmann J. J.* Culture and Ethos of Kaska Society. New Haven: Yale University Press; London: Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press, 1949. 367 p.
- Hrdlička A.* The Archaeology of Kodiak Island. Philadelphia: The Wistar Institute of Anatomy and Biology, 1944. 486 p.
- Jacobs E. D., Jacobs M.* Nehalem Tillamook Tales. Eugene, Oregon: University of Oregon, 1959. 216 p.
- Jacobs M.* Northwest Sahaptin texts, 1 // University of Washington Publications in Anthropology. 1929. Vol. 2. N 6. P. 175–244.
- Jenness D.* Myths and Traditions from Northern Alaska, the Mackenzie Delta and Coronation Gulf. Ottawa: Canadian Arctic Expedition, 1924. 90 p.
- Jenness D.* Myths of the Carrier Indians of British Columbia // Journal of American Folklore. 1934. Vol. 47. N 184–185. P. 97–257.
- Jetté J.* On Ten'a folk-lore // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain. 1908. Vol. 38. P. 298–367.
- Jochelson W.* Kamchadal Texts. 'S-Gravenhage: Mouton, 1961. 284 p.
- Jochelson W.* Unangam Ungiikangin Kayux Tunusangin. Aleut Tales and Narratives. Fairbanks: Alaska Native Language Center; University of Alaska, 1990. 715 p.
- Jones E.* Sitsiy Yuch Noholhik Ts'in'. As my Grandfather Told It. Traditional Stories from the Koyukuk. Fairbanks: Yukon-Koyukuk School District and Alaska Native Language Center, 1983. 256 p.
- Kalifornsky P.* A Dena'iina Legacy. K'Tl'egh'i Sukdu. The Collected Writings of Peter Kalifornsky. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska, 1991. 489 p.
- Karlstrom T., Ball G. E., eds.* The Kodiak Island Refugium: Its Geology, Flora, Fauna and History. Toronto: University of Alberta, 1969. 262 p.
- Keithahn E. L.* Alaskan Igloo Tales. Seattle: Robert D. Seal Publication, 1958. 136 p.
- Klein J. R.* Archaeology of Kachemak Bay, Alaska. Homer, Alaska: Kachemak Country Publications, 1996. 93 p.
- Knebel W.* From the Old People. The Cape Alitak Petroglyphs. Kodiak, Alaska: Alutiiq Museum Museum & Archaeological Repository, 2003. 128 p.
- Krappe A. H.* A Solomon legend among the Indians of the North Pacific // Journal of American Folklore. 1946. Vol. 59. N 233. P. 309–314.
- Krauss M. E.* 1980. Alaska Native languages, Past, Present and Future. Anchorage: Alaska Native Language Center. 110 p.

- Krauss M.E.* In Honor of Eyak. The Art of Anna Nelson Harry. Fairbanks: University of Alaska, Alaska Native Language Center, 1982. 157 p.
- Krenov J.* Legends from Alaska // *Journal de la Société des Américanistes*. 1951. T. 40. P. 173–195.
- Kroeber A.L.* Tales of the Smith Sound Eskimo // *Journal of American Folklore*. 1899. Vol. 12. N 46. P. 166–182.
- Laguna F. de.* The Archaeology of Cook Inlet, Alaska. Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 1934. 263 p.
- Laguna F. de.* Under Mount Saint Elias. The History and Culture of the Yakutat Tlingit. Washington: Smithsonian Institution, 1972. 1395 p.
- Laguna F. de.* Eyak // *Handbook of North American Indians*. Vol. 7. Washington: Smithsonian Institution, 1990. P. 189–196.
- Laguna F. de.* Tales from the Dena. Indian Stories from the Tanana, Koyukuk & Yukon Rivers. Seattle, London: University of Washington Press, 1995. 352 p.
- Lantis M.* The mythology of Kodyak Island, Alaska // *Journal of American Folklore*. 1938. Vol. 51. N 200. P. 123–172.
- Lantis M.* The Social Culture of the Nunivak Eskimo // *Transactions of the American Philosophical Society*. 1946. Vol. 35. Part 3. P. 153–323.
- Larsen H., Rainey F.G.* Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture. New York: American Museum of Natural History, 1948. 276 p.
- Lowie R.H.* The Assiniboine. New York: American Museum of Natural History, 1909. 270 p.
- Lowie R.H.* Chipewyan tales // *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*. 1912. Vol. 10. N 3. P. 173–200.
- Lowie R.H.* Shoshonean tales // *Journal of American Folklore*. 1924. Vol. 37. N 143-144. P. 1-242.
- Lucier C.V.* Noatagmiut Eskimo myths // *Anthropological Papers of the University of Alaska*. 1958. Vol. 6. N 2. P. 89–117.
- Lynch K.* Aleut Prehistory. Anchorage: Circumpolar Press, 1995. 25 p.
- Mason A.J.* Myths of the Uintah Utes // *Journal of American Folklore*. 1910. Vol. 23. N 89. P. 299–363.
- McClelland C.* My Old People Say. An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory. Ottawa: National Museums of Canada, 1975. 637 p.
- McClelland C.* Part of the Land, Part of the Water. A History of the Yukon Indians. Vancouver; Toronto: Douglas & McIntyre, 1987. 328 p.
- McIlwraith T.F.* The Bella Coola Indians. Vol. 1. Toronto: University of Toronto Press, 1948. 763 p.
- McKenna R.A.* The Upper Tanana Indians. New Haven: Yale University, 1959. 226 p.
- McKenna R.A.* The Chandalar Kutchin. Montreal: Arctic Institute of North America, 1965. 156 p.
- Mishler C.* 'Diving down' ritual healing in the tale of the blind man and the loon // *Arctic Anthropology*. 2003. Vol. 40. N 2. P. 49–55.
- Nelson E.W.* The Eskimo about Bering Strait. Washington: Smithsonian Institution, 1899. 518 p.
- Nelson R.H.* Make Prayers to the Raven. A Koyukon View of the Northern Forest. Chicago & London: the University of Chicago Press, 1983. 292 p.
- Norman H.* Northern Tales. Traditional Stories of Eskimo and Indian Peoples. New York: Pantheon Fairy Tale and Folklore Library, 1990. 347 p.
- Nungak Z., Arima E.* Eskimo Stories from Povungnituk, Quebec. Ottawa: The National Museums of Canada, 1969. 137 p.
- Osgood C.* The Ethnography of the Tanaina. New Haven: Yale University Press, 1937. 229 p.
- Osgood C.* Ingalik Mental Culture. New Haven: Yale University Press, 1959. 195 p.
- Ostermann H.* The Mackenzie Eskimos. Copenhagen: Fifth Thule Expedition, 1942. 164 p.
- Pereira A.H.* O Pensamento Mítico do Paresí. Segunda Parte // *Pesquisas, Antropologia*. 1987. N 42. P. 447-841.
- Petitot É.* Traditions Indienne du Canada Nord-Ouest. Paris: Maisonneuve Frères et Ch. Leclerc, 1886. 521 p.
- Pokotylo D.L., Mitchell D.* Prehistory of the Northern Plateau // *Handbook of North American Indians*. Vol. 12. Washington: Smithsonian Institution, 1998. P. 81–102.
- Powers W.R.* The peoples of Eastern Beringia // *Prehistoric Mongoloid Dispersals*. 1990. Vol. 7. P. 53–74.
- Rainey F.G.* The whale hunters of Tigara // *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*. 1947. Vol. 41. N 2. P. 227-284.
- Rasmussen K.* Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos. Copenhagen: Fifth Thule Expedition, 1930a. 308 p.

- Rasmussen K.* Observations on the Intellectual Culture of the Caribou Eskimos. Copenhagen: Fifth Thule Expedition, 1930b. 116 p.
- Rasmussen K.* The Netsilik Eskimos. Social Life and Spiritual Culture. Copenhagen: Fifth Thule Expedition, 1931. 542 p.
- Rasmussen K.* Intellectual Culture of the Copper Eskimos. Copenhagen: Fifth Thule Expedition, 1932. 350 p.
- Reagan A., Walters L.* Tales from the Hoh and Quileute // *Journal of American Folklore*. 1933. Vol. 46. N 182. P. 297–346.
- Reichard G.A.* An Analysis of Coeur d'Alene Indian Myths. Philadelphia: American Folklore Society, 1947. 216 p.
- Reid B., Bringham R.* The Raven Steals the Light. Vancouver & Toronto: Douglas & McIntyre; Seattle: University of Washington Press, 1989. 109 p.
- Rooth A.B.* The Alaska Expedition 1966. Myths, Customs and Beliefs among the Athapascan Indians and the Eskimos of Northern Alaska. Lund: Lund University, 1971. 393 p.
- Ruppert J., Bernet J.W.* Our Voices. Native Stories of Alaska and the Yukon. Lincoln: University of Nebraska Press, 2001. 394 p.
- Schmitter F.* Upper Yukon Native Customs and Folklore. Washington: Smithsonian Institution, 1910. 30 p.
- Skinner A.* Traditions of the Iowa Indians // *Journal of American Folklore*. 1925. Vol. 38. N 150. P. 425–506.
- Smelcer J.E.* The Raven and the Totem. Anchorage: a Salmon Run Book, 1992. 149 p.
- Smelcer J.E.* A Cycle of Myths. Native Legends from Southeast Alaska. Anchorage: A Salmon Run Book, 1993. 104 p.
- Smelcer J.E.* In the Shadows of the Mountains. Ahtna Stories from the Copper River. Glennallen: The Ahtna Heritage Foundation, 1997. 101 p.
- Solano González A., Ramírez Castañeda E.* Tno'o Savi Mixtli. Cuentos Mixtecos de Guerrero. México: Secretaria de Educación Pública, 1985. 177 p.
- Speck F.G.* Myths and Folklore of the Timiskaming Algonquin and Timagami Ojibwa. Ottawa: Canada Department of Mines, 1915. 87 p.
- Spencer R.F.* The North Alaskan Eskimo. Washington: Smithsonian Institution, 1959. 490 p.
- Stimmel C.* Going to Pot: A Technological Overview of North American Arctic Ceramics // *Threads of Arctic Prehistory: Papers in Honour of William E. Taylor, Jr., ed. by D. Morrison and J.-L. Pilon*. Hull, Quebec: Canadian Museum of Civilization, 1994. P. 35–56.
- Stocking G.W., Jr.* Victorian Anthropology. New York: The Free Press, 1987. 429 p.
- Swanton J.R.* Haida Texts and Myths. Skidegate Dialect. Washington: Smithsonian Institution, 1905a. 448 p.
- Swanton J.R.* Contributions to the Ethnology of Haida. Leiden: E.J. Brill, New York: G.E. Stechert, 1905b. 300 p.
- Swanton J.R.* Social conditions, beliefs, and linguistic relationship of the Tlingit Indians // *26th Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of Smithsonian Institution*. Washington: Government Printing Office, 1908. P. 391–485.
- Swanton J.R.* Tlingit Myths and Texts. Washington: Smithsonian Institution, 1909. 351 p.
- Sapir E., Swadesh M.* Nootka Texts. Philadelphia: Linguistic Society of America, University of Pennsylvania, 1939. 334 p.
- Teit J.A.* Tahltan tales // *Journal of American Folklore*. 1919. Vol. 32. N 123. P. 198–250.
- Teit J.A.* Tahltan tales // *Journal of American Folklore*. 1921. Vol. 34. N 133–134. P. 223–253, 335–356.
- Toivonen Y.H.* Pygmäen und Zugvögel. Alte kosmologische Vorstellungen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1937. Bd 24. H 1–3. S. 87–126.
- Van Deusen K.* Raven and the Rock. Storytelling in Chukotka. Seattle, London: University of Washington Press, 1999. 190 p.
- Vaudrin B.* Tanaina Tales from Alaska. Norman: University of Oklahoma Press, 1969. 127 p.
- Walkus S.* Oowekeeno Oral Traditions as Told by the Late Chief. Ottawa: National Museums of Canada, 1982. 223 p.
- Workman W.* The Kachemak connection: prehistoric cultural relationships between the Kenai Peninsula and the Kodiak Archipelago ca. 3000 to 1000 years ago // *To the Aleutians and Beyond. The Anthropology of William S. Laughlin*. Bruno Frolich, Albert B. Harper and Rolf Gilberg, eds. Copenhagen: The National Museum of Denmark, 2002. P. 333–342.

Yarborough M. R., Yarborough L. F. Prehistoric maritime adaptations of Prince William Sound and the Pacific coast of the Kenai Peninsula // *Arctic Anthropology*. 1998. Vol. 35. N 1. P. 132–145.

Yesner D. R. Human adaptation at the Pleistocene — Holocene boundary (circa 13,000 to 8,000 bp) in Eastern Beringia // *Humans at the End of the Ice Age: The Archaeology of the Pleistocene — Holocene Transition*, Lawrence Guy Straus, Berit Valentin Eriksen, Jon M. Erlandson, and David R. Yesner. eds. New York: Plenum Press, 1996. P. 255–276.

Yesner D. R. Shells, seals, and salmon: zooarchaeological perspectives on North Pacific maritime adaptations // *Proceedings of the 17th International Abashiri Symposium*. Abashiri: Hokkaido Museum of Northern Peoples, 2003. P. 7–14.

Yesner D. R., Stone D. E., Попов A. N. The origins of maritime adaptations and Early Holocene coastal subsistence in Japan, Primorie (Russian Far East) and Southern Alaska // *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2003. P. 227–234.

КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ СУГПИАК

Впервые посетив Музей антропологии и этнографии, я был поражен богатством его экспозиции как по культуре народа сугпиак*, так и по культурам других народов Аляски. Санкт-Петербургская Кунсткамера обладает самым большим собранием предметов культуры моих предков и, вероятно, самыми обширными этнографическими коллекциями по культуре других коренных народов Аляски [Dzeniskevich, Pavlinskaia 1988]. Представленные здесь одежда, маски, модели каяков и байдар, орудия охоты, шаманские атрибуты, сосуды, погремушки, украшения и фигуры предков являются своего рода окном в повседневную жизнь сугпиак. Эти коллекции возвращают нас к забытым древ-

ним традициям моего народа, о которых сейчас можно только догадываться. Я искренне благодарен народу России и нескольким поколениям российских ученых за бережное отношение и сохранение коллекций по культуре сугпиак. Их двухвековая деятельность по сохранению этнографических материалов с Аляски является вкладом в мировую культуру и особенно значима для народа сугпиак, чья культура так мало известна.

Войдя в Кунсткамеру, вы оказываетесь в первом зале, который посвящен народам Северной Америки. Предметы культуры народа сугпиак размещены в самом начале экспозиции. Один из манекенов представляет охотника, бросающего гарпун с метательной досочки. Дальше мы видим танцующего шамана с погремушкой из клювов топорка в руке. Затем посетители могут осмотреть манекены женщины в парке из шкурок бакланов, занятой плетением корзины, и ребенка, спускающегося по лестнице в землянку. Благодаря этим манекенам в традиционной одежде и витринам, в которых выставлены предметы быта сугпиак, наше прошлое как будто оживает (рис. 1).

Каждый раз, когда мне удастся посетить Кунсткамеру, я в первую очередь иду на североамериканскую

* Я использую термин *сугпиак* (мн. число — *сугпиат*) для обозначения коренного населения острова Кадьяк и термин *алютиик* для обозначения их языка. Этноним *сугпиак* происходит из языка *алютиик*. Он переводится как «настоящий человек» или просто «человек». Слово *алютиик* произошло от слова *алеут*, этот термин широко использовался русскими по отношению к народам Аляски. Слово *алеут* переводится как *прибрежные жители*. На своем языке аборигены Кадьяка произносят слово *алеут* как *алютиик*. В настоящее время это общепринятое обозначение языка народа *сугпиак*, который также известен под названиями *сугт'стум* или *тихоокеанский юпик* [Clark 1984: 195–196; Leer 1982:4; Woodbury 1984: 53]. Соответственно музей жителей острова Кадьяк называется Музеем алютиик.

Рис. 1. Экспозиция по культуре сугниак зала народов Северной Америки в МАЭ (Кунсткамера) РАН.

экспозицию, смотрю на витрины, и мне кажется, что я встречаюсь со старыми друзьями, которые ждут меня, чтобы рассказать что-то новое. Я всегда замечаю такие детали, на которые раньше не обратил внимания, и ощущаю все более глубокую связь со своими предками.

Работа над каталогом, который читатель держит в руках, продолжалась почти три года. Любой представитель нашего народа, рассматривая фотографии предметов из собрания Кунсткамеры и читая аннотации к ним, почувствует гордость за культуру предков, за ту культуру, какой она была в конце XVIII — первой половине XIX в. Благодаря этому каталогу старейшины, художники, учителя, студенты и все заинтересованные лица смогут лучше узнать и понять нашу культуру и найти в ней какие-то ранее неизвестные детали.

Берингов пролив, по которому сейчас проходит государственная граница, в прошлом был открытой дорогой, соединявшей родственные культуры народов Чукотки и Аляски [Birch 1988: 227, 236]. Эти связи

стали особенно интенсивными около двух тысяч лет назад. Люди переезжали с Чукотки на Аляску, для того чтобы охотиться, торговать, сражаться, и даже оставались жить на Аляске. Русские купцы, мореплаватели и натуралисты, собиравшие коллекции для Кунсткамеры, не были первыми среди тех людей, которые оказались вовлеченными в процесс межэтнических контактов.

Этнологи предполагают, что люди и предметы их культуры регулярно перемещались между Старым и Новым Светом с тех самых пор, когда четырнадцать или пятнадцать тысяч лет назад началось заселение Аляски мигрантами из Сибири. Аляска является, таким образом, уникальным перекрестком культур, местом встреч множества сменявших друг друга традиций. Что касается периода Русской Америки, то в это время впервые на Аляске начался сбор этнографических коллекций, причем не только из интереса к экзотике, но и ради сохранения и изучения традиционной культуры местных обитателей.

Но скажем и горькую правду. Коллекции, собранные русскими исследователями, представляют исключительный интерес для изучения культуры народов Аляски, но сама по себе русская колонизация стала трагедией для населявших ее народов. Контакты с промышленниками и чиновниками навсегда изменили жизнь коренных жителей: начались эпидемии, порабощение, искоренение древних традиций и прежних верований [Black 2004].

Рассматривая фотографии предметов, помещенные на страницах этого каталога, необходимо вспомнить о людях, которые их сделали, об их нелегкой жизни. Сейчас нет необходимости заострять внимание на этой теме, но было бы ошибкой вовсе ее обойти.

Совместный проект Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия) и Музея аляутиик и археологического заповедника (Кадьяк, США), результатом которого стал настоящий каталог, — пример взаимопонимания, сотрудничества и стремления нашего народа к возрождению. Это стремление было критически воспринято некоторыми учеными, упрекавшими нас за незнание собственных традиций и разобщенность отдельных общин [Crowell et al. 2001; Lee, Graburn 2003]. Я не согласен с такой оценкой. Путь к успеху идет не через самобичевание и излишне критическое отношение к собственному прошлому и не через повышенное внимание к современным социальным проблемам, уходящими корнями в прошлое. Прежде всего мы должны вновь обрести силу духа, обратившись к источникам знаний, которые сохраня-

Рис. 2. Музей аляутиик, правление и культурный центр народа сугпиак, город Кадьяк, штат Аляска. Фото С.Д. Хаакансона.

ются в нашей древней культуре. Эти источники терпеливо ждут, когда мы ими воспользуемся. Нам необходимо понять и правдиво переосмыслить нашу непростую историю, но мы не должны быть подавлены и не должны позволить прошлому влиять на будущее [Clifford 2004; Crowell et al. 2004]. Стоящие перед нами трудности очевидны, но они не являются препятствием для изучения богатого культурного наследия сугпиак. Мы приняли участие в издании этого каталога не только для того, чтобы изучать наше прошлое, одновременно героическое и трагическое, но и для того, чтобы изменить будущее.

Как я уже сказал, взаимоотношения между сугпиак и европейцами не всегда были основаны на сотрудничестве и доверии. Возникает вопрос: что мы должны

делать теперь? Я думаю, что пришло время для нового диалога. Сугпиак, русские, евро-американцы — носители разных культурных традиций, но у нас общая история и у нас есть возможности создать благоприятные условия для развития каждого из народов. Поэтому Музей аляутиик включился в международное сотрудничество по изучению и возрождению культуры сугпиак и установил партнерские отношения с учеными из разных стран, занимающимися изучением этнографии нашего народа [Haakanson, Steffian 2009] (рис. 2).

В 2006 г., когда начались переговоры между Музеем аляутиик и Кунсткамерой о подготовке этого каталога, мы не сразу нашли общий язык. В отличие от академических специалистов, посещавших Кунсткамеру

Рис. 3. Модель остова каяка, приобретенная в 1818 г. на острове Кадьяк. Колл. № 539–2.

ранее, мы приехали в Санкт-Петербург не в качестве этнологов, а как представители одного из коренных народов Аляски. Мы были заинтересованы в изучении не чужой, а собственной культуры, в получении знаний о том, какой она была до того, как столкнулась с европейской культурой [Fitzhugh, Crowell 1988; Liaripova 1994]. Мы хотели изучать коллекции, для того чтобы у местных художников и резчиков по дереву появилась возможность использовать в работе приемы своих предков. Мы хотели сфотографировать отдельные мелкие детали предметов для создания фотоархива и чтобы предоставить сотрудникам Кунсткамеры такие сведения о культуре сугпиак, которыми они, возможно, ранее не располагали. Доверие, взаимопонимание и интерес к коллекциям позволили нам лучше понять друг друга. Подобный проект осуществлялся впервые, сотрудники Кунсткамеры пошли нам навстречу и обеспечили полный доступ к коллекциям, позволили сделать рабочую фотосъемку и изучать вещи. Это сотрудничество и партнерские отношения мы собираемся развивать.

Что же делает коллекции Кунсткамеры по культуре сугпиак такими интересными для сотрудников Музея аляутиик и в целом для народа сугпиак? Прежде всего, коллекции являются важным источником информации по традиционной культуре. С того момента, когда я начал знакомиться с собранием Кунсткамеры, прошло три года. За это время я изучил основные способы конструкции ритуальных масок, бубнов, моделей каяков и байдар и использовал эти знания, чтобы научить традиционным способам и технике изготовления этих предметов всех заинтересованных лиц. Во время одной из поездок я детально зарисовал и сфотографировал модель каркаса каяка, приобретенную русским мореплавателем Василием Головинным на Кадьяке в 1818 г. (№ 539–2) (рис. 3). После возвращения на протяжении трех месяцев я изучал ее конструкцию, чтобы научить местных школьников самостоятельно создавать подобные модели. Вместе

с Альфредом Наумовым (последним представителем народа сугпиак, который знает традиционную технику изготовления каяков) мы обучили двадцать восемь школьников изготовлению моделей каяков (рис. 4). Используя модель каяка из собрания Кунсткамеры как источник информации, мы восстановили утраченные знания о своей культуре и передали их новому поколению. Объединив источники: этнографические собрания, письменные документы, знания старейшин и современные технологии — мы добились того, что знания о культуре сугпиак не исчезнут безвозвратно.

Коллекции углубляют наши знания в отношении традиционных ремесел аляутиик. Вещи, представленные на страницах этого каталога, в большинстве случаев многофункциональны. Они представляют собой отдельные части комплексов предметов. Каждая вещь имела определенное назначение в повседневной жизни, но многие из них являются также произведениями искусства. Изучение комплексов предметов помогает понять их эстетику и детальнее вникнуть в технологию изготовления и назначение отдельных вещей. Так, при изучении деревянного сосуда (№ 2539–22) резчик по дереву Перри Итон пришел к выводу о том, что на нем вырезано изображение кита, выныривающего из воды, чтобы вдохнуть воздуха (рис. 5). Эта резьба на сосуде показывает уровень художественной абстракции, о котором мы и не догадывались. Соответственно нам не приходило в голову искать изображения подобного рода в нашем традиционном искусстве.

Коллекции Кунсткамеры помогают лучше разобраться в технологических приемах, которые использовали наши предки. Изучая форму и способы изготовления байдар, мы поняли, что перед нами самые ранние свидетельства существования лодок открытого типа с двойным носом — выпуклым снизу (ближе к воде) и заостренным, выдающимся вперед выступом сверху. Эта конструктивная особенность увеличивает быстроходность байдары. Сегодня при

Рис. 4. Резчик по дереву Альфред Наумов объясняет учащимся школы приемы изготовления модели каяка в одном из селений алутишек. Фото С.Д. Хаакансона.

Рис. 5. Сосуд (№ 2539–22), вырезанный в виде фигуры кита.

изготовлении лодок этот принцип конструкции начинают учитывать, но наши предки обладали этими знаниями много веков назад. Они интересовались не только эстетической стороной дела, но доводили до совершенства функциональные характеристики тех вещей, которые изготовляли.

Этнографические коллекции Кунсткамеры дополняются отчетами и дневниками русских исследователей. Они по-новому освещают известную нам картину повседневной жизни наших предков. В самых ранних источниках, посвященных описанию жизни аборигенов острова Кадьяк, приводятся сведения об их орудиях охоты и ритуальных празднествах. Некоторые письменные источники содержат поразительно ценную информацию. Например, описание многих характерных черт жизни сугпиак содержится в книге «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова». Цитаты из этой книги приведены в каталоге, и я прошу читателей ознакомиться с ними: в них содержатся очень интересные наблюдения.

Некоторые из предметов, которые описывает Г.И. Давыдов, в настоящее время хранятся в Кунсткамере и представлены в настоящем каталоге. Это шесть бубнов (№ 666–4; 571–23; 571–25/a; 571–25/b; 571–26/a; 571–26/b), девять погремушек (№ 571–21/a, 571–22/b; 571–22; 571–24; 633–7; 4104–19; 4104–21; 4104–20; 4157–90), одиннадцать парок из шкурок бакланов или кожи оленя каррибу (№ 593–14, –23, –26; 2667–40; 2881–81–

85; 2913–1, –5, –9), четыре ритуальные маски охотников (№ 571–1/a, 571–1/b; 571–2/a, 571–2/b), более двадцати моделей каяков и байдар, многочисленные орудия охоты, четыре маншика-поплавка (№ 571–37; 593–99; 620–6; 4157–93) и четыре камлейки из кишок морских животных (№ 2868–54; 2868–231; 2913–13; 4104–95).

Г.И. Давыдов сделал описание отдельных предметов сугпиак через восемнадцать лет после установления постоянных контактов между русскими и коренными обитателями Аляски, когда древние традиции еще были живы. К сожалению, описаний, которые можно связать с конкретными предметами, очень мало, и поэтому каждое из них значимо для изучения нашей культуры.

С изданием этого каталога перед нами открываются новые возможности для изучения культуры сугпиак. Мы и в будущем собираемся сотрудничать с Кунсткамерой, и я уверен, что появятся новые, еще не выявленные возможности для продолжения нашей работы.

Благодарности

Этот проект удалось осуществить благодаря помощи и поддержке старейшин народа сугпиак, «Корпорации Кониак», «Корпорации Чугач Аляски», которые обеспечили финансирование наших поездок в Санкт-Петербург и издание настоящего каталога. Мы особо признательны президенту «Корпорации

Кониак» господину Вильяму Андерсону и главе «Корпорации Чугач Аляски» господину Шерри Баретту. Грант, полученный от Службы национальных парков по программе «Совместное наследие Берингии», также финансово обеспечил исследования и поездки, связанные с работой над каталогом. Мы выражаем искреннюю благодарность фонду NPS и господину Питеру Ричтеру, который посоветовал нам обратиться за грантом и всячески помогал в осуществлении проекта. В России нам оказали всестороннее содействие директор МАЭ (Кунсткамера) РАН д. и. н. профессор Ю. К. Чистов и его коллеги: Ю. А. Купина, Ю. Е. Березкин, С. А. Корсун и сотрудники фондов — С. Н. Гиренко и А. Ю. Сайфиева. Также хочу выразить благодарность Вильяму Андерсону, Перри Итону,

Сюзи Малютиной, Эндрю Тьюберу и Наде Джакински, вместе с которыми на протяжении последних лет я совершил несколько поездок в Санкт-Петербург, за их помощь в создании фотоархива и энтузиазм в осуществлении этого проекта. Не могу не упомянуть сотрудников Музея аляутиик, внесших большой вклад в изучение и сохранение культурного наследия нашего народа как во время работы над этой публикацией, так и в их повседневной музейной работе.

Quyanaasinaq — я искренне благодарю всех вас.

*Свен Д. Хаакансон, исполнительный директор
Музея аляутиик и археологического заповедника
(Кадьяк, Аляска, США)*

Библиография

- Black L. T.* Russians in Alaska 1732–1867. University of Alaska Press: Fairbanks, 2004.
- Burch E. S.* War and Trade // Crossroads of Continents Cultures of Siberia and Alaska, edited by W. W. Fitzhugh and A. Crowell. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1988. P. 227–240.
- Clark D. W.* Pacific Eskimo: Historical Ethnography // Handbook of American Indians, W.C. Sturtevant, general editor. Vol. 5, Arctic, edited by David Damas. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1984. P. 185–197.
- Clifford J.* Looking Several Ways — Anthropology and Native Heritage in Alaska // Current Anthropology. 2004. Vol. 45(1): 5–30.
- Crowell A. L., Pullar G. L., Steffian A. F. & Haakanson S. D.* Response to Lee and Grayburn’s review of Looking Both Ways: Heritage and Identity of the Alutiiq People // American Anthropologist 2004. Vol. 106 (2): 431–433.
- Crowell A. L., Steffian A. F. & Pullar G. L.* Looking Both Ways: Heritage & Identity of the Alutiiq Peopl. Fairbanks: University of Alaska Press, 2001.
- Davydov, G. I.* The Two Voyages to Russian America, 1802–1807. Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 1977.
- Dzeniskevich, G. I. & Pavlinskaia L. P.* Treasures by the Neva: the Russian Collections // Crossroads of Continents, edited by W. W. Fitzhugh and A. Crowell/ Washington D. C.: Smithsonian Institution Press, 1988. P. 83–88.
- Lee M. & Graburn N.* Reconfiguring Kodiak: The Past and the Present in the Present // American Anthropologist. 2003. Vol. 105 (3): 613–620.
- Leer J.* A Conversational Dictionary of Kodiak Alutiiq. Fairbanks: University of Alaska, Alaska Native Language Center, 1982.
- Liapunova R. G.* Eskimo masks from Kodiak Island in the collections of the Peter the Great Museum of Anthropology & Ethnography in St Petersburg // Anthropology of the North Pacific Rim, edited by W. W. Fitzhugh and V. Chaussonnet. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press, 1984. P. 175–203.
- Woodbury A. C.* Eskimo and Aleut Languages // Handbook of American Indians, W.C. Sturtevant, general editor. Vol. 5, Arctic, edited by David Damas. Washington, D. C.: Smithsonian Institution, 1984. P. 49–63.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ГЛОССАРИЙ

Альтитермаль — климатический оптимум голоцена, период максимального потепления примерно от 9000 до 5000 лет назад (8100 — 3800 до н.э.).

Аманат — заложник.

Аршин — русская мера длины, равна 0,71 м.

Аспид (*аспидный камень, сланец*) — аргиллит.

Бат — сибирский термин для обозначения лодок народов Аляски.

Байдара — смотри: умиак.

Байдарка — смотри: каяк.

Барабора — сибирский термин для обозначения стационарного жилища народов Аляски.

Бифас — общее наименование двусторонне обработанных каменных орудий, включающих разнообразные листовидные формы.

Верста — русская мера длины, равна 1,06 км.

Вершок — русская мера длины, равна 4,4 см.

Висконсинское оледенение — ледниковая эпоха позднего плейстоцена Северной Америки, начавшаяся около 70 тысяч лет назад и закончившаяся с наступлением голоцена. Сопоставляется с вюрмской ледниковой эпохой в Альпах, вислинской эпохой Се-

верной и Центральной Европы, валдайской эпохой Восточной Европы и зырянской эпохой Сибири.

Голоцен — современная геологическая эпоха, начавшаяся 10 300 тыс. лет назад (около 10 200 до н.э.).

Демииург — творец, создатель.

Жило — селение.

Игрушка — устаревший термин для обозначения потлача.

Имам Шуа — сверхъестественный дух, хозяйка морских животных в мифологии алютиик.

Ишкат (*ишкат*) — корзина.

Кажим — общественный мужской дом.

Календарный возраст — абсолютный возраст в годах, определяемый на основе радиоуглеродного анализа и других методов датировки.

Камлейка — непромокаемая верхняя одежда глухого покроя, сшитая из кишок морских животных.

Камус — мех с ноги оленя.

Каяк (*байдарка*) — лодка закрытого типа.

Кенайский (Кинайский) залив — устаревшее название залива Кука.

Копьецо — лезвие стрелы или гарпуна.

Куюки — местный термин для обозначения боевых доспехов.

Лам Шуа — верховный дух в мифологии алютиик.

Лахтак — выделанная, без ворса, шкура тюленя, использовалась для обтяжки корпуса каяка.

Мауг — литье для соединения наконечника гарпуна с древком или плавательным пузырем.

Микронуклеус — нуклеус (каменное ядрище), с которого скалывались небольшие по размерам призматические пластинки правильных очертаний.

Мотив — любые фабульные, образные или структурные элементы и их сочетания, встречающиеся в двух или более повествовательных текстах.

Нарратив — повествовательный текст.

Носок — лезвие стрелы или гарпуна.

Павловская Гавань — селение на острове Кадьяк, современное название — город Кадьяк.

Палеоазиаты — народы, говорящие на палеоазиатских языках, то есть коряки и чукчи. Принадлежность к палеоазиатской семье ительменского языка Камчатки спорна.

Палеоарктическая традиция — каменная индустрия Аляски возрастом 11 000–6900 до н. э. (конец плейстоцена — начало голоцена), для которой характерны микронуклеусы и микропластинки. Лучше всего представлена комплексом Денали. Имеет параллели в Дюктайской культуре Сибири.

Парка — верхняя одежда глухого покроя.

Пелерина — верхняя одежда типа плаща, без рукавов.

Плейстоцен — предшествующая голоцену эпоха четвертичного периода, начавшаяся 1806 миллиона лет назад.

Плошка — лампа-жирник.

Побрякушка — погремушка-трещотка.

Потлач — церемониальный праздник, во время которого преподносились подарки членам другой фратрии. Через организацию потлачей их устроители повышали свой социальный статус. Потлач был характерным социальным институтом при переходе от родового строя к классовому обществу. Потлач одновременно и замедлял процесс социальной дифференциации, и узаконивал общественное неравенство.

Пыжик — мех новорожденного оленя.

Радиоуглеродный возраст — условный возраст материалов биологического происхождения, получен-

ный путем измерения содержания в материале радиоактивного изотопа ^{14}C по отношению к стабильным изотомам углерода. Для вычисления календарного возраста в даты вводятся поправки, величина которых различна для разных эпох. Радиоуглеродный анализ дает вероятностную оценку возраста в пределах определенного отрезка времени.

Ратовище — древко копья или гарпуна.

Род — группа родственников, ведущих свое происхождение от одного предка.

Ровдуга — оленья замша.

Сажень — русская мера длины, равна 2 м 13 см.

Складственная компания — торгово-промышленная компания, организованная в складчину несколькими купцами.

Стамед — шерстяные нити.

Стрелец — охотник.

Стрелка — легкий гарпун.

Тайон (*тойен, тоен, тоэн*) — сибирский термин для обозначения старейшин и вождей у народов Аляски.

Толмач — переводчик.

Торбаса — зимняя обувь типа сапог.

Трикстер (англ. *trickster* — обманщик, ловкач) — фольклорно-мифологический персонаж, отличающийся лукавством, хитроумием, коварством, жестокостью, «умом без чувства ответственности», в нем соединены черты героя и его противника, добро и зло, сила и слабость.

Улу — женский нож для очистки шкур и разделки мяса и рыбы.

Умиак (*байдара*) — эскимосская лодка открытого типа.

Уналашка — самый большой остров среди островов Алеутской гряды.

Фратрия — подразделение племени, объединяющее несколько родов, которые вели свое происхождение от одного предка, браки между представителями одной фратрии были запрещены.

Фут — английская мера длины, равна 30,5 см.

Чугатский (Чугацкий, Чугатцкий, Шугачский, Шугатский) залив — устаревшие названия залива Принс Уильям.

Шатина — метательное копье для охоты на птиц.

Юкола — сушеная рыба лососевых пород.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ НАРОДОВ АЛЯСКИ

Аглегмюты — коренное население района Бристольского залива.

Алютиик — название языка тихоокеанских эскимосов, также используется как общий этноним в отношении кадьякцев и чугачей.

Атапаски — общее название для группы родственных индейских племен, населявших внутренние районы Аляски.

Атна (*атена, цулиты, медновцы*) — индейцы атапаски района верховий реки Коппер (Медной).

Инуиты — термин для обозначения эскимосов, говорящих на языке инупиак, наиболее широко используется в Канаде и Дании.

Инупиат — эскимосы северо-западной Аляски, говорящие на диалектах языка инупиак. Они населяли побережье Северного Ледовитого океана в районе залива Коцебу, мыса Хоуп и мыса Барроу.

Ияк (*эяк, эйяк*) — индейское племя, населявшее в XVIII в. район побережья Аляски от залива Якутат до устья реки Коппер. В русских источниках XVIII—XIX вв. в отношении этих индейцев также используются этнонимы угаленцы, угалахмюты, лахамиты.

Кадьякцы (*каняги, коняги, кониагмюты*) — коренное население острова Кадьяк и ближайших к нему районов.

Катмайцы — кадьякцы, населявшие побережье полуострова Аляска.

Кенайцы (*кинайцы, кинаи*) — устаревшие этнонимы для обозначения танайна.

Киятенцы (*киятагмюты*) — эскимосы, населявшие внутренние районы полуострова Аляска.

Колюжи (*колоши*) — этноним чугачей в отношении тлинкитов, который использовался в Русской Америке в XVIII—XIX вв.

Коняги — смотри: кадьякцы.

На-дене — языковая семья, включающая языки атапасков, ияк и тлинкитов.

Таиуат — этноним кадьякцев для обозначения алеутов о. Уналашка.

Танайна — атапасское племя, имевшее выход к морю в районе побережья залива Кука. В настоящее время в отношении танайна также используют этноним — денайна. Смотри: кенайцы.

Тлинкиты — индейцы, населявшие территорию от залива Якутат до пролива Порт Канал на тихоокеанском побережье Аляски. Смотри: колюжи.

Сугпиак — «настоящие люди» — самоназвание чугачей, в настоящее время этот этноним используется в отношении как чугачей, так и кадьякцев.

Чугачи (*шугачи*) — эскимосы алютиик, населявшие побережье залива Принс Уильям. Смотри: сугпиак.

Шугачи — смотри: чугачи, сугпиак.

Юпик — название языка эскимосов, населявших побережье Берингова моря от Бристольского залива до залива Нортон. Этноним юпик используется для обозначения эскимосов западной Аляски.

УКАЗАТЕЛЬ ФЛОРЫ И ФАУНЫ

Ара — местный термин для обозначения гагары (*Uria aalge*).

Абалон — морской брюхоногий моллюск (*Haliotis* sp.). Внутренняя поверхность его раковины покрыта перламутровым слоем.

Баклан — птица из семейства баклановых (*Phalacrocorax pelagicus*), смотри: урил.

Денталиум — моллюск «морской зуб» (*Dentalium*). Его раковина имеет узкую форму длиной 7—12 см.

Еврашка — местный термин для обозначения длиннохвостого суслика (*Citellus undulatus*).

Ипатка — приморская птица (*Fratercula corniculata*).

Калан — хищное морское млекопитающее семейства куньих (*Enhydra lutris*).

Морская выдра — местный термин для обозначения калана.

Морской бобр — устаревший термин для обозначения калана.

Нерпа — один из видов тюленей (*Phoca hispida*).

Сивуч (*морской лев*) — один из видов тюленей (*Eumetopias jubatus*).

Суслик — смотри: еврашка.

Сурок — смотри: тарбаган.

Тарбаган — местный термин для обозначения сибирского сурка (*Marmota bobak*).

Топорок — приморская птица (*Alca arctica*).

Урил — устаревший термин для обозначения баклана (*Phalacrocorax pelagicus*).

Утка крохаль — птица семейства утиных (*Mergus merganser*).

Чага — местный термин для обозначения нескольких видов кедра.

Черепокочие — местный термин для обозначения крабов и моллюсков.

СОБИРАТЕЛИ КОЛЛЕКЦИЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Баранов Александр Андреевич (1746–1819) — главный правитель Российско-Американской компании на Аляске в 1799–1818 гг.

Беляев Осип Петрович (1763–1807) — сотрудник Кунсткамеры в период с 1783 по 1807 гг., автор книги по истории музея.

Беринг Витус Йонассен (1681–1741) — мореплаватель, открыл побережье Аляски в 1741 г.

Биллингс Иосиф (Джозеф) Иосифович (1761–1806) — английский мореплаватель на русской службе, руководитель Северо-восточной географической экспедиции (1785–1794 гг.) по исследованию северной части Тихого океана.

Биркет-Смит Кай (1893–1977) — датский этнолог, в 1933 г. совместно с Ф. де Лагуной проводил исследования среди чугачей.

Бобринский Алексей Александрович (1852–1927) — коллекционер, в конце XIX в. председатель Императорской Археологической комиссии.

Борисов Ефим Александрович — служащий Российско-Американской компании, управляющий Николаевским редутом на Кенайском полуострове в 1856–1859 гг.

Ваксель Свен (Ксаверий) Лаврентьевич (1701–1762) — мореплаватель, в 1741 г. участвовал в пла-

вании к берегам Аляски на пакетботе «Св. Петр» под командованием В. Й. Беринга.

Васильев Михаил Николаевич (1770–1847) — мореплаватель, командир шлюпа «Открытие», в 1820–1821 гг. находился в Русской Америке.

Вениаминов Иван Евсеевич (*митрополит Иннокентий*, 1797–1879) — православный миссионер, с 1824 по 1850 гг. служил на Аляске.

Верман Федор Карлович (1820–?) — мореплаватель, в 1854–1860 гг. находился на службе в Русской Америке.

Вознесенский Илья Гаврилович (1816–1871) — сотрудник ИАН, в 1840–1845 гг. находился в Русской Америке, занимался сбором коллекций для академических музеев.

Гагемейстер Людвиг Андрианович (1780–1833) — мореплаватель, главный правитель Российско-Американской компании на Аляске в 1818 г.

Гедеон (Федотов Гавриил) (1770–1843) — иеромонах, православный миссионер на Аляске в 1804–1807 гг.

Глотов Степан Гаврилович (1729–1769) — мореход, участвовал в торгово-промышленных экспедициях по исследованию Алеутских островов.

Головнин Василий Михайлович (1776–1831) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1818 г. находился в Русской Америке.

Давыдов Гавриил Иванович (1784–1809) — мореплаватель, в 1802–1807 гг. находился в Русской Америке, автор книги о кадьяхках.

Дорошин Петр Павлович (1823–1875) — геолог, в 1848–1853 гг. находился на службе в Российско-Американской компании.

Загоскин Лаврентий Алексеевич (1808–1890) — мореплаватель, служащий Российско-Американской компании в 1838–1845 гг. В 1842–1844 гг. руководил экспедицией по изучению внутренних районов Аляски.

Зайков Потап Кузьмич (?–1791) — мореплаватель, в 1772–1791 гг. плавал у берегов Аляски и Алеутских островов.

Кашеваров Аполлон Филиппович (1825–?) — служащий Российско-Американской компании, в 1868 г. передал в Кунсткамеру этнографическую коллекцию.

Кашеваров Василий Иванович (?–1849) — служащий Российско-Американской компании, в 1830–1838 гг. управляющий Кадьяхским отделом.

Костромитинов Иннокентий Степанович — служащий Российско-Американской компании, управляющий Кадьякским отделом в 1838–1844 гг.

Корнеев Емельян Михайлович (1782–1839) — художник, участник кругосветной экспедиции на шлюпе «Открытие» под командованием М. Н. Васильева, в 1820–1821 гг. находился в Русской Америке.

Креднер Герман (1847–1913) — геолог, даритель коллекции оружия чугачей.

Кук Джеймс (1728–1779) — английский мореплаватель, в 1778 г. проводил исследования в северной части Тихого океана.

Купреянов Иван Антонович (1799–1857) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, главный правитель Российско-Американской компании на Аляске в 1835–1840 гг.

Лагуна Фредерика де (1906–2004) — американский этнолог, в 1933 г. совместно с К. Биркет-Смитом проводила исследования среди чугачей.

Лазарев Алексей Петрович (1793–1851) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1820–1821 гг. находился в Русской Америке.

Лазарев Михаил Петрович (1788–1851) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1823–1824 гг. находился в Русской Америке.

Лангсдорф Георг Генрих (1774–1852) — натуралист, принимал участие в первой русской кругосветной экспедиции, в 1805–1806 гг. находился в Русской Америке.

Лисянский Юрий Федорович (1773–1837) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1804–1805 гг. находился в Русской Америке.

Литвинцев Петр Степанович (1813–?) — в 1840–1845 гг. священник в селении Павловская Гавань на острове Кадьяк, служил в Русской Америке с 1840 по 1858 гг.

Маак Рихард Карлович (1826–1886) — исследователь Приамурья, в 1859 г. передал в Кунсткамеру плетеную шляпу чугачей.

Марков Александр Иванович — служащий Российско-Американской компании, в 1841–1850 гг. находился в Русской Америке, написал книгу о своей службе в Российско-Американской компании.

Мерк Карл Генрих (1761–1799) — натуралист, участник Северо-восточной географической экспедиции (1785–1794 гг.) под руководством И. И. Биллингса.

Михайлов Павел Николаевич (1786–1841) — художник, участник кругосветной экспедиции на судне «Моллер», в 1827–1828 гг. находился в Русской Америке.

Очередин Афанасий — штурман, в 60–80-е гг. XVIII в. участвовал в торгово-промышленных экспедициях по освоению Алеутских островов и Аляски.

Паньков Дмитрий — мореход, в 50–80-е гг. XVIII в. участвовал в торгово-промышленных экспедициях по освоению Алеутских островов и Аляски.

Петелин Илья Иванович — православный священник на Аляске.

Пинар Альфонс Луис (1852–1911) — французский этнограф, в 1871–1872 гг. проводил исследования на Аляске. В 1873 г. посетил Кунсткамеру, изучал коллекции по народам Русской Америки.

Повалишин Петр Васильевич (1775–1852) — мореплаватель, участник кругосветного плавания на судне «Нева», в 1804–1805 гг. находился в Русской Америке.

Полутов Дмитрий — штурман, в 70–80-е гг. XVIII века участвовал в торгово-промышленных экспедициях по освоению Алеутских островов и Аляски.

Пономарев Савин — казак, участник торгово-промышленной экспедиции на судне «Св. Иулиан» в 1758–1762 гг. на Алеутские острова.

Романовский Александр Данилович — врач, находился на службе в Русской Америке в 1840–1845 гг., передал коллекцию в Кунсткамеру.

Румянцев Николай Петрович (1754–1825) — министр коммерции в 1802–1810 гг., министр иностранных дел в 1808–1814 гг.

Рупрехт Франц Иванович (1814–1870) — биолог, в 1838 г. принимал участие в регистрации североамериканских коллекций Кунсткамеры.

Сарычев Гавриил Андреевич (1763–1831) — мореплаватель, участник Северо-восточной географической экспедиции 1785–1794 гг. В 1790–1792 гг. проводил исследования в Русской Америке.

Скотт Степан Григорьевич — английский мореплаватель на русской службе.

Станюкович Михаил Николаевич (1786–1869) — мореплаватель, в 1826–1829 гг., командуя судном «Моллер», совершил кругосветное плавание, в 1827–1828 гг. находился в Русской Америке.

Стеллер Георг Вильгельм (1709–1746) — сотрудник ИАН, в 1741 г. участвовал в плавании к берегам Аляски на пакетботе «Св. Петр» под командованием В. Й. Беринга.

Тарханов Павел Васильевич (1787–1839) — астроном, участник кругосветного плавания на шлюпе

«Открытие» под командованием М. -Н. Васильева, в 1820–1821 гг. находился в Русской Америке.

Тебеньков Михаил Дмитриевич (1802–1872) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, главный правитель Российско-Американской компании на Аляске в 1845–1850 гг.

Тиханов Михаил Тихонович (1789–1862) — художник, участник кругосветной экспедиции на судне «Камчатка», в 1818 г. находился в Русской Америке.

Тихменев Петр Александрович (1824–1888) — мореплаватель, автор книги по истории Российско-Американской компании.

Хитрово Софрон Федорович (?–1756) — мореплаватель, в 1741 г. участвовал в плавании к берегам Аляски на пакетботе «Св. Петр» под командованием В. Й. Беринга.

Хлебников Кирилл Тимофеевич (1784–1838) — служащий Российско-Американской компании, в 1818–1832 гг. находился в Русской Америке.

Хольмберг Генрих Иоганн (1818–1864) — финский натуралист, в 1850–1851 гг. находился в Русской Америке, автор книги о народах Аляски.

Хрущев Степан Петрович (1790–1865) — мореплаватель, участник кругосветного плавания, в 1823 г. находился в Русской Америке.

Чириков Алексей Ильич (1703–1748) — мореплаватель, в 1741–1742 гг. плывал у берегов Аляски и Алеутских островов.

Чудновский Георгий (?–1896) — православный миссионер на Аляске в 1890–1891 гг.

Шелихов Григорий Иванович (1747–1795) — предприниматель, основал первое русское поселение на острове Кадьяк.

Шишмарев Николай Дмитриевич (1797–1843) — мореплаватель, командуя шлюпом «Благонамеренный» участвовал в кругосветном плавании, в 1820–1821 гг. находился в Русской Америке.

Шрадер Егор Иванович — зоолог, хранитель Зоологического и Этнографического музеев ИАН в 1836–1846 гг.

Штейн Федор — натуралист, участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Открытие» под командованием М. Н. Васильева, в 1820–1821 гг. находился в Русской Америке.

Этолин Адольф Карлович (1798–1876) — мореплаватель, находился на службе в Российско-Американской компании с 1818 г. В период с 1818 по 1837 гг. пятнадцать лет провел в Русской Америке. В 1840–1845 гг. — главный правитель Российско-Американской компании на Аляске.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРГО — Архив Русского географического общества
ГМЭ — Государственный Музей этнографии народов СССР

ИАН — Императорская Академия наук

ИРГО — Императорское Русское географическое общество

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

МГАД — Музей Государственного адмиралтейского департамента

МГУ — Московский государственный университет

НИМ РАХ — Научно-исследовательский музей Российской академии художеств

ПФА РАН — Петербургский филиал архива Российской академии наук

РАК — Российско-Американская компания

РЭМ — Российский этнографический музей

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Ю.К. Чистов</i>)	3
Традиционная культура эскимосов аляутиик (<i>С.А. Корсун</i>)	5
История формирования собрания Кунсткамеры по эскимосам аляутиик (<i>С.А. Корсун</i>)	13
Катмайцы	33
Орудия промысла и вооружение	36
Домашняя утварь	50
Одежда	57
Церемониальные принадлежности	80
Кадьякцы	87
Орудия промысла и вооружение	90
Домашняя утварь	191
Одежда, украшения и символы власти	219
Предметы культа	297
Чугачи	353
Орудия промысла	358
Вооружение	378
Домашняя утварь	386
Церемониальные принадлежности	396
Кадьяк в культурном пространстве Северной Пацифики (<i>Ю.Е. Березкин</i>)	421
Коллекции Кунсткамеры и перспективы изучения культуры сугпиак (<i>С.Д. Хаакансон</i>)	451
Справочные материалы	457

Научное издание

Утверждено к печати Ученым Советом Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

ЭСКИМОСЫ АЛЮТИК

Каталог коллекций Кунсткамеры

Автор-составитель каталога С. А. Корсун
Ответственный редактор Ю. Е. Березкин

Отбор предметов С. А. Корсун
Фотограф С. Б. Шапиро
Редактор М. А. Ильина
Корректор М. В. Банкович

ЗАО «Издательский дом «АЦТЕК»:
Менеджер проекта В. Л. Фейгин
Дизайн, обработка иллюстраций А. В. Амбросович, В. В. Зинкова, Д. С. Третьяков
Компьютерная верстка Д. С. Третьяков

Подписано в печать . . . 2010.
Формат 240 × 290 мм. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Усл. п.л. 58.

Учреждение Российской академии наук
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в типографии «Дитон»
199044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, литера М

